

ГОРБИ GORBY

№ 5

ЯНВАРЬ 2024

МЕНЕДЖМЕНТ СВОБОДЫ

БОЛЬШАЯ ТРОЙКА. ГОРБАЧЕВ — СОЛЖЕНИЦЫН — САХАРОВ

Рифмы: рубрика Александра Архангельского. Третий не лиш-
ний. **стр. 4**

Вадим МЕДВЕДЕВ. **Страсти по Солженицыну.** Из книги:
В. Медведев «Прозрение, миф или предательство». **стр. 8**

Документы по «проблеме Солженицына»: Письма представи-
телей общественности, творческой интеллигенции о необходимости
гражданской и литературной реабилитации А.И.Солженицына, записка
Медведева и Чебрикова на эту же тему для рассмотрения в ЦК. **стр. 12**

Павел ПАЛАЖЧЕНКО. **«Он выполнил дело своей жизни».** Как
Горбачев относился к Солженицыну. **стр. 16**

Михаил ГОРБАЧЕВ. **«Я считал Сахарова союзником.
Но о безоговорочной поддержке не просил».** Интервью Павлу
Палажченко. **стр. 18**

Юрий РОСТ. **Не поддается правке.** Интервью А.Д.Сахарова вре-
мен Съезда народных депутатов комментирует М.С.Горбачев. **стр. 22**

ИССЛЕДУЕМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Борис ВИШНЕВСКИЙ. **Обнуление Конституции.** Несмотря на пря-
мое действие Основного закона, его нормы или не выполняются, или
игнорируются. **стр. 28**

Наталья ЧЕРНОВА. **Нерадужный год.** За последнее время в стране
было принято пять законодательных новаций против «нетрадицион-
ных» ценностей. **стр. 36**

Ирина ТУМАКОВА (признана в РФ «иноагентом»). **Россия для
Китая уже не коридор, а тупик.** О том, как отношения США
с Китаем влияют на Россию. Беседа с экономистом и социологом
Владиславом Иноземцевым (признан в РФ «иноагентом»). **стр. 42**

О чем думают в России: социологическая рубрика.
Спасительная прострация. Итоги прошедшего года в массовом созна-
нии. **стр. 48**

НЕОТЛОЖНЫЙ РАЗГОВОР

Леонид НИКИТИНСКИЙ. **МТМ: Машина тоталитаризма мо-
дернизированная.** Власть в обществе, обретающем тоталитарные

черты — это не персоны, не институты, не закон, а стратегии и техники
сохранения господства. **стр. 54**

ЧТО НА ГОРИЗОНТЕ

Иван КРАСТЕВ. **«Мы себя ведем так, как будто мы последние
люди на земле».** Беседовал Андрей Колесников (признан в РФ
«иноагентом»). **стр. 60**

Роман ШАМОЛИН. **Восстание одержимых.** Десятилетиями кон-
формисты делали все, чтоб архаические страсти разрастались и кре-
пли. **стр. 64**

Марина ВИНОГРАДСКАЯ. **«Запретить» и «вернуть».**
Лишь этими двумя способами власти собираются решать школьные
проблемы. **стр. 68**

ДЕМИСТИФИКАЦИЯ

Павел ПОЛЯН. **Рисуем потери.** Как политические соображения
сменявших друг друга руководителей СССР «определяли» количество
советских людей, погибших в Великой Отечественной. **стр. 72**

Дмитрий ПРОКОФЬЕВ. **Стена и лазейки.** Как была устроена и как
работала теневая экономика СССР. **стр. 78**

Виталий ЯРОШЕВСКИЙ. **Хартия отрешенных.** Чехословацкие
диссиденты ставили борьбу за права человека выше борьбы за власть.
И победили. **стр. 82**

СМЫСЛОВАЯ НАГРУЗКА

Александр РУБЦОВ. **Динамика раскола.** Идет война холодная,
гражданская война. **стр. 88**

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ «ГОРБИ»

Майя КУЧЕРСКАЯ. **Заморозки «Оттепели».** Среди самых важных
изданий года — мемуары художника Михаила Шемякина и двухтом-
ник критика Сергея Чупринина о хрущевской оттепели. **стр. 92**

Судьбоносный 1982 год. Самоубийство Семена Цвигуна.
Фрагмент из книги Никиты ПЕТРОВА «Время Андропова», вышедшей
в издательстве РОССПЭН. **стр. 96**

ГОРБАЧЕВ
GORBY

МЕНЕДЖМЕНТ СВОБОДЫ

Большая Тройка

ГОРБАЧЕВ – СОЛЖЕНИЦЫН – САХАРОВ

Рубрика
Александра Архангельского

Третий — не лишний

Чтобы выбраться из тупика, нужно иметь план выхода — и цель движения. Цель может быть пересмотрена, а план устареть, но без них начинать бесполезно. В этом смысле позднесоветская ситуация не просто печальна; она катастрофична. Диссиденты, лоялисты, циники, эмигранты 70-х, экономические аналитики, особо приближенные эксперты, околицерковные интеллектуалы, не сговариваясь, констатировали тяжкий кризис; некоторые, как прозорливый Андрей Амальрик, ставили вопрос о том, просуществует ли СССР до 1984 года, но траекторию альтернативного движения не предлагал никто. Максимум — оценивали риски перемен, как братья Стругацкие, создавая образы прогрессоров.

Но было два счастливых исключения — и одна потенциальная возможность. Что за возможность и какие исключения — чуть позже. А пока перенесемся в 1974 год, когда будущий генсек Михаил Горбачев возглавлял Ставропольский крайком КПСС и комиссию Верховного совета по делам молодежи, не планируя перестройку и не продумывая идеологию грядущих перемен. Именно тогда выдающийся поэт и неординарный мыслитель фронтового поколения Давид Самойлов написал язвительную поэму «Струфиан».

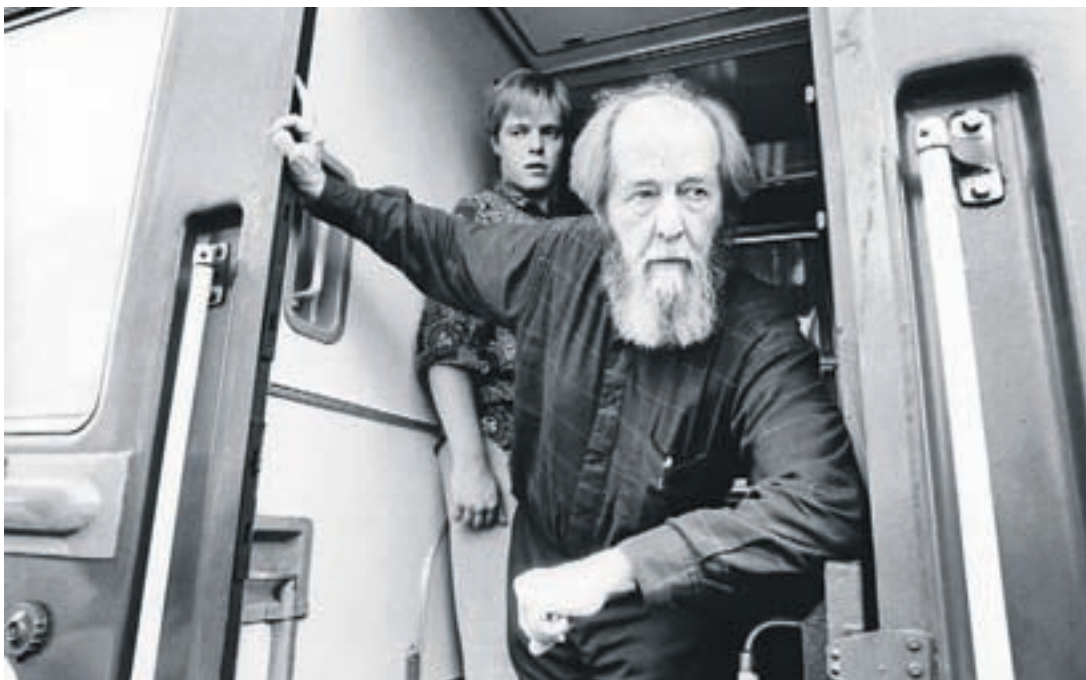
В ней он вывернул наизнанку популярный миф о том, что царь Александр I не умер накануне восстания декабристов, а покинул трон и стал сибирским старцем Федором Кузьмичом. По Самойлову, царя похитили инопланетяне, а свидетелем похищения стал казак Федор Кузьмин, сочинявший на досуге утопический трактат «Благое Намеренье об исправленье Империи Российской». Фантазмагорический сюжет

аукался с брежневской современностью и легко поддавался дешифровке. История остановилась, смена власти невозможна, разве только в результате вмешательства инопланетных сил, а планировать будущее могут только странноватые персонажи вроде самодеятельного казака. Притом что призрак надвигающейся революции бродит вдоль границ России: «Попахивало на Сенатской / Четырнадцатым декабря».

Самое интересное (и самое двусмысленное) в этой очаровательной поэме — изложение кузьминского трактата, в котором без труда опознавалась пародия на политическую публицистику Александра Исаевича Солженицына: «На нас, как ядовитый чад, / Европа насылает ересь. / И на Руси не станет через / Сто лет следа от наших чад. / Не будет девы с коромыслом, / Не будет молодца с сохой. / Восторжествует дух сухой, / Несовместимый с русским смыслом. / <...> Необходимо наше царство / В глухие увести места — / В Сибирь, на Север, на

Восток, / Оставив за Москвой заслоны, / Как некогда увел пророк / Народ в предел незаселенный».

Отрывок, повторим, двусмысленный: Солженицын только что выслан из СССР (февраль 1974-го), и одно дело спорить с ним в подпольной печати, в равных условиях, другое — в подцензурной книжке, с позиций силы. Но для нас куда важнее другое. Непосредственный объект пародии — написанное Солженицыным в 1973 году и тогда же отправленное адресатам «Письмо вождям Советского Союза». В «Письме» была описана развилка, перед которой замерло позднесоветское общество: система трещит по швам, заменить ее нечем, а поправить можно тремя взаимоисключающими способами, сочетать которые не удастся. Либо смести все с помощью новой революции, либо насильственно ввести либерализм западного типа, либо осуществить консервативные реформы, примиряющие сиюминутные интересы властителей

Кадр из фильма «Александр Солженицын. Раскаание»

Владимир ЗАВЬЯЛОВ / ТАСС

“ Единственная альтернативная стратегия, которой Солженицын придавал тогда значение и с которой был готов внутренне полемизировать как равный с равным, принадлежала академику Сахарову ”

и историческое призвание страны. Первый вариант для Солженицына исключен, новой революции Россия не выдержит. Второй сомнителен, поскольку не свойственен. А вот взаимные усилия вождей и оппозиции по смягчению авторитаризма — возможны и даже желательны.

Но при одном условии. Жизнь коммунистического государства навсегда разлучается с марксизмом и космополитизмом и приобретает национальные черты. Не националистические — это Солженицын разъяснял во множестве интервью 70-х,

а глубже — из-за несравненных страданий, перенесенных нами».

Это ограничение будет многократно усилено в солженицынском трактате 1990-го «Как нам обустроить Россию», где самой формуле «перестройка» автор противопоставит идею обустройства, реформаторскую, антиреволюционную и национально окрашенную в одно и то же время. Рассуждения о «мягком подбрюшьи» Средней Азии не добавит сторонников солженицынскому проекту образца 1990-го — за пределами России. А внутри России

а именно национальные. Но и не универсалистские. Тут следует важная оговорка: «Я желаю добра всем народам, и чем ближе к нам живут, чем в большей зависимости от нас — тем более горячо. Но преимущественно озабочен я судьбой именно русского и украинского народов, по пословице — где уродился, там и пригодился,

гуманистическое русофильство тоже не пустит глубокие корни. Для русофилов гуманизм избыточен, для гуманистов русофильство непонятно. Точно так в 1973-м антизападные пассажи не прибавили сочувственников великому писателю и масштабному прожектору национального будущего.

Но факт остается фактом: к 1974-му как минимум один полномасштабный проект выхода из тупика, с предупреждениями об опасностях и приложенными картами минных полей, имелся. Путь русско-украинский, национальный, отрицающий шовинизм, но предельно критичный по отношению к Западу: «Опасность — многосторонний тупик западной цивилизации, к которой и Россия давно избрала честь принадлежать, — не так близка, еще в запасе есть два-три десятилетия... И я не касался бы той опасности в этом письме, если бы решение обеих задач не совпадало бы во многом, если бы один и тот же поворот, единое решение не избавляло бы нас от обеих опасностей! Так благоприятно редко сходится в истории. Эти дары ее надо ценить, эти возможности не упускать».

Третий — не лишний

Преодоление марксизма, национальные корни... А дальше — отказ от обожествления прогресса в пользу сбережения природы, о чем знал «любой деревенский дед» — и о чем забыли наши западные учителя. Затем — разворот русской цивилизации на северо-восток... словом, все, над чем смеется Давид Самойлов в 1974-м и над чем в 1986-м еще жестче будет издеваться в антиутопии «Москва 2042» Владимир Войнович. Все — кроме одного разъяснения, которое Солженицын будет повторять почти во всех своих публичных выступлениях 70-х. А именно: что он не предлагает безальтернативную, единственно возможную модель выправления настоящего ради прорыва в будущее. А только одну из возможных стратегий, которую сам он считает правильной, но которую готов обсуждать в рамках общей дискуссии.

При этом понятно, что единственная альтернативная стратегия, которой Солженицын придавал тогда значение и с которой был готов внутренне полемизировать как равный с равным, принадлежала академику Сахарову. Первый набросок программы спасения тонущей страны был сделан Андреем Дмитриевичем в далеком 1968-м, когда он начал работу над книгой «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Позже он будет скептически отзываться о собственном труде: «компиляция либеральных, гуманистических и «наукратических» идей, базирующаяся на доступных мне сведениях и личном опыте». Но при всем том абрис будущей сахаровской программы здесь уже намечен. На уровне цивилизационном необходима конвергенция, то есть переплетение принци-

пов капитализма и социализма. На уровне межстрановом — переговоры вместо войн. На уровне интеллектуальном — универсализм гуманистических решений.

До и помимо Солженицына Сахаров набросал вчерне свою стратегию, свой план, свою «дорожную карту». А уже в 1970-м совместно с Роем Медведевым и Валентином Турчиным он напишет свое «письмо вождям». В первом пункте оно совпадает с будущим солженицынским посланием: «шеф, усе пропало»; если не начать немедленное движение к реформам, обвал гарантирован. Во втором тоже: мирный путь единственно приемлем, никаких революционных потрясений. Начиная с третьего пункта нарастает расхождение. Не отказ от марксизма, а усовершенствование социализма, не смягчение авторитаризма, а усиление демократии. В четвертом происходит окончательный смысловой разрыв. «На первый план выдвинулись проблемы управления и организации... Они требуют широкого обмена информацией и идеями».

Сахаров настаивает: закрытые информационные системы губительны; отгораживание от Запада приведет нас к зависимости от Востока и дальнейшему отставанию, чреватому распадом. Отдельная тема — отношения государственного руководства и интеллигенции; поправить их, пока государство блокирует информацию, не удастся. А как только они поправятся, это вызовет всплеск энтузиазма, равного которому в мире не было и не будет. Что ранняя перестройка полностью подтвердит (кстати, именно в 1970-м Горбачев возглавит крайком).

Но (вопреки Солженицыну) одно из предварительных, необсуждаемых условий успеха политики перемен — «новое издание» космополитизма, включая запрет на указание национальности в паспорте. При этом поправленные при Сталине права депортированных народов должны быть восстановлены; но не потому, что в современной цивилизации по-прежнему важны нации, а потому, что

важны права человека. И никакие политические соображения не должны препятствовать одному из главных прав человека — на перемещение по миру. Об этом Сахаров напишет в 1971-м — и еще жестче разойдется с Солженицыным, для которого эмиграция вопрос слишком узкий; сама по себе она важна, поскольку «всякое препятствие эмиграции есть дикость, не достойная цивилизованной страны», но «эмиграция — всегда и везде слабость, отдача родной земли насильникам».

Пафос Сахарова интернационален; почвенничество Солженицына для него неприемлемо, «вообще, само разделение идей на западные и русские непонятно. По-моему, при научном, рационалистическом подходе к общественным и природным явлениям существует только разделение идей и концепций на верные и ошибочные. И где эта здоровая русская линия развития? Неужели был хоть один момент в истории России, как и любой страны, когда она была способна развиваться без противоречий и катаклизмов?».

Проблема национального внутри универсального и универсального внутри национального год от года разносила Сахарова и Солженицына все дальше. Сахаров напишет в 1974-м открытый ответ на «Письмо вождям», в котором напрямую обвинит своего великого оппонента в узости «русского взгляда» на вещи, в чрезмерном внимании к религиозному и недостаточном — к рациональному началу...

Но! — и тут начинается главное — мы же не случайно мягко отсылаем к Горбачеву. Ясно, что в 1970-е никаких больших идей, никаких спасительных утопий у него не было и быть не могло. В отличие от будущего «прораба перестройки» Александра Яковлева, который в 1972-м напечатал в «Литературной газете» статью «Против антиисторизма», где с марксистско-ленинских позиций обличал литературное почвенничество как зародыш будущего шовинизма. (И прозрачно намекая на Солженицына.) Статья вызвала гнев начальства, Яковлев был отправлен

AFP

в почетную ссылку, послом в Канаду, где с ним и познакомился Горбачев — и пригласил в состав «прорабов перестройки».

Горбачев никаких утопий и антутопий в 1970-е не прорабатывал. Он просто делал карьеру, решал конкретные хозяйственные вопросы, требовал от директоров совхозов перевыполнения планов по зерну и мясу, строил отношения с московскими покровителями. Но было в его опыте то, что потенциально сближало (и параллельно разводило) его и с сахаровской, и с солженицынской программами. В отличие от академика ставропольский функционер соприкасался с «национально окрашенной» реальностью юга России. А в отличие от писателя не собирался жертвовать марксизмом или заранее отречься от Запада. Он мотал на ус во время постоянных туристических поездок с Раисой Максимовной (начиная

с 1971 года). И смотрел, что применимо, что нет, что может прижиться, что будет с неизбежностью отторгнуто.

Не отвлеченные интеллектуальные построения, а ежедневный практический опыт расширял его сознание и заранее исключал однозначный выбор в пользу почвенной или западной традиции. Понятно, что если бы ему в 1970-е пришлось непредвзято прочесть «Размышления...» и «Письмо вождям», он предпочел бы сахаровские формулы, словно предвещавшие идеи перестройки. И во многом отозвавшиеся в горбачевских мечтаниях об открытом мире, о разоружении, о перестройке для всех. Но как практический политик он понимал, что двоичные системы бесперспективны, и окончательный выбор одного из двух — бессмыслен. В конечном счете он выберет третье — полноценную демократию, в пределах кото-

рой ставка сделана на конкуренцию идей. Не на победу, не на вытеснение, а именно на конкуренцию, для которой одинаково важны и Солженицын, и Сахаров, и Давид Самойлов.

Не плюрализм, столь ненавистный позднему Солженицыну, не равнодушное принятие всего, а постоянная возможность выбора. Собственно, это был единственный рабочий вариант. Не почва, не Запад; не сочетание одного с другим; не выдавливание Сахарова Солженицыным или отказ от Самойлова, а широкое поле возможностей. Не путать с полем чудес, гуляй-полем и полевыми командирами, которые всегда являются после отказа от реальной демократии.

*Александр
Архангельский*

Страсти по Солже- нищину

Вадим

Медведев*

Теперь настало время рассказать и о событиях, связанных с реабилитацией Солженицына и возобновлением публикации его произведений в стране. Моя позиция и мои действия в них получили довольно широкое, но далеко не адекватное отражение в печати.

С этой проблемой я столкнулся буквально чуть ли не с первых дней своей деятельности в Политбюро. В середине октября 1988 года стало известно, что в Президиум Верховного Совета СССР поступило обращение руководителей Союза кинематографистов, в котором ставится вопрос об отмене дискриминационных мер в отношении Солженицына. Группа писателей выдвинула требование о восстановлении его в своем союзе.

18 октября я провел по этому вопросу совещание, на котором присутствовали Лукьянов, Крючков вместе с начальником 5-го управления КГБ Абрамовым, Карпов, заведующие отделами ЦК Павлов, Капто, Воронов, заместитель за-

ведующего отделом Егоров. В ходе обмена мнениями Абрамов и Лукьянов высказались за продолжение жесткой линии и возобновление разоблачительной работы в отношении Солженицына; Крючков и Карпов — за более взвешенный подход на основе разграничения правовых аспектов выдворения Солженицына и идейно-политических позиций. Не остался незамеченным и тот факт, что от самого Солженицына никаких обращений относительно реабилитации не поступало, равно как не было с его стороны каких-либо высказываний, проливающих свет на отношение писателя к процессам демократизации в нашей стране.

Я поддержал позицию Крючкова и Карпова, доложил о ней Горбачеву, и в таком духе была составлена записка для Политбюро, в которой речь шла не столько о публикации произведений Солженицына, сколько об общем изменении отношения к нему.

В эти дни мне пришлось углубиться в чтение произведений Александра Исаевича. Прочитав практически все, что им было написано и опубликовано и до чего раньше не доходили руки (сами произведения пришлось доставать через КГБ), убедился, что в художественном отношении лучше того, что было опубликовано в свое время в «Новом мире» — «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор», — у него ничего нет. Автобиографические произведения: «В круге первом», «Раковый корпус» — при всей необычности языка и писательской манере — скучны, я их с трудом осилил. Что касается «Архипелага ГУЛАГ», то его трудно отнести к произведениям художественной литературы, равно как и к историческим исследованиям. Это скорее публицистика и документалистика,

круто замешанная на крайне субъективной авторской позиции. Несколько позднее я взялся за чтение «Красного колеса», но так и не смог довести его до конца.

Естественно, письма деятелей культуры, касающиеся Солженицына, попали в прессу и стали достоянием общественности.

Они активно обсуждались в стране, оживленно комментировались за рубежом.

В традиционалистски настроенных кругах, в партийном и государственном аппарате предложения о реабилитации Солженицына вызвали полное неприятие. Многие по-прежнему считали меры, принятые в отношении него, оправданными, что и сейчас надо продолжать действовать этими же методами, то есть «не пускать», «запрещать» и т.д. В результате длительной массивированной пропагандистской кампании сложилось прочное представление о Солженищине как об идеологическом и политическом противнике, в чем, собственно, была немалая доля истины.

В среде интеллигенции письма встретили сочувственное отношение. Весьма интересно, что реакция на дело Солженищину была неодинаковой в среде русофильско-патриотической и либерально-западнической интеллигенции.

«Патриоты», особенно крестьянско-патриархального толка, рьяно выступали за полную реабилитацию опального писателя, рассматривали его как знамя патриотического движения. «Западники» относились к фигуре Солженищину довольно сдержанно, выдвигая на первый план антисоветизм писателя. Характерно, что в письме, поступившем в адрес Горбачева от «Московской трибуны» (Ю. Афанасьева, А.М. Адамовича и др.), а также от группы ученых, на первый план было выставле-

* В. А. Медведев — с марта 1986 по июль 1990 — секретарь ЦК КПСС, с сентября 1988 по июль 1990 — член Политбюро ЦК КПСС.

EASTNEWS

но требование опубликовать «Архипелаг ГУЛАГ». В моем присутствии Горбачев разговаривал с Адамовичем и дружески говорил: «Александр Михайлович, что же вы делаете, кого поднимаете на щит? Это же наш противник, который вел и ведет борьбу против нас!»

Осенью 1988 года ситуация вокруг Солженицына не приобрела взрывного характера. Но неуклонно пробивало себе дорогу мнение, что запреты и административные меры в отношении инакомыслия недопустимы, что они часто дают обратный эффект, что читателю надо дать возможность самому составить мнение о тех или иных произведениях и их авторах. В различных аудиториях, с которыми мне приходилось встречаться, вопросы о Солженицыне ставились напрямую и в острой форме. Мои ответы не могли оставаться неизвестными, они довольно широко комментировались, в том числе и в зарубежной печати, сопровождалась различного рода домыслами, искаже-

ниями и совершенно необоснованными утверждениями. Основной их лейтмотив состоял в том, что, по выражению одной газеты, «идеолог Коммунистической партии Вадим Медведев недавно наложил категорический запрет на публикацию произведений Солженицына».

Такие утверждения не имели ничего общего с действительностью. Напротив, я был принципиальным сторонником полной отмены сохранившихся еще ограничений. По моей инициативе все опубликованные в стране произведения, ранее изъятые из свободного обращения и сосредоточенные в спецхране, были выставлены на общие полки библиотек. Это относится к опубликованным произведениям Солженицына и к тем номерам журнала «Новый мир», в которых они были напечатаны.

В то же время в публичных выступлениях и в рабочих беседах я не скрывал своей точки зрения на идейно-политическую направленность литературного творчества Солженицына. <...>

В начале ноября у Горбачева состоялся обмен мнениями по этому вопросу с моим, а также Крючкова, Чебрикова и Лукьянова участием. Был согласован предложенный нами подход к этому делу, состоящий в разграничении двух сторон: государственно-правовой оценки выдворения писателя из страны и идеологической, которая определяет наше отношение к взглядам и политизированным произведениям Солженицына. Было поручено Лукьянову и Крючкову рассмотреть материалы, связанные с принятием указа о лишении Солженицына гражданства и внести соответствующие предложения, хотя в принципе и без анализа документов было ясно, что лишение Солженицына гражданства и высылка его за рубеж не имели юридического обоснования.

Страсти по Солже- нищину

Мне было предложено провести серию бесед с деятелями культуры по их обращению, касающемуся Солженицына. В течение сравнительно небольшого отрезка времени я обсудил этот вопрос с Залыгиным, Распутиным, Астафьевым, Евтушенко, кинорежиссерами Смирновым, Наумовым и многими другими. Все они высказывались за отмену указа о выдворении Солженицына из страны и лишении его гражданства, возобновление публикаций солженицынских произведений. Вместе с тем многие были согласны со мной в критической оценке взглядов писателя, его книг. При обсуждении с редакторами журналов проблемы публикации произведений Солженицына я советовал с учетом реакции в стране воздержаться пока от публикации, в частности, «Архипелага», но при этом никаких указаний и запретов не было.

12 декабря в Доме кино состоялось собрание по случаю 70-летия Солженицына. Было много ораторов, в их числе В. Лакшин, О. Виноградов, Ю. Афанасьев, Ю. Карякин, Е. Яковлев. Конечно же, не обошлось без хвалебных од в адрес Солженицына и язвительно-критических стрел в направлении властей. Но говорилось и о непринятии Солженицыным Октября, советской власти, социализма.

Пожалуй, после всего этого первая волна общественной активности в пользу реабилитации Солженицына стала спадать, а острота вокруг этого вопроса ослабевать. Тем не менее я не раз напоминал Лукьянову и Крючкову о поручении Горбачева по правовым аспектам выдворения Солженицына. Лукьянов ссылался на Крючкова, а тот каждый раз обещал прислать официальный документ в ЦК КПСС, но он к нам так и не поступил.

Весной 1989 года началось новое нарастание напряженности вокруг этой проблемы. В определенной мере оно возникло на почве распространившегося мнения о смягчении позиции властей в отношении Солженицына. Оно поддерживалось западными средствами массовой информации. Вот выдержка из передачи радиостанции «Немецкая волна» 12 апреля: «В конце октября прошлого года только что ставший тогда ответственным за идеологию Владимир

Медведев запретил публикацию отрывков из «Архипелага ГУЛАГ» в «Новом мире». Так сообщали западные корреспонденты из Москвы. Говорилось также, что Медведев вообще против публикации любых произведений Солженицына. Если это было действительно так, то позиция Медведева несколько смягчилась. Во всяком случае, во втором номере журнала «Век XX и мир» была опубликована статья Солженицына «Жить не по лжи». В статьях, опубликованных в различных советских газетах и журналах, имя Солженицына все чаще упоминается благожелательно».

Оставляем на совести корреспондентов и комментаторов домыслы о запретах. Их не было, о чем говорит и упомянутый в передаче факт публикации. Но редакторы журналов прислушались к моим советам и мнению относительно того, что можно было бы опубликовать в первую очередь. Но вот в конце апреля по просьбе Залыгина состоялась наша новая встреча. Сергей Павлович вернулся к вопросу о публикации произведений Солженицына, в частности, «Архипелага ГУЛАГ», ссылаясь на сильнейшее давление на него со стороны широкой общественности как в стране, так и за рубежом.

«Сергей Павлович, — сказал я, — в принципе у нас нет и не будет разночтений, если начать с публикации произведений, написанных для нашей печати.

Насколько я знаю, в свое время была уже достигнута договоренность о публикации в «Новом мире» «Ракового корпуса» и «В круге первом». Журнал поступил бы логично, осуществив в первую очередь публикацию этих произведений. Мы, собственно, уже двинулись по этому пути, переведя опубликованные произведения Солженицына из спецхрана на свободный доступ. Ведь это вопрос не столько литературный, сколько политический, и надо учитывать настроения в обществе в целом, а не только в одной его части.

«Но такова воля автора, — ответил Залыгин. — Он согласен на возобновление своих публикаций в Союзе, если они будут начаты с «Архипелага».

«Ну а почему вы должны подчиниться его условиям? Надо постараться убедить автора в иной последовательности, в иной логике решения этого вопроса».

Собеседник вроде бы и понимал это, но вместе с тем говорил, что это очень трудно, и я понял, что он уже связан договоренностями. Вообще говоря, Залыгин мог бы, и не обсуждая этого вопроса в ЦК, публиковать то, что хочет, и мы не смогли бы и не стали препятствовать этому. Но порядочность этого человека, наши предыдущие обсуждения, понимание политической значимости предстоящего шага не позволили ему сделать это. В ходе встречи писатель проявил интерес к участию в предстоящем визите Горбачева в Китай. Я думаю, что он в какой-то мере был связан с возможностью неформального общения с Горбачевым для решения солженицынского вопроса.

В начале лета вопрос достиг критической точки. Начала складываться ситуация, когда все основные писательские силы, принадлежавшие к самым различным, в том числе противоположным, направлениям и к людям, стоящим вне группировок, заняли позицию требовательной поддержки не только реабилитации Солженицына, но и публикаций всех его произведений.

26 июня я доложил об этой ситуации Горбачеву, который, впрочем, и сам располагал необходимой информацией. Я высказался за безотлагательное решение юридическо-правовой стороны дела, отмену решений, касающихся выдворения Солженицына и лишения его гражданства. Нельзя дальше настаивать на целесообразности публикации произведений Солженицына. По всем этим вопросам надо поставить точку на Политбюро, иначе мы окажемся не то чтобы в хвосте мчащегося вперед поезда, а вооб-

Cavendish historical society

1994 год. Встреча Солженицына на родине

ще позади него. Горбачев согласился со мной, но просил еще раз переговорить с Залыгиным.

Как и следовало ожидать, позиция Сергея Павловича оказалась еще более жесткой, его решения и действия были фактически уже predetermined, и повернуть вспять готовящуюся публикацию «ГУЛАГа» было невозможно. Но он обещал сам написать развернутое послесловие, в котором была бы отмечена субъективность и, по меньшей мере, спорность идейно-политических взглядов Солженицына по ряду вопросов истории нашей страны.

29 июня на заседании Политбюро «за повесткой дня» (под этой рубрикой на Политбюро обсуждались, пожалуй, самые жгучие вопросы) Горбачев предоставил мне слово. Я кратко изложил суть дела, рассказал о своих дискуссиях с Залыгиным и другими деятелями культуры, о практически единодушных настроениях в писательской среде, которая в этом вопросе забыла даже обо всех своих групповых распрях. Скольнибудь развернутого обсуждения не было, хотя по отдельным репликам и выражению лиц было видно, насколько мрачна реакция у многих моих коллег по Политбюро. Никакого постановления не принималось, просто моя устная информация была принята к сведению. Имелось в виду, что

писатели сами примут соответствующие решения.

А на следующий день состоялось заседание секретариата Союза писателей, обсудившее так называемую проблему Солженицына. На нем выступили А. Адамович, А. Вознесенский, С. Залыгин, В. Крупин, С. Михалков, Я. Петерс, В. Розов и другие. Были оглашены телеграммы Г. Бакланова, Д. Гранина, А. Иванова. В результате двухчасового обсуждения было единодушно принято решение о поддержке инициативы издательств «Советский писатель», «Современник», журнала «Новый мир» начать публикацию литературных произведений А. Солженицына, ранее не издававшихся в СССР, включая «Архипелаг ГУЛАГ», отменено решение Союза писателей СССР 1974 года об исключении А. Солженицына из Союза писателей СССР как ошибочное. Решено обратиться в Верховный Совет СССР с просьбой вернуть А. Солженицыну гражданство СССР. Все пункты решения были приняты единогласно.

С. Залыгина, проявившего, пожалуй, наибольшую настойчивость в решении этого вопроса, даже критиковали за недостаточную твердость, однако в целом возобладали точка зрения, что это слишком

серьезная проблема, чтобы тут проявлялась какая-то спешка. Рассмотрение вопроса о Солженицыне на данном секретариате воспринято как оправданное и своевременное. Согласились и с тем, что вокруг него не следует поднимать большой шум и превращать его в предмет литературной и политической сенсации. В этом духе были составлены и опубликованы в «Литературной газете» и в «Литературной России» соответствующие информационные сообщения.

Так закончилась эта эпопея. Публикация солженицынских произведений, отмена репрессивных мер в отношении писателя, восстановление его гражданских прав не потрясли общество. Но они стали символом той расширительной трактовки плюрализма, которая не ограничивает его ни социалистическими, ни даже общечеловеческими ценностями, открыли путь для возвращения Солженицына на родину. В конечном счете все встало на свои места.

Из книги: Медведев В. «Прозрение, миф или предательство? К вопросу об идеологии перестройки». М.: Евразия+, 1998.

МЕНЕДЖМЕНТ СВОБОДЫ
БОЛЬШАЯ ТРОИКА. ДОКУМЕНТЫ

1097/1-10

29. сентября 1988 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
товарищу А.А. ГРОМКО

Союз Кинематографистов СССР ПРАВИЛЕНИЕ

Уважаемый Андрей Андреевич!

В 1974 году из Советского Союза был выслан писатель Александр Исаевич Солженицын. Судя по короткому газетному сообщению, это произошло без какого бы то ни было судебного решения и вопреки воле писателя. Ему импелировали в вину "систематическое совершение действий, не совместимых с принадлежностью к гражданству СССР и наносивших ущерб Союзу Советских Социалистических республик". Однако в чем именно эти действия состояли, и насколько доказаны именно ему в вину преступления, осталось для общественности неизвестным.

С чисто юридической стороны нас беспокоит правомерность таких насильственных действий. Насколько они согласуются не только с действующими законами, но даже с законами, существовавшими в 1974 году. Изгнание из пределов Советского Союза как мера уголовного наказания предусматривалось кодексом, действовавшим до 1961 года. В кодексе, пришедшем ему на смену, такой меры нет. В любом случае она могла бы применяться только демократичным и гласным судом, с предоставлением возможности заинтересованному лицу защищаться. Любое другое решение представляет собой акт произвола, тем более, если человека обвиняют в таких тяжчайших преступлениях, как измена Родине и нанесение ущерба своей стране.

Есть, кроме юридической, и моральная, общественная сторона вопроса. Борьба А.И. Солженицына со сталинской,

2.

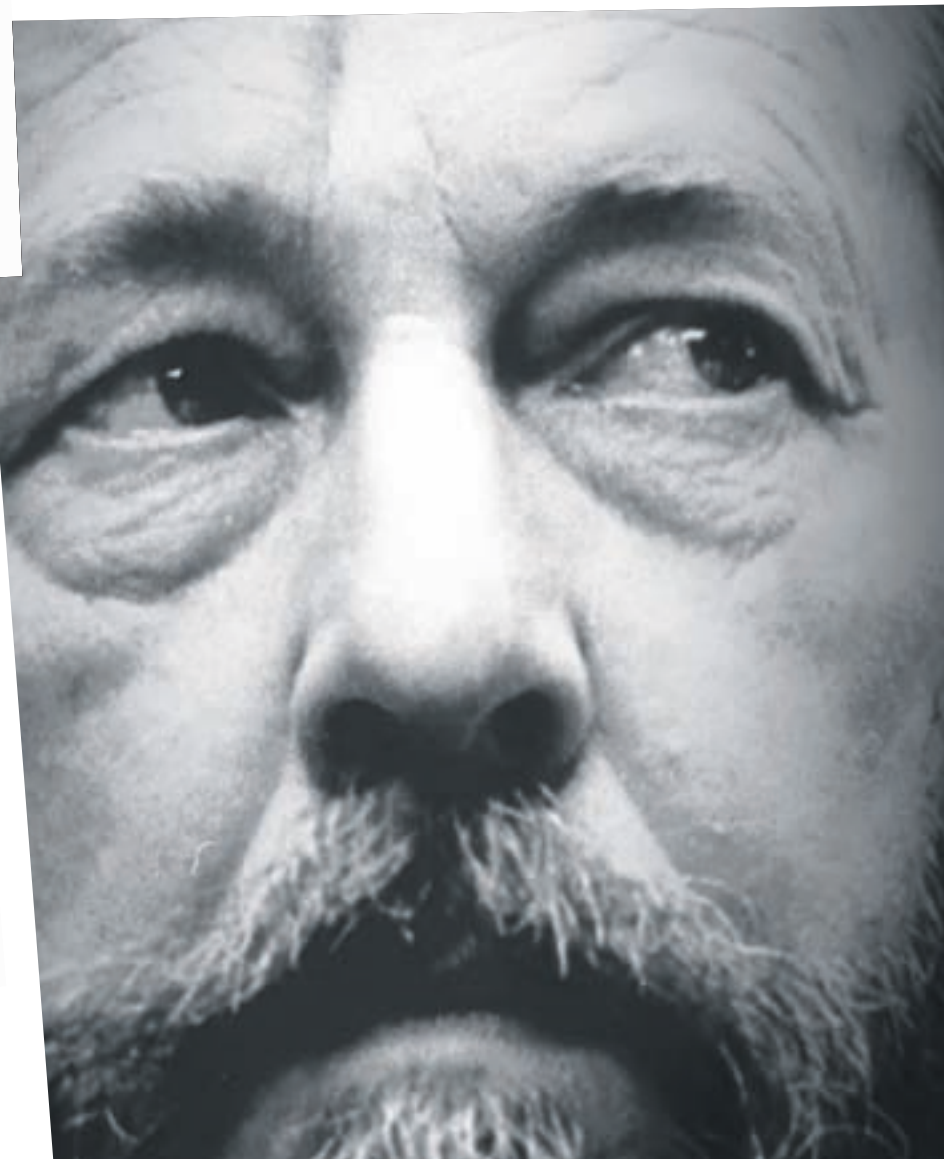
разоблачение механизма репрессий широко известны и признаны всем миром. Его позиция в этом вопросе, стоявшая ему потери Родины, полностью соответствует той, которую занимают сегодня партия и весь советский народ. Некоторые его заявления более радикального толка представляют собой публично выраженную субъективную точку зрения, которая может быть оспорена, но не должна влечь за собой правовых санкций. Ни о какой другой вине писателя нам ничего не известно. Если она есть, об этом следует прямо и недвусмысленно сказать вслух.

11 декабря с.г. А.И. Солженицыну исполняется 70 лет. Этот юбилей будет отмечаться во всем мире. Не могут остаться в стороне и его соотечественники - деятели советской культуры. Неужели к этой дате свершенная несправедливость не будет исправлена? Неужели официальная реабилитация великого русского писателя со всеми вытекающими отсюда последствиями не произойдет при его жизни?

Секретариат правления Союза кинематографистов СССР, откликнувшись на настоятельные требования деятелей советского кино и других представителей отечественной интеллигенции принял решение официально просить Президиум Верховного Совета СССР об отмене решений, послуживших основанием для изгнания Александра Исаевича Солженицына. Просим данное письмо считать ходатайством, подлежащим рассмотрению в установленном законом порядке.

И.о. первого секретаря правления
Союза кинематографистов СССР

А.С. Смирнов

© 1975, Alexandre SOLJENITSYNE
© YMCA-PRESS pour l'édition en langue russe
Tous droits réservés. Les copies ou reproductions destinées à une
diffusion collective sont formellement interdites. Toute réimpression
ou de ses extraits sans autorisation écrite de l'éditeur est formellement
interdite.

Издатель: 125002, Москва, Вильямовская улица, 12. Тел. 250-61-65.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 24/82
заседания Секретариата Правления
Союза кинематографистов СССР
14. сентября 1988 г.

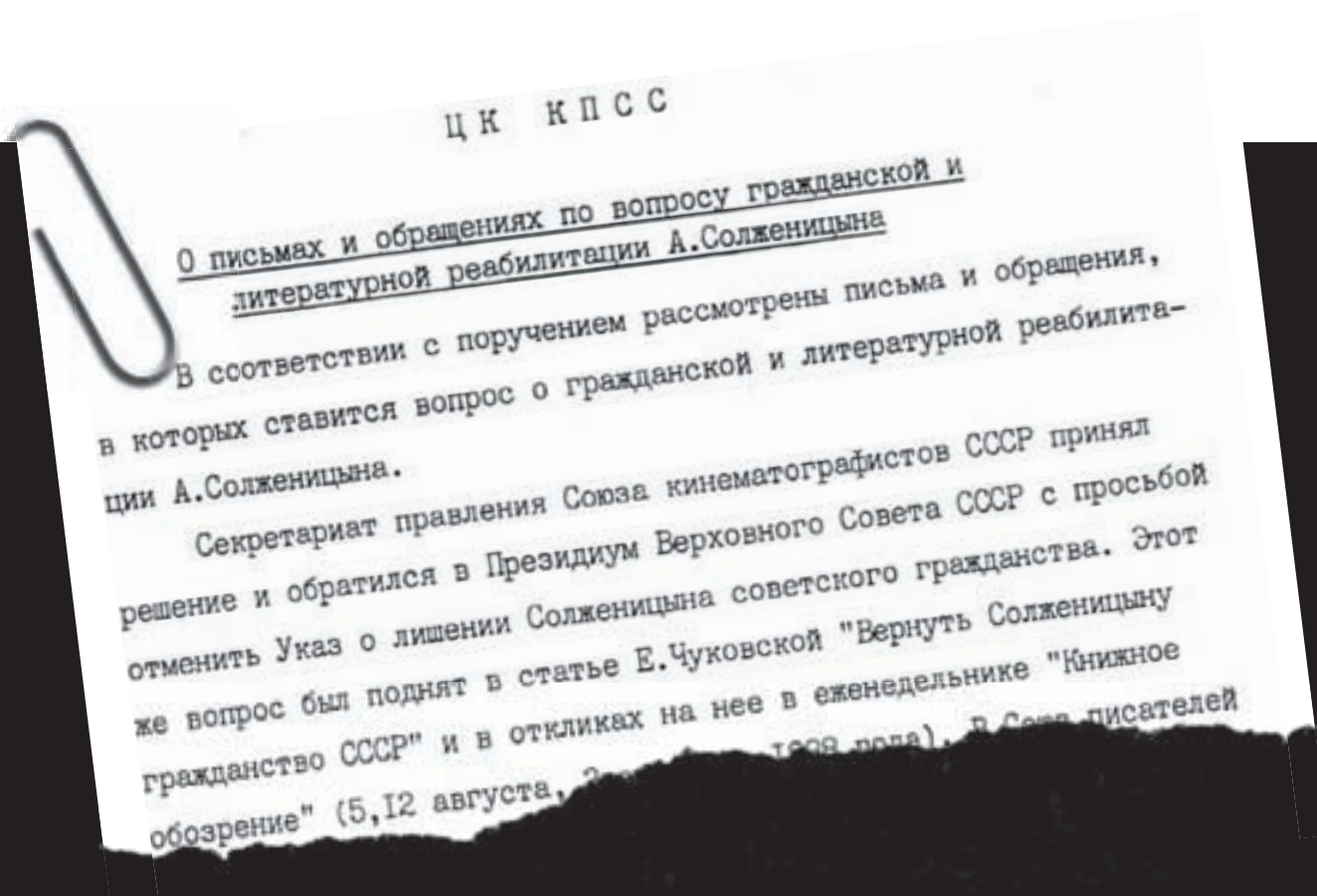
г. Москва
СЛУШАЛИ: Об А.И. Солженицыне.

ПОСТАНОВИЛИ:

Просить Президиум Верховного Совета СССР об отмене
решений, послуживших основанием для изгнания А.И. Солженицына.

И.о. первого секретаря правления
Союза кинематографистов СССР - А.С. Смирнов

Смирнов

ЦК КПСС

О письмах и обращениях по вопросу гражданской и литературной реабилитации А. Солженицына

В соответствии с поручением рассмотрены письма и обращения, в которых ставится вопрос о гражданской и литературной реабилитации А. Солженицына.

Секретариат правления Союза кинематографистов СССР принял решение и обратился в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой отменить Указ о лишении Солженицына советского гражданства. Этот же вопрос был поднят в статье Е. Чуковской «Вернуть Солженицыну гражданство СССР» и в откликах на нее в еженедельнике «Книжное обозрение» (5, 12 августа, 2 сентября 1988 года). В Союз писателей СССР поступило письмо за подписью 27 известных литераторов (Л. Анненский, А. Битов, В. Каверин, В. Крупин, Б. Можаяев, В. Распутин и др.) с предложением восстановить Солженицына в СП СССР. В обращении членов Общественного совета «Мемориал» (среди которых А. Сахаров, А. Адамович, Е. Евтушенко, Б. Окуджава) выражается озабоченность «задержкой на неопределенное время» публикации произведений Солженицына в «Новом мире». (Кроме этого издания к данному писателю обратился и журнал «Литературный Киргизстан».) Авторы настаивают на публикации произведений Солженицына, в первую очередь «Архипелага ГУЛАГ».

В указанных материалах, а также в письме видных работников науки и культуры (академики В. Владимиров, Е. Мищенко, Б. Раушенбах, деятели культуры И. Глазунов, Г. Жженов, Л. Целиковская, Л. Чуковская и др.) заявляется о прямой связи гражданской и литературной реабилитации Солженицына с проблемой доверия к перестройке, демократизации и гласности.

Рассмотрение писем и обращений в ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, другие организации показывает, что в данном случае имеют место взаимосвязанные действия. Они отражают настроения какой-то части научной и художественной интеллигенции. В связи с этим полагали бы целесообразным провести необходимую работу.

Поручить Президиуму Верховного Совета СССР в ответ на поступившие заявления проинформировать их авторов, что в

настоящее время нет оснований для отмены принятого в феврале 1974 года Указа о лишении Солженицына советского гражданства на основании статьи 64 Уголовного кодекса за измену Родине, поскольку от своих взглядов и заявлений он не отказывался, с просьбами о восстановлении в советском гражданстве не обращался.

Членам КПСС — руководителям творческих союзов, Президиума Академии наук СССР, МГК КПСС, соответствующим партийным организациям провести встречи с деятелями науки и культуры (прежде всего — с членами КПСС), в ходе которых обратить внимание на то, что взгляды Солженицына по самой своей сути, как показывает имеющийся анализ, являются антисоциалистическими, антидемократическими. Он убежденный противник нашего строя, социалистического выбора, сделанного советским народом, не принимает В.И. Ленина как политика и человека, предвзято относится к освещению истории страны.

Осужденные КПСС извращения и деформации Солженицын нарочито ассоциирует с советским строем как органически присущие ему черты в целях общей дискредитации социализма. В отличие от многих других деятелей культуры за рубежом он не изменил подходов к нашей действительности, не увидел нового в ходе перестройки, взаимодействует с реакционными, воинствующими антисоветскими силами.

Для проведения этой работы Идеологический и Государственно-правовой отделы ЦК КПСС подготовят материалы, характеризующие общественно-политические воззрения Солженицына, направленность и содержание его публичных заявлений.

Принять к сведению, что главные редакторы журналов «Новый мир» и «Литературный Киргизстан» тт. Залыгин С.П. и Иванов А.И. в настоящее время согласились с мнением о необходимости снять вопрос о публикации произведений Солженицына.

Просим рассмотреть

В. Медведев
В. Чебриков*

«24» октября 1988 года

* В. М. Чебриков — бывший председатель КГБ, секретарь ЦК КПСС, член Политбюро ЦК КПСС.

МЕНЕДЖМЕНТ СВОБОДЫ
БОЛЬШАЯ ТРОИКА. ДОКУМЕНТЫ

КОЛЛЕКТИВНОЕ 139
 Адрес: Алтунин А., Ефремов Е.,
 Душманова Б., Разгон А.,
 Сахаров А.,
 Москва, ул. Чкалова 48 б-6
 (Сахаров А.Д.)

Получ. 11 10 88 Отпр. П/В

Члены Общественного Совета "Мемориал" просят ускорить публикацию книги А. Солженицына "Архипелаг Гулаг".

т.т. Медведеву В.А.
 Чебрикову В.М.

По договоренности

М. Горбачев 2 4
 0 19 022 3 01 37 46,43

24.10.88 г. получен доклад тт. Медведева В.А., Чебрикова В.М.

К отчету приложены также: перепечатанное т. Лукьяновым А.И. письмо на эту же тему от и.о. первого секретаря Союза кинематографистов СССР А.С. Смирнова и выписка из протокола заседания Секретариата Правления Союза кинематографистов СССР, а также письмо 27 членом СП СССР о восстановлении А.И. Солженицына в СП СССР и отмене Указа о лишении Солженицына А.И. Гражданства.

КОЛЛЕКТИВНОЕ 139
 Адрес: Москва, Ленинский пр-т
 64-431 Шафаревич И.Р.

Получ. 14 10 88 Отпр. П/В

Группа ученых, писателей обращается по вопросу публикации главы из книги А.И. Солженицына "Архипелаг ГУЛАГ" в ж. "Новый мир". Считают, что запрет публикации вызовет "неблагоприятный международный резонанс".

т.т. МЕДВЕДЕВУ В.А.
 ЧЕБРИКОВУ В.М.

По договоренности.

М. Горбачев

0 42 022 3 01 37 46,63 2 4

Павел
Палажченко

Кажется, Горбачева и Солженицына сближает только то, что мнения о них у разных людей — полярные. Одни обожествляют, другие проклинают, но очень часто — без осознания масштаба этих исторических фигур. Вспоминая о некоторых эпизодах моего общения с Михаилом Сергеевичем, связанных с именем Солженицына, могу засвидетельствовать: он полностью осознавал масштаб личности этого сложного, не сводимого ни к какому общему знаменателю человека. И именно этим он повлиял на мое представление о Солженицыне.

«ОН ВЫПОЛНИЛ ДЕЛО СВОЕЙ ЖИЗНИ»

КАК ГОРБАЧЕВ
ОТНОСИЛСЯ
К СОЛЖЕНИЦЫНУ

Я впервые прочитал «Один день Ивана Денисовича» в раннем подростковом возрасте, в «Новом мире», который выписывала наша семья. Честно говоря, для меня тогда самым важным было не собственное впечатление о повести, а мнение моей бабушки, Евы Романовны, вернувшейся «с севера» в январе 1956 года. «Это правда», — сказала она. Надо сказать, что она сразу обратила внимание и на попытки оспорить «Ивана Денисовича» — прочитав «конкурирующие» повести Дьякова и Алдан-Семенова, отзывалась о них с презрением: «Вранье». Вскоре она заболела и умерла, а я перечитал повесть через несколько лет, уже другими глазами.

В студенческие годы я следил за перипетиями борьбы «теленка с дубом», читал то, что Твардовскому удавалось пробить в журнале, глотал за одну-две ночи полуслепые копии того, что у нас не печаталось, и постепенно охладевал к Солженицыну-писателю, по-человечески, конечно, сочувствуя ему. «Красное колесо» не смог дочитать даже до середины первого тома. Помнится, на меня большое впечатление произвела рецензия Ирвинга Хау в «Нью-Йорк таймс» на «Август четырнадцатого»:

«What has happened to Aleksandr Solzhenitsyn? The novelist, now living in the

United States, who sketched the gulag with such crisp exactitude in “One Day in the Life of Ivan Denisovich,” who grazed moral sublimity in his beautiful story “Matryona’s House” and who created a vibrant exchange of Russian intellectual opinion in “The First Circle” has all but vanished. Replacing him is a shrill and splenetic polemicist who shatters his fictions in behalf of questionable theories, showers adversaries with sarcastic contempt and employs his talents to cudgel readers into submitting to his increasingly authoritarian views».

[«Что случилось с Александром Солженицыным? Писатель, живущий сейчас в Соединенных Штатах, описавший ГУЛАГ с графической точностью в «Одном дне Ивана Денисовича», прикоснувшийся к нравственным высотам в прекрасном рассказе «Матренин двор», отобразивший острую полемику русских интеллектуалов в романе «В круге первом», изменился почти до неузнаваемости. Теперь на его месте крикливый, раздражительный полемист, приносящий свое творчество в жертву сомнительным теориям, изливающий на своих противников высокомерный сарказм, превращающий свой талант в дубинку, чтобы подчинить читателей своим все более авторитарным взглядам».]

Думаю, впоследствии многое подтвердило правоту американского публициста. А все, что произошло после возвращения

Солженицына на родину, вызывало у меня только недоумение и горечь.

В общем, к моменту, когда мы с М.С. впервые по какому-то поводу заговорили о нем ближе к концу 90-х годов, в моем сознании Солженицын ассоциировался скорее с не лучшими своими сторонами и проявлениями. К тому же на его счету уже было немало нелестных высказываний о Горбачеве.

В наших разговорах выяснилось, что «Раковый корпус» и «В круге первом» Горбачев читал, а после этого «просто не было времени, Паша». Но за публичной деятельностью Солженицына следил и о его наскоках на себя знал. Больше всего его коробила критика «горбачевской гласности». Он попросил своего помощника Г.С. Остроумова найти слова Солженицына о гласности, сказанные в советское время, в годы гонений. Найти соответствующую цитату оказалось нетрудно:

«Гласность, честная и полная гласность — вот первое условие здоровья всякого общества, и нашего тоже. И кто не хочет нашей стране гласности — тот равнодушен к Отечеству, тот думает лишь о своей корысти. Кто не хочет Отечеству гласности — тот не хочет очистить его от болезней, а загнать их внутрь, чтоб они гнили там».

Много лет спустя Горбачев рассказывал о своей «отповеди» Солженицыну в интервью Илье Жегулеву:

«Солженицын где-то сказал: все погубила горбачевская гласность. Я нашел случай, чтобы ответить ему, когда в Москве, в Манеже, была всемирная встреча главных редакторов. Я тогда сказал: это глубокое заблуждение человека, которого я очень уважаю. Ну, в конце концов, как так может быть — когда люди [живут] с закрытым ртом, когда они неспособны

AP

— Михаил Сергеевич, вы, наверное, обижаетесь на меня... но то, что я говорю, это не против вас, а потому что душа болит за Россию...

— Да что вы, Александр Исаевич, — мгновенно отреагировал Горбачев. — Какие там обиды... Да и не место здесь для таких обсуждений. Нас пригласили, оказали честь, так сказать... Как-нибудь надо нам вдвоем встретиться, посидим, обсудим...

Мне показалось, что в тональности, с которой это было сказано, была некоторая ирония. Но, может быть, только показалось.

А отношение Горбачева к Солженицыну не менялось до конца. Когда Солженицын умер, он продиктовал мне по телефону для агентства вот эти слова:

«Ушел из жизни великий человек и большой писатель, нобелевский лауреат, человек уникальной судьбы, имя которого останется в истории

даже анекдот рассказать, их сразу отправляют на перевоспитание куда-нибудь или на лесозаготовки? А это же так у нас и было. Не было бы гласности, никаких бы у нас с вами перемен к лучшему не началось. И никакой бы свободы не было. Свобода — это, прежде всего, гласность. Свобода говорить с людьми о своих переживаниях, о том, что человек наблюдает [вокруг] и как он относится к этому. Если он ошибается — благодаря свободе его поправят. И пресса, и общество».

«То есть если бы не гласность... — подсказал Жегулев...»

— Солженицын продолжал бы рубить дровишки в своем доме в Вермонте».

Но, в отличие от меня, сильно разочаровавшегося в Солженицыне, прочитавшего написанное о нем — вполне правдиво, хотя, может быть, не всегда «взвешенно» — Лакшиным, Баклановым, Войновичем, — Горбачев сохранял к Солженицыну объективное отношение и даже, как он сам говорил, пиетет. В том же интервью Жегулеву:

«Это не значит, что я изменил точку зрения на Солженицына вообще. На его подвиг человеческий. На его подлинно русский характер, решительность. Достаточно было уже первых его творений — я прочитал «Архипелаг ГУЛАГ», когда служба госбезопасности дала мне эту книгу. Там много фактов жизни, [рассказов] о том, что люди перенесли, что с ними делали. Это я потом, когда стал генсеком, узнал куда больше, чем я там [прочитал]. В общем, конечно, чтобы выступать, как он, надо было иметь смелость».

И еще мне вспомнился эпизод, свидетелем которого я был, стоя, конечно, на некотором почтительном удалении. Это произошло на приеме, который посольство Швеции устроило, кажется, в 2002 году в честь российских лауреатов Нобелевской премии. Были Горбачев, Солженицын, физик Алферов, кто-то еще, кажется, академик Чазов. Солженицын появился с опозданием и, пожав руку послу, сразу заметил Горбачева и подошел к нему:

России. На его долю, как и на долю миллионов граждан нашей страны, выпали суровые испытания. Солженицын одним из первых сказал в полный голос о бесчеловечности сталинского режима и о людях, которых эти испытания не сломили. «Один день Ивана Денисовича» и «Архипелаг ГУЛАГ» — книги, которые изменили сознание миллионов людей, заставили их переосмыслить прошлое и настоящее. Вклад, который они внесли в преодоление тоталитаризма, невозможно переоценить. Солженицын выполнил дело своей жизни, он до конца своих дней продолжал бороться за то, чтобы Россия не только вырвалась из тисков прошлого, но и обрела достойное будущее, стала по-настоящему свободной и демократической страной. Мы многим обязаны ему. Я выражаю глубокие соболезнования жене Александра Исаевича — Наталье Дмитриевне, его родным и близким».

Кстати, к Наталье Дмитриевне у него всегда была большая симпатия. Мне кажется, понятно почему.

Это интервью М.С. Горбачева было напечатано в «Сахаровском сборнике», вышедшем в 2011 году небольшим тиражом в издательстве РГГУ. Взял его **Павел Палажченко**, бесменный переводчик Горбачева, его верный соратник и помощник — и в период, когда Горбачев был во главе руководства СССР, и позже, уже после его отставки.

«Я считал Сахарова союзником. Но о безоговорочной поддержке не просил»

— Когда вы впервые услышали о Сахарове? Как вы знакомились с его мнением — читая его статьи, книги, через изложение в западной печати, в материалах КГБ, через чьи-то рассказы и т.п.? Какова была ваша реакция? Было ли что-то созвучное вашим собственным размышлениям?

— Я услышал об Андрее Дмитриевиче Сахарове тогда же, когда и большинство советских граждан, — во второй половине 1960-х годов. Конечно, в печати его имя не упоминалось, его высказывания замалчивались, но его мнение становилось известно. Я узнавал его, так сказать, в изложении, в передаче других людей. Говорили о том, что это выдающийся ученый, один из создателей нашего ядерного щита, обсуждали его мысли и высказывания. И я бы сказал, что многие из этих мыслей уже тогда были довольно широко распространены в обществе. Стремление к более демократическим, свободным формам жизни, требования перемен тогда еще не достигли такого накала, как в начале 80-х годов, но люди задумывались, сомнения и вопросы возникали постоянно.

Потом в нашей печати стали появляться разоблачительные статьи о Сахарове, но они не давали представления о действительном содержании его статей и интервью. Мне хотелось больше узнать об этом человеке, и представившийся случай дал мне такую возможность.

Это было летом, теперь уже не помню точно год, когда в Кисловодске отдыхал академик П.Л. Капица — человек авторитетный и даже легендарный. Возможность познакомиться и поговорить с ним была для меня важной. Мы говорили

о многом, и в том числе об академике Сахарове. Я спросил, что происходит, почему у Сахарова возникли проблемы. Капица ответил, что большие проблемы у Сахарова возникли из-за его письма в ЦК КПСС. Я отметил про себя, что, хотя сам являюсь членом ЦК, письмо я не читал, нам о нем даже не сообщили. Из рассказа Капицы я понял, что в этом письме речь идет о демократизации, о мирном сосуществовании и конвергенции систем, о необходимости уменьшения военных расходов. Это было предостережение человека, который создавал оружие чудовищной силы.

Капица говорил о заслугах Сахарова в науке и обороне, о том, что засекреченность мучает его, что человек хочет высказаться, но наталкивается на невнимательное отношение к себе. Действительно, письмом занимались чиновники ЦК, и далеко не самые прогрессивно мыслящие, ну и, конечно, КГБ. С Сахаровым даже нормально не поговорили.

Что было потом, известно: Сахаров резко высказался по поводу ввода советских войск в Афганистан, и это послужило основанием для его высылки из Москвы в Горький. Что тут сказать? Я вспоминаю, как я сам реагировал на эту

Юрий ЛИЗУНОВ, Александр ЧУМИЧЕВ / Фотохроника ТАСС

военную акцию. Я отдыхал тогда на юге, там же был Эдуард Шеварднадзе, и оба мы были, мягко говоря, удивлены тем, что было сделано и как это было сделано. Даже не всех членов Политбюро спросили. И мы уже понимали, что это — признак тяжелой болезни системы. И, по крайней мере, в данном конкретном случае возникла мысль: «Так дальше жить нельзя». Потом она только усиливалась.

— **Как вы пришли к мысли о необходимости дать возможность Сахарову вернуться из Горького в Москву? Было ли это решение кем-то «подсказано»? Трудно ли было провести его через Политбюро?**

— Точно могу сказать, что это решение не было кем-то подсказано, хотя имя Сахарова иногда упоминалось в моем кругу. Решение о высылке Сахарова из Москвы — а по сути, о лишении его свободы — мне казалось несправедливым, незаслуженным, к тому же принятым

келейно. Я знал, какую реакцию оно вызвало в Академии наук, среди интеллигенции, вообще у многих людей. Конечно, надо было прекратить эту несправедливость. Но я все-таки попросил дать мне досье, чтобы посмотреть, как обосновывалось это решение. И через несколько дней мне доложили, что никакого «досье», собственно, нет и, стало быть, никакого обоснования тоже нет. Приняли это решение «на ходу», без серьезного анализа. Меня это поразило. И я поставил вопрос на Политбюро — потому что надо было принять правильное решение и принять его подобающим образом.

Никакого сопротивления со стороны других членов Политбюро не было. Более того, как мне показалось, они искренне высказались за то, чтобы Сахаров смог вернуться в Москву, приступить к работе, жить нормально, без ограничений. Единственный вопрос, который вызвал дискуссию, — как это «организовать», как объявить и так далее.

— **Как возникло решение позвонить Сахарову и лично сообщить ему о принятом решении?**

— Я считал, что так будет правильно. Но в ходе разговора на Политбюро обсуждались и другие варианты — например, поручить президенту Академии наук сообщить об этом Андрею Дмитриевичу. Но когда я сказал, что будет правильнее мне самому позвонить ему в Горький, сообщить о решении, поговорить, то все поддержали. Кстати, потребовалось какое-то время, чтобы связисты КГБ установили связь, но разговор состоялся, и он мне запомнился.

«Я считал Сахарова союзником...»

Андрей Дмитриевич был очень взволнован, даже возбужден, его переполняло то, что он обязательно мне хотел сказать, и я должен был его сначала как-то успокоить, чтобы сказать главное: Политбюро приняло решение о том, что он может возвращаться в Москву. Я сказал: у вас есть квартира, работа, и я уверен, что вы сможете нормально работать, заниматься всеми делами. Сахаров выслушал и сразу же стал говорить о том, что не давало ему покоя: «Михаил Сергеевич, я прошу вас отпустить узников совести, которые находятся сейчас в заключении». Он приводил факты, называл имена, торопился, и мне, откровенно говоря, было трудно продолжать разговор на таких эмоциях, хотя стремление Андрея Дмитриевича помочь конкретным людям не могло не вызвать уважения. Я сказал ему, что в этих делах мы будем безотлагательно разбираться, и у меня действительно было такое намерение: в стране, где происходят перемены, расширяется гласность, люди не должны сидеть в тюрьме за свои взгляды, за выражение своего мнения. А для Сахарова главное было, чтобы это дело не заволокнули, поэтому он так нажимал.

— Рассчитывали ли вы на сотрудничество с Сахаровым, его поддержку в делах перестройки? В какой мере можно сказать, что Сахаров был вашим сторонником или он все-таки тяготел скорее к «непримиримой оппозиции»?

— Я не говорил с ним о поддержке, но я, безусловно, был уверен, что такой человек должен быть включен в происходящий процесс. И это произошло. В те годы все менялось очень быстро, и то, что Андрей Дмитриевич действительно «включился» очень быстро, никого не

удивило. Это было частью тех перемен, которые раньше казались немыслимыми, а теперь шли быстрее, чем он предполагал даже в самых смелых своих статьях и предложениях: появилась гласность, свобода слова, свободные выборы, решались волновавшие Сахарова проблемы разоружения, экологии.

Стали создаваться неправительственные организации. Мы встретились с ним на конференции одной из таких новых организаций — Фонда за выживание и развитие человечества. Поздоровались, и Сахаров сразу стал говорить о людях, еще остававшихся в заключении по обвинениям политического характера. Надо сказать, что у него были основания для беспокойства, потому что КГБ требовал от большинства из них заявления с просьбой об освобождении, а люди были уверены, что с ними поступили несправедливо и не хотели подписывать такие просьбы. Но, как вы знаете, вскоре все эти люди вышли на свободу.

Когда Сахаров был избран на Съезд народных депутатов, у него появилась возможность и на заседаниях съезда, и в средствах массовой информации высказывать свою позицию по всем вопросам. Он предложил свой проект конституции «Союза Советских Республик Европы и Азии». В нем было много интересного, мысли и предложения Сахарова шли в русле того, что мы тогда делали. И поэтому я считал его союзником. Его формулировка тогда была такова: я поддерживаю Горбачева, но не безоговорочно. Но я и не просил о безоговорочной поддержке. И я был признателен за такую позицию Сахарова.

Андрею Дмитриевичу, видимо, много обо мне говорили разного, нашептывали. В этой связи вспоминается такой эпизод. После заседаний съезда я часто подолгу

оставался в здании, готовился к следующему дню иногда чуть ли не до полуночи. В один из таких дней, когда я выходил через зал заседаний, я увидел недалеко от сцены, где размещался президиум, Андрея Дмитриевича. Он после заседания все это время дожидался меня, а мне об этом не доложили (таков аппарат!), за что я их отругал. Он сказал мне, что хочет поговорить. Я спросил его, как ему съезд, согласен ли он, что «процесс идет» и набирает силу. Он согласился. О чем вы хотите поговорить, спросил я. Андрей Дмитриевич сказал, что его тревожит то, что он слышал: оказывается, говорят, что на меня можно давить, использовать против меня какие-то факты коррупции, связанные с моей деятельностью на Северном Кавказе. Я ответил: «Андрей Дмитриевич, вы можете спать спокойно, ничего подобного Горбачев никогда не делал». По его реакции я понял, что он отнесся к моим словам с доверием.

Сложности возникали еще потому, что Андрей Дмитриевич как депутат претендовал на особое отношение к себе. Конечно, для этого у него были основания, но я как председательствующий должен был учитывать и другие мнения. Андрей Дмитриевич часто становился в очередь у микрофона. Просил слова. Я говорил ему, что слово будет ему предоставлено, и обычно он выступал. В день закрытия съезда он настаивал, чтобы ему дали слово, и я, вопреки мнению большинства, дал слово на пять минут. Но прошло десять минут. Он продолжает выступать, депутаты и президиум недовольны, он продолжает, несмотря на мои обращения к нему. В конце концов я сказал: «Выключите микрофон». Много было на этот счет разговоров, но думаю, это был не более чем эпизод. Я продолжал рассматривать Сахарова как союзника по перестройке.

РИА Новости

— **Что в мыслях и высказываниях Сахарова до перестройки и во время ее кажется вам актуальным, не утрачившим значения?**

— Думаю, прежде всего — общая демократическая направленность его мыслей. Конечно, во второй половине 80-х годов и даже раньше этот демократический вектор имел поддержку большинства политически активной части нашего общества. Сейчас положение изменилось, и многие, кто прежде поддерживал демократию или называл себя демократом, говорят, что России нужна твердая рука, что можно авторитарными методами провести модернизацию экономики и технологий. По-моему, Сахарову такая позиция была бы абсолютно чужда. Все-таки на первое место он ставил человека — и права и свободы человека вообще, и судьбу отдельного человека. Это очень важно, это во многом было проигнорировано в последующие годы.

Думаю, очень важны суждения Сахарова о разоружении, решении глобальных проблем человечества — энергетической, экологической. Причем он понимал, что путь к этому сложный. Нужно

не просто ядерное разоружение, а демилитаризация мышления и политики. Я в последнее время много об этом думаю и пишу — надо избавляться от милитаристского наследия XX века.

Андрей Дмитриевич оставил очень серьезные размышления об энергетической проблеме, о роли ядерной энергии, которая ему представлялась промежуточной. Это очень актуально сегодня, когда осознана необходимость идти к «низкоуглеродной» экономике, но полностью заменить ископаемое топливо в обозримой перспективе не получается. Поэтому, видимо, придется заняться развитием безопасной ядерной энергии, как и предлагал Сахаров.

— **Может быть, самый трудный вопрос: как, по вашему предположению, отнесся бы Сахаров к событиям последующего периода, если бы прожил дольше: к распаду Союза, расстрелу парламента, тяжелым последствиям для большинства людей обвалных реформ 90-х годов?**

— Действительно трудный вопрос. Я не хотел бы «выстраивать сценарии». Но

думаю, что его роль была бы позитивной. Думаю, он был бы против раскола в демократическом движении, который усилился в 1990–1991 годах. Были люди, которые его намеренно обостряли, но Сахаров, как мне кажется, его не хотел.

Не знаю, какова была бы его непосредственная реакция на распад Союза, но уверен: он тяжело переживал бы его последствия для людей. Ведь практически повсюду это привело к массовым нарушениям прав граждан. Права человека были для Сахарова не лозунгом. Но именно в этой области последствия во многих республиках очень тяжелые. И конечно, я не могу представить себе, чтобы Андрей Дмитриевич аплодировал расстрелу парламента в октябре 1993 года. Надо исходить из того, что Сахаров занимал нравственную позицию. Таким он мне запомнился.

*Беседовал
Павел Палажченко*

Юрий

Рост

По телевизору это выглядело удручающе. Сахаров стоял на трибуне, а зал Съезда народных депутатов бесновался. Андрей Дмитриевич не выглядел растерянным. Он пытался объяснить залу, что война в Афганистане — преступление против собственного народа и страна разменивает бессмысленные политические амбиции на юные жизни своих солдат.

В комнате перед телевизором сидела Елена Георгиевна Боннэр и курила одну сигарету за другой. Я выходил через кухню на балкон и переживал реакцию Кремлевского дворца съездов. Хотелось, чтобы все это скорее закончилось и он выжил.

Так мы и дотянули до конца заседания. Она — перед телевизором в дыму. Я — на балконе.

— Ты не мог бы встретить Андрюшу? Что-то я себя неважно чувствую.

Она и в хорошем состоянии ездил не так, чтобы очень. Правда, все же лучше, чем Сахаров.

Я сел в не мытую с Пасхи свою «копейку» и отправился на Васильевский спуск. Ограждение стояло у храма Василия Блаженного. Там я и остановился. Одиноким гаишник заглянул в окно.

— Встречаете?

— Да. Делегата.

— Машину помыли бы... — и отошел.

Толпа делегатов тянулась из Спасских ворот к гостинице «Россия», где их встречали редкие пикетчики, требовавшие что-то прекратить, улучшить и заплатить деньги. Депутаты, проходя мимо них, проявляли чрезвычайную вежливость друг к другу. Глядели в глаза, чтобы несчастные требователи не омрачили даже периферийное зрение, и громко разговаривали, чтобы заглушить демонстрантов. Скоро из Кремля стали выходить небольшие группы участников. Потом одинокие граждане, потом уже никто не выходил. Сахарова не было, и машин не было рядом. Я ждал с тревогой уже. Не было. Прошел час или больше, и из Спасских ворот показалась высокая фигура. Пиджак, рубашка, галстук, коротковатые брюки и папочка под мышкой и чуть склоненная голова.

— А где Люся?

Не поддается правке

ИНТЕРВЬЮ АНДРЕЯ ДМИТРИЕВИЧА САХАРОВА
ВРЕМЕН СЪЕЗДА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
КОММЕНТИРУЕТ МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ ГОРБАЧЕВ

— Она в порядке, ждет дома с обедом. А как вы? Я забеспокоился: все вышли, а вас минут сорок нет.

— Со мной все хорошо. Я им сказал про Афганистан, а они вдруг так разволновались.

Что он там делал сорок минут после окончания заседания, я не знал пятнадцать лет. Теперь знаю, и вы узнаете, если потерпите немного.

А тогда, возбужденный полным несоответствием спокойного и даже ироничного настроения Сахарова телевизионному шабашу, я попросил дать интервью, да какое там интервью! Просто поговорить о съезде и его председателе, чтобы узнать и понять, что он думает.

Андрей Дмитриевич согласился, и мы сели на кухне. В полном виде беседа не была напечатана. Какой-то фрагмент увидел свет. И вот спустя 15 лет после его смерти я нахожу текст 1989 года и понимаю, что его полезно прочесть не только мне, но и главному герою и оппоненту — М.С. Горбачеву.

Я ничего не правил. Сахаров правке не подлежит. Сокращаю лишь конкретные вещи и имена, чтобы долго не объяснять современному читателю, кто они.

А Горбачеву дал почитать интервью целиком. Интересная была реакция, достойная, чтобы вы ее узнали.

Итак, фрагменты послесъездовского интервью.

— Андрей Дмитриевич, только что закончился первый Съезд народ-

ных депутатов. Как вы оцениваете его результаты?

— У съезда есть один несомненный материальный результат — принят итоговый документ, в котором, опираясь на доклад Горбачева, ряд важных положений сформулирован с гораздо большей долей определенности, чем в прежних государственных актах. Вопрос о собственности звучит в нем более радикально, чем в материалах мартовского Пленума ЦК. И в целом итоговый документ содержит заметные сдвиги. Но, к сожалению, декларативно, поскольку они не подкреплены изменениями в политической системе.

Это проявление общей половинчатости съезда, противоречивости настроения в существующем партийно-государственном аппарате, который, с одной стороны, понимает абсолютную необходимость кардинальных экономических изменений и некоторых политических, но в отношении политических изменений старается обойтись минимумом. А то и пытается вообще ничего не менять. Сформировавшееся в такой среде большинство съезда неслучайно оказалось в отношении политической и идеологической структуры чрезвычайно консервативным... Но я убежден: все взаимосвязано. Нельзя быть консервативным в политике, идеологии и прогрессивным в экономике.

— Вы считаете, что центральные ведомства являются паразитической надстройкой?

Юрий РОСТ

— Я не могу ее назвать паразитической, потому что она реально осуществляет руководство, реально какую-то регулирующую функцию на себе несет. Но это является сегодня тормозом нормального экономического развития и неразрывно связано с социальной несправедливостью. Диктат ведомств должен быть ликвидирован по двум направлениям. С одной стороны, за счет политической реформы, а с другой — за счет национальной конституционной реформы. Потому что у нас идет диктат не только по административной производственной вертикали, но он идет еще также по национальному признаку. Национальным республикам навязывается единая структура производства, и отсутствие самостоятельности на местах приводит к диспропорциям, нарушению социальной справедливости, тормозит экономическое развитие.

Так вот, третье, что не сделано, — это решение национальной проблемы. Здесь не произошло никакого сдвига. Нам говорят, это будет решать Пленум ЦК. На самом деле, мне кажется, пленум может что-то обсуждать, но он не должен подменять Съезд народных депутатов, которому предназначено решать национально-конституционные вопросы. Ничего подобного не оказалось в повестке дня.

— Вы, идя на съезд, рассчитывали, что все эти вопросы могут быть решены именно сейчас?

— Нет. На самом деле я рассчитывал на то, что и произошло. Но это не значит, будто я при этом удовлетворен тем, что произошло...

Меня беспокоит и получение Михаилом Сергеевичем Горбачевым чрезвычайно

большой личной власти. Это считаю потенциально опасным явлением.

— В чем его опасность?

— Человек — инициатор перестройки, человек очень высокого интеллекта и четко выраженной ориентации на реформы может некоторым образом оказаться управляемым закулисными силами. В случае изменения обстоятельств может оказаться не защищенным демократическими механизмами. Кроме того, неограниченная власть сама по себе может изменить личность или проявить те качества, которые были скрыты изначально.

— Власть, которую Горбачев получил, будучи избранным на съезде, и является гарантией, что он не будет подвергаться воздействию закулисных сил.

— Нет. Если бы он получил власть в результате нормального волеизъявления народа и прямых выборов, это действительно было бы так. Полагаю, в будущем необходимо ввести именно такую систему, когда председатель Верховного совета и его заместитель избирались бы прямым всенародным голосованием на альтернативной основе. А пока его власть получена очень сложным и непрямым способом. На Съезде народных депутатов он прошел безальтернативно по списку КПСС, включающему ровно столько кандидатов, сколько было мест.

Дальше. Он является председателем Верховного совета, не пройдя процедуру тайных выборов в Верховный совет. Это не есть нарушение Конституции, но это в какой-то мере обесценивает его президентский мандат.

Я впервые услышал выступление Горбачева в Горьком, находясь в больнице. Единственными моими собеседниками были тогда сотрудники КГБ. Я им сказал, что стране повезло: впервые за долгий период у нас появился безусловно умный руководитель. И этой оценки продолжаю придерживаться. Но у нашего умного руководителя очень трудная ситуация. И она не стала после съезда прозрачной, безоблачной. Это одна сторона опасности. Другая заключается в самой сохранившейся политической системе, допускающей столь огромную персональную власть.

Политическая система страны претерпевает изменения на наших глазах. И с нашим участием. Свидетельство тому — выборы. Однако система пока такова, что она контролирует фактически и назначение на посты, и всю законодательную деятельность.

— Какой же, исходя из наших реальных условий, вам видится система, обеспечивающая народовластие в стране?

— Я думаю, народные депутаты должны сохранять в себе ту власть, которая дана им выборами, и пользоваться ею. Верховный совет должен исполнять функции рабочего органа в период между съездами. Но законов не принимать. Комиссии, которые создаются из членов Верховного совета и других народных депутатов, будут готовить законы. Верховный совет в предварительном порядке их будет обсуждать. (Детальное обсуждение законов на съезде невозможно.) Результаты же обсуждения должны быть известны народным делегатам. Таким образом, народный съезд не станет штампующим органом. На основе полной информации он либо отвергнет закон, либо примет. И, разумеется, возможно дополнительное обсуждение на самом съезде в спорных случаях. Я говорю о том, что считаю необходимым в качестве гарантии народовластия.

— По-вашему, таких гарантий съезд не создал?

— По-моему, не создал, хотя считаю: это была главная задача, которая стояла перед съездом. Это поправимая беда. Она может быть исправлена на следующих сессиях съезда. Но пока мы не получили реальной политической структуры, которая обеспечивала бы осуществление перестройки.

— Ну а что все-таки ценное, с вашей точки зрения, было на съезде?

— В итоговом документе съезд сформулировал необходимость принятия решения по социальным вопросам. Тут мы продвинулись довольно далеко. Однако мы не просто должны исправить положение на данный момент, повысив минимальные пенсии до нынешнего прожиточного минимума, нужен механизм, который держал бы уровень пенсии на уровне меняющегося со временем прожиточного минимума. Замечу и другое: в докладе Рыжкова и в итоговом документе указано, что работающие пенсионеры будут получать пенсию вне зависимости от того, какая у них зарплата. Очень важная вещь!

— Каково, с вашей точки зрения, влияние съезда на народ, который впервые как бы получил мандат делегата с совещательным голосом?

Не поддается правке

— Это тотально-психологическая роль съезда. Она необычайно интересна и необычайно важна для формирования общественного мнения в стране, для политического просвещения народа. Она важна и для самих депутатов, которые воспитывались в ходе съезда. Считаю важным пробуждение политического чувства миллионов людей, которое началось еще во время выборной кампании. Выяснилось, что народ вовсе не пассивен внутренне. У него просто не было поля приложения своих сил. А когда такое поле появилось, то и возникла реальная политическая активность. Значение ее будет все яснее.

— Одним из достижений съезда мне представляется поляризация мнений не только отдельных депутатов, но и целых групп, разделение собрания на большинство и меньшинство. Откинув безразличное единогласие, съезд заявил о существовании альтернативного подхода к решению политических и экономических проблем.

— ...И выявил, как на ладони, сильные и слабые стороны каждой группы. Он показал, что «либеральное» меньшинство — действительно меньшинство, оно расколото. Внутри него нет ясности и единодушия. (В то же время наличие этой части депутатов необычайно важно.) Надо заметить, что москвичи заранее подготовили концептуальные документы и пытались их распространить. Это им не удалось полностью, как и попытка в ходе съезда привлечь на свою сторону общественное мнение. Возникло вроде бы неприятие. Мне кажется, попытка в чем-то была искусственной и опиралась на то, что вообще провинция не очень любит Москву, поскольку та имеет ряд преимуществ и в материальном, культурном смысле, и в идеологическом. Это вызывает и зависть, и озлобленность.

«Московская группа», со своей стороны, вела себя порой неосторожно.

А порой даже нетактично. Москвичи много выступали, вместо того чтобы поделить тяжесть выступлений между единомышленниками из других мест. Создавалось впечатление исключительности. Не было тактически все учтено, и возникла своего рода конфронтация «большинства» с «московской группой», которая сама по себе была демократична. Но эта ее демократичность была не всем понятна, большинству съезда. Примерно то же самое, с меньшей определенностью, можно сказать о «ленинградской группе».

Таким образом, во многих депутациях, и в московской тоже, произошел раскол, и в конце съезда он, раскол, как бы оформился организационно. Возникла межрегиональная группа, которая не есть группа на определенной политической платформе. Эта группа основана на стремлении сохранить право на инакомыслие. И на защиту представления съезду альтернативного мнения. Мне представляется, что потенциально должны возникнуть такие демократические механизмы, когда мнение меньшинства не было бы механически подавлено. Это возможно.

— А что вы скажете о большинстве?

— Оно было зачастую агрессивным — вспомните, как оно аплодировало генералу Родионову, участвовавшему в подавлении митинга в Тбилиси. Это сила. Но это не монолит. От него довольно легко откалывается (и уже частично произошел этот откол) центр. Этот центр сейчас питает левую сторону.

Вот такое распределение сил произошло на съезде. Правое большинство отражает волю административно-хозяйственной системы. У этих людей есть свой социальный заказ, многие из них стали депутатами от общественных организаций. Они не прошли системы выборов и, по существу, не выбраны, а отобраны. С другой стороны, выборы в общественных организациях дали

возможность попасть на съезд многим депутатам, которые оказались в меньшинстве.

Что касается тех, которые прошли по территориальным, территориально-национальным округам, то там есть и правые, и левые, но в общем это и есть основной источник, из которого будет и впредь подпитываться «демократическая», так условно назовем, часть съезда. И вот при таком сложном составе пошла дискуссия. Она очень сильно управлялась. В какой-то мере Горбачев даже провоцировал дискуссию. Провоцировал в том смысле, что дал возможность развернуть эту дискуссию. Дал возможность представить разные точки зрения.

— В слове «провоцировал» есть и негативный смысл?

— Нет. В него я не вкладываю осуждение тактики Горбачева. Вообще я должен сказать, что он показал себя как очень хороший дирижер собрания. В какой-то мере он добился желательных ему результатов голосования с некоторым сдвигом в сторону правых. Но, может быть, это отражало состав съезда.

— Какова роль прямой телевизионной трансляции на зрителей и самих депутатов?

— Это чрезвычайно важная вещь, совершенно небывалая в истории страны. И, учитывая особый политический характер нашего съезда, вообще небывалая в мировой истории. Телевизионные дебаты привлекли огромное внимание и послужили дальнейшей политизации. Я не знаю, входило ли это в планы Горбачева. Мы никогда не знаем, какие из решений принимаются им, а какие возникают по его желанию, но как бы сами собой. Он умеет строить подобные комбинации, когда возникает как бы «цугцванг», выражаясь шахматным языком, и получается именно то, что он хочет. В этом отношении он совершенно блестящий политик.

На встрече с Лукьяновым было обещано, что будет телевизионная трансляция. Затем мы увидели программу передач на время съезда, из которой было очевидно, что ничего подобного не будет. И когда возник грандиозный скандал — его на встрече с Лукьяновым инициировал Ельцин очень сильными выражениями — Лукьянов и партийный аппарат как бы вынуждены были отступить. Но я до сих пор не знаю, было ли это действительно вынужденное отступление, или перед нами был разыгран спектакль, а на самом деле Горбачев хотел, чтобы страна увидела все.

— Какое у вас впечатление от ваших собственных выступлений? Как сложились взаимоотношения между вами и залом?

— Мной, залом и Горбачевым...

Отношения довольно оригинальные. Я почувствовал, что Горбачев в какой-то мере меня выпускает. Он ведь выпустил меня на трибуну одним из первых. Даже, кажется, совсем первым, как бы «коверным», выражаясь на языке цирковой жизни. И сразу возникла конфронтация с залом. Я не знаю, было ли это предусмотрено, или же...

— Но кто мог предусмотреть, что вы захотите пойти сразу так далеко?

— Я тоже думаю, что наш председатель ничего не подстраивал. Конфронтация с залом отразила утробный консерватизм значительной части депутатов, который в какой-то мере даже не соответствует плану Горбачева. С другой стороны, я сказал, наверное, больше, чем этого хотел Горбачев. Поэтому он начал меня придерживать. Потребовался очень большой нажим с моей стороны, чтобы я получил последнее слово.

— Андрей Дмитриевич, а как вы сами себя чувствовали во время эпизода 2 июня, когда на вас обрушилась эмоциональная лавина ненависти после выступления инвалида афганской войны? Вы, по существу, единственный гражданский человек, пострадавший из-за Афгана. После вашего выступления против вторжения вас сослали в Горький. Прислушайся тогда правительство к вашим словам, тысячи парней остались бы живыми...

— Я чувствовал себя морально совершенно неуязвимым. Конечно, сложность моего положения в том, что у меня не было документальных доказательств. Но я хочу сказать, что в подавляющем большинстве случаев, о которых приходится говорить, нет документальных доказательств. Главное, я считал, что вся эта акция как бы субъективно или объективно направлена на то, чтобы отвлечь внимание от основного вопроса, от ответственности за афганскую войну, за те жертвы с двух сторон, которые мы принесли в угоду преступному политическому решению. Сейчас я видел письмо группы «афганцев», где они требуют, чтобы им было сообщено, кто подписал приказ о вводе советских войск поименно. Такого приказа до сих пор никто не опубликовал.

* * *

Взял я это интервью. Сдул пыль. И поехал к М.С. Горбачеву. Пятнадцать лет прошло. Андрея Дмитриевича нет. Михаил Сергеевич жив, слава богу. Но судьба его изменилась кардинальным образом. С основной своей потерей он не

примирится никогда. Что же до утраты власти, президентства и прочих украшений тщеславных душ — тут лишь осадок от нереализованности придуманного хорошо да обида. Преодолеваемая, впрочем, легко, поскольку постижим национальный характер ее: холуйство, переходящее в хамство от изменения одних только внешних обстоятельств, да амикошонство — слово хоть и не русское, а движение-то наше — природное. Вчера подобострастно изгибался, а сегодня матерком можно позволить, да снисходительно, запанибрата.

Ай молодца!

Подали кофе с печеньем. Он читает. Внимательно. Медленно. Поднимает глаза с некоторым даже удивлением:

— Впечатление потрясающее... —

Отложил рукопись и говорит:

— Слушайте: вдруг перед очередным отпуском моим звонок из Москвы из идеологического отдела. У вас там в Кисловодске академик Капица отдыхает. Поговорите, если, конечно, удобно. Не мог бы он как-то помочь ввести в нормальное русло Сахарова.

Вот так!

Поговорю, хорошо, но академики — народ не простой. Что ж, встреча интересная, и мне приятно. Решение-то принял, а сам думаю, на что вы меня толкаете? Но это жизнь такая была...

Встретились мы. Сидели. Чай пили, говорили. С женой он был.

Я аккуратно затрагиваю тему Сахарова. Он говорит: «Андрей Дмитриевич внес колоссальный вклад в оборонную науку. Трижды Герой Социалистического Труда». Это я знал. Но знал, и что писанина началась о нем, и что не знали, что же делать с этим Сахаровым. Хоть и бомбу дал, и самую главную задачу того времени решил, мы тебя же наградили и вроде не мы тебе обязаны, а ты нам за ордена, и все такое. А Петр Леонидович говорит:

«Академики — народ штучный.

А Сахаров и среди них особенный, поэтому его все беспокоит устройство страны». Что он неправильно сделал? Написал письма в ЦК — куда надо. Он дисциплинированный человек. Размышления свои основные отправил. Сулову не понравилось. Отзвонил ему какой-то клерк — завсектором, даже не завотделом. Ни разговора, ни реакции... Проявили неуважение. Он опубликовал это за рубежом. Так и пошло-поехало.

А он ведь лояльный был. И рассуждения его были правильными — о мирном сосуществовании, о конвергенции, о демократии. Это были мысли, которые, по существу, предвещали перестройку.

Не поддается правке

— Как возникла идея вернуть Сахарова в Москву?

— Проблема высылки Андрея Дмитриевича — она для меня существовала все время. (Он же находился в Горьком, когда я стал генсеком.) Период был трудный. В первое время другие проблемы казались более важными (они и были важными), отодвигали вопрос о его возвращении. Да я и не знал, что поддержат меня Яковлев, Шеварднадзе и Медведев, а остальные будут против.

И я в конце говорю: «Знаете что, давайте-ка мне досье на Сахарова. Раз его выслали, значит, есть, должно оформляться». Я же юрист все-таки.

Короче, досье на Сахарова не появилось. Его просто не было: было постановление или указ там, указом выслали.

— Как это не было досье на Сахарова? Не может быть.

— Да, не было никакого дела, на основе которого потом состоялось юридическое действие. Ничего этого нет. Там сплетни какие-то, докладные: тому сказал то-то, этому — это, тому дал интервью... Я говорю: «Мы давайте тогда о Сахарове на очередном Политбюро поговорим».

Особого обсуждения и не было. Потому что всем ясно было, что была напаста: человек не вошел в конфликт с Конституцией, которая утверждает свободу слова. Тем более у него рассуждения все серьезные, ответственные.

В результате встал вопрос: как его вернуть? Появилось мнение, что нужно направить президента академии Александрова туда. И у меня что-то зашевелилось: когда выгоняли — это Политбюро (было, по-моему, решение). А возвращать?.. Нехорошо. В результате говорю: «Знаете что, давайте-ка так: я поговорю сам с Сахаровым». Был там установлен телефон. Когда мне доложили, что можно звонить, я позвонил.

«Андрей Дмитриевич, здравствуйте. Горбачев». — «Здравствуйте». — «Я хочу вам сказать, что вы можете возвращаться в Москву, занимать свою квартиру и заниматься своей работой. В общем, все за вами сохранено, начинайте действовать — и в академии, и так далее». Не благодарил, ничего. И правильно, нечего благодарить. Ну, короче говоря, я ему так сказал. А он

с ходу: «Надо высвободить всех узников свободы», то-то-то... Не о себе. Да, про Анатолия Марченко сказал. Он в тяжелом положении... Я говорю: «Андрей Дмитриевич, возвращайтесь, это я вам хотел сказать, и все будем рассматривать».

После этого разговора я проинформировал своих коллег и сказал: «Внесите предложения о политических заключенных».

Для меня, вообще говоря, академик оказался счастливой встречей. Особенно в те моменты, когда пришлось принимать крутые решения, выходить на новый, так сказать, виток демократических преобразований. И... опорой. Да, опорой! Потому что суждения этого человека были всегда аргументированы. Это были его, Сахарова, аргументы. Но они были логичны и лишены

РИА Новости

обиды, он для всей страны был уже своего рода камертоном. И это очень важно. А он был активным, он не отсиживался. Он внес конституцию от себя. Он выступал, выдвигал идею передать власть съезду, поскольку он народом избран, и так и должно быть.

— **То, что Андрей Дмитриевич говорил, было полезно вам, продуктивно?**

— Абсолютно. Абсолютно.

— **И даже то, с чем вы тогда не соглашались?**

— Абсолютно... все это было очень важно. Я уверен, что он знал... Я теперь смотрю на это интервью и вижу — это еще ценнее.

— **Он все понимал — и вы все понимали?**

— Да-да-да-да.

— **Значит, между вами возникал какой-то внутренний диалог?**

— Он обязательно был. Я же, давая ему слово, ощущал недовольство президиума. Было важно, чтобы он говорил.

— **Я помню, мы едем после заседания, и я говорю: «Мы нервничали с Еленой Георгиевной. Горбачев вас все время перебивал». Он говорит: «Горбачев, прежде всего, мог мне не давать слова. Он мне давал слово. У меня было такое ощущение, что он хотел, чтобы я говорил: он не мог сказать то, что мог сказать я, а ему надо, чтобы это было сказано».**

— Этот массив надо было разворачивать к демократии. Но это было непросто. Сахаров понимал.

— **Сами вы обладали этим ресурсом как генсек?**

— Если бы я не обладал — съезда бы не было.

— **Но сказать то, что сказал Сахаров, вы не могли.**

— Да, вот это правильно. Не мог. А как? Ведь целый съезд вообще мог свихнуться. Если прочитать стенограммы — это такой детектив! Я их иногда читаю. Потрясающе! Надо было продвигаться вперед. Но не сломя голову.

Люди впервые оказались в положении народных депутатов на основе свободных выборов. Они проходили впервые в своей жизни школу свободы. Свободы слова, открытого обсуждения, полемики, борьбы самой настоящей.

— **Вы представляли степень риска? Вы сознательно шли на это?**

— Ну а как же. А что такое проект перестройки? Это такой риск! Вот будь я се-

мидесятилетним человеком, умудренным, уставшим, не пошел бы, наверное, на это. Не пошел бы.

— **Вы сознательно маскировали многословием свои цели? Сахаров считал, что вы в сложном положении, потому что должны все время лавировать между старым Политбюро и новыми идеями.**

— Я же не мог дойти до свалки и развалить съезд.

— **Дело даже не в этом. Я думаю, что у вас единомышленников в Политбюро было меньше, немного.**

— Ну так и думай. Ты же свободный человек. А я хочу другое сказать. Был же такой еще случай интересный с Андреем Дмитриевичем, не только в зале, как говорится, но за пределами зала. Раз после окончания заседания, где-то между семью и восемью, я сидел со своими помощниками, с Шахназаровым (он много тогда государственными делами занимался), ну и другими, не буду перечислять, потому что не хочется мне их перечислять.

— **Не надо.**

— Каждый вечер я работал допоздна. Закончил я в один из дней. Выхожу. «Михаил Сергеевич, а вас там ждут». — «Кто ждет?» — «Сахаров». — «А почему вы не положили?» — «Ну мы ему сказали, он говорит: ладно, пусть он закончит, я потом».

Я выхожу в зал, он в уголке на сцене, у шторы у этой самой... как называется у сцены — занавеса? Сидит на стуле. Они его усадили, там чаю дали или что, сидит.

Я говорю: «Андрей Дмитриевич, добрый вечер! Вы что, тут ночевать решили?» — «Нет, мне надо с вами встретиться, очень серьезный у меня разговор к вам». Говорю: «Ладно». Я взял себе стул, сел рядом с ним. Вот так вот сидим. Впереди — зал. Пустой, огромный, темный.

Я говорю: «Ну как у вас впечатления от съезда?» Вот тут я услышал, как вот он со мной говорил, как будто с тобой — понимаешь? Без коррективов. Если у человека есть мнение и он его придерживается, у него могут быть нюансы.

Да, мысль развивается, оснащается, какие-то аргументации появляются, но стержень остается. Поэтому мне нечего, как говорят, скрывать. Ну, в общем... «Да, вот видите, какой зал, такой консервативный...» — «Да, — говорю, — но представьте себе, это же первый такой у нас съезд, Андрей Дмитриевич, и такое происходит на глазах у всей страны, у всего мира! Вообще невероятно же, мы вовлечены с вами, мы еще не понимаем, что происходит. Так примерно. Я в общем-то...» — «Ну да, конечно...»

«А вы-то? Что вас беспокоит?» — «Вы знаете, я боюсь, как бы эти консерваторы... Видно, их не устраивает, что на съезде происходит и как происходит. Они могут вас заставить, так сказать, отступить от своей линии».

Он понимал, что она — максимум возможного в той ситуации, в том контексте, который есть. Компромисс заложен был. Но компромисс все-таки в сторону развития.

Я говорю: «Окажись вы на моем месте — вы бы занимались тем, что надо управлять залом, всем этим процессом надо управлять». — «Я о другом. Вот говорят, что у правых там есть какие-то компрометирующие вас данные, что они могут воспользоваться, чтобы изменить ход съезда». Это самое главное, что его беспокоит.

«Ну тогда, — говорю, — Андрей Дмитриевич, идите спите спокойно. Я взятки не брал никогда, и я уверен, что не возьму».

Чего-чего, а этого за Горбачевым не водилось, не водится и не будет водиться. «Ну хорошо, до завтра, — говорю. — Впереди опять работы много». И расстались мы по-хорошему.

— **Он волновался за вашу репутацию?**

— Он волновался за возможность изменения направления работы съезда. Он понимал, что я только могу изменить.

Ты понимаешь, он очень много выступал, больше, чем другие, в разы. Конечно, мне выгодно, чтобы звучала речь академика: он ответственный человек, он демократически убежденный человек, он человек совести и морали.

— **Михаил Сергеевич, как вам видится: если бы Сахаров жил, какую бы роль он играл, какое бы место занимал?**

— Он был на своем месте. Он был выдающийся ученый, он был наш моральный авторитет. И для меня он был авторитет. Он бы занимал ту же позицию, что занимал и тогда, он был бы привержен тому, что без дальнейшей демократизации, без утверждения, развития и укрепления социальных институтов, без защиты свобод страна жить в современном мире не может. Он настаивал на том, что достойных условий жизни не может быть за пределами свободы и демократии.

И я так считаю.

ГОРБИ
GORBY

ИССЛЕДУЕМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Петр САРУХАНОВ

САРУХАНОВ

Обнуление

НЕСМОТЯ НА ПРЯМОЕ ДЕЙСТВИЕ
ОСНОВНОГО ЗАКОНА, ЕГО НОРМЫ
ИЛИ НЕ ВЫПОЛНЯЮТСЯ, ИЛИ
ИГНОРИРУЮТСЯ, ИЛИ ОБСТАВЛЕНЫ
ЗАКОНАМИ, ДЕЛАЮЩИМИ
НЕВОЗМОЖНОЙ РЕАЛИЗАЦИЮ
КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ
ГРАЖДАН РОССИИ

Кон- СТИ- ТУЦИИ

Российская Конституция,
принятая тридцать лет назад,
половину этого срока оставалась
неизменной. Затем подверглась
точечному изменению, а три
года назад — масштабному, серьезно
исказившему то, что было заложено

в Конституцию ее авторами. При этом все
чаще говорят, что в ближайшем будущем
может быть принята принципиально новая
Конституция — избавленная от того,
что нынешняя власть считает вредным,
и дополненная тем, что она считает
необходимым.

Борис Вишневский

Конституция, принятая в декабре 1993 года, состоит из двух частей.

Первая часть — главы 1 и 2, основы конституционного строя и права и свободы человека и гражданина — неизменяемая, ее не может пересмотреть парламент: это можно сделать, только приняв новую Конституцию.

Вторая часть — главы 3, 4, 5, 6, 7, 8 — может быть пересмотрена парламентом (для этого нужно не менее двух третей голосов депутатов Госдумы и не менее трех четвертей голосов сенаторов в Совете Федерации, а затем — одобрение не менее двух третей региональных законодательных собраний). Что и было сделано — сперва в 2008-м, а потом в 2020 годах, после чего Конституция пришла к нынешнему состоянию.

Если посмотреть на две «неизменяемые» главы Конституции, то они во многом превращены в фикцию.

Несмотря на прямое действие Конституции, соответствующие нормы или не выполняются, или игнорируются, или со всех сторон обставлены законами, усложняющими, а то и делающими практически невозможной реализацию конституционных прав. При этом судебная власть, как правило, наказывает не тех, кто нарушает права граждан, а тех, кто пытается этими правами воспользоваться.

Что же касается «изменяемой» части Конституции, то она в 2020 году была деформирована с целью максимального укрепления самодержавия.

Проблемы с Конституцией, собственно, начинаются уже с первой статьи первой главы: «Основы конституционного строя». Где говорится, что Российская Федерация — «демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления».

Огромное количество законов, принятых за минувшие годы (часть при президенте Борисе Ельцине, часть при президенте Владимире Путине), существенно ограничили механизмы народовластия (точный перевод слова «демократия») и федерализма.

Во многих случаях выборы заменены назначениями, для участия в выборах требу-

ется преодолеть порой почти неприступные барьеры, избранные на свои должности лица могут быть, фактически произвольно, отстранены решениями «сверху», легализованы многочисленные формы вмешательства федеральной власти в деятельность власти региональной и ограничения ее самостоятельности (точно так же легализованы многочисленные формы вмешательства региональной власти в деятельность местного самоуправления), чего в федеративном государстве быть не может.

Что касается правового государства, то говорить о нем можно лишь в насмешку: принцип «все равны перед законом» заменен принципом «друзьям — все, врагам — закон». Драконовские сроки за участие в мирных акциях протеста или высказывание мнения, отличного от официального, соседствуют со штрафами за погромы по мотивам национальной вражды и условными наказаниями за кражу миллиардов.

Ничуть не лучше обстоит дело и со статьей 6, где говорится, что гражданство России является «единым и равным, независимо от оснований приобретения» и что «гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства или права изменить его».

Принятые в этой сфере законы уже легализовали (соответствующие нормы вступили в силу в октябре 2023 года) лишение «приобретенного» гражданства за те или иные правонарушения.

А на подходе — реализация предложения главы Следственного комитета России Александра Бастрыкина лишать гражданства натурализованных мигрантов, если они уклоняются от участия в СВО, как будто бы и нет указанных конституционных норм.

И вполне понятно, что ни одна из пяти фракций Госдумы, соревнующихся в «антимигрантских» инициативах, не обратится по этому вопросу в Конституционный суд. Если же и обратится — нет ни малейшего сомнения, что Конституционный суд не усмотрит никаких отклонений.

Статья 7 говорит о социальном государстве, политика которого направлена на «создание условий, обеспечивающих достойную жизнь». Но это на словах, а на деле — принимаются законы, лишаящие индексации пенсий работающих пенсионеров, «замораживающие» индексацию пенсий, повышающие пенсионный возраст, а в государственном бюджете социальные расходы уверенно проигрывают «оборонным» и «силовым».

Самостоятельность местного самоуправления, гарантированная статьей 12 Конституции, и отделение органов МСУ от системы государственной власти остаются декларацией — на фоне законов, подчиняющих МСУ органам государственной власти, дающих ей право снимать

«муниципалов» даже с выборной должности и вносить представления о лишении мандатов муниципальных депутатов за ошибки в декларациях.

Статья 13, признающая идеологическое многообразие и запрещающая государственную идеологию, постоянно подвергается атакам (о чем — ниже). Но в ней же записано равенство общественных объединений перед законом и запрет на создание вооруженных формирований. Обсуждать всерьез, что «Единая Россия» и другие партии (особенно оппозиция) равны перед законом, невозможно. Что касается запрета на создание вооруженных формирований, то достаточно вспомнить «казус Пригожина», чья частная военная компания якобы действовала и вовсе не существовала.

Статья 14 о светском государстве, запрете установления какой-либо религии в качестве государственной или обязательной, отделении религиозных объединений от государства и их равенстве перед законом на практике превращена в фикцию — православие де-факто имеет статус государственной религии, РПЦ слилась в прочнейшей «симфонии» с государством, получая льготы, имущество и привилегии и взамен всячески поддерживая действующую власть и ее политику.

Наконец, статья 15 о признании международного права и международных договоров частью российской правовой системы и приоритете международных норм в случае противоречий.

Формально в эту статью никаких изменений внесено не было — и не могло быть. Но в 2020 году в рамках «поправок Путина» были внесены изменения в статью 79 Конституции — где записали, что «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации».

Это фактически означает возможность неисполнения Российской Федерацией ратифицированных ею международных договоров, и это прямо противоречит статье 15 (согласно которой, эти договоры — составная часть российской правовой системы).

Между тем статья 15 — это одна из основ конституционного строя, и, согласно статье 16, никакие другие положения Конституции не могут противоречить этим основам.

Но Конституционный суд, как известно, никаких проблем с этой и другими «поправками-2020» не усмотрел.

Обнуление

Кон- сти- туции

Теперь — о второй главе Конституции: «Права и свободы человека и гражданина».

Ушедший летом 2023 года мой учитель и друг Виктор Леонидович Шейнис говорил, что вторая глава — лучшее, чего удалось добиться тем из демократов, которые, как и он, участвовали в разработке Конституции летом и осенью 1993 года.

Эта глава начинается со статьи 17, где сказано, что «в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией». И статьи 18 — о том, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, «определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием».

О том, что в Конституцию в 2020 году заложили возможность фактически игнорировать «общепризнанные принципы и нормы международного права», уже сказано. После этого Россия (юридически решение было принято в феврале 2023 года, практически же — сразу после поправок в Конституцию) отказалась от соблюдения международных договоров Совета Европы, в том числе — от выполнения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (и приложений к ней), от Европейской конвенции о пресечении терроризма, от Европейской хартии местного самоуправления и Европейской социальной хартии, а также прекратила исполнять решения Европейского суда по правам человека. По сути, это означало изоляцию от немалой части международного права.

Что же касается статьи 18, то имеет место совершенно системный дефект.

Несмотря на то что Конституция имеет прямое действие, механизм реализации конституционных прав и свобод, перечис-

ленных в главе 2, устанавливается федеральными законами.

И эти законы — по очень многим важным вопросам — сформулированы так, что не обеспечивают гражданам максимум возможностей для реализации конституционных прав, а, напротив, — максимально усложняют и затрудняют эту реализацию.

При этом исполнительная власть — как показывает практика — создает препятствия в реализации целого ряда конституционных прав, а правосудие, вместо того чтобы обеспечивать права и свободы, во многих случаях узаконивает ограничение конституционных прав и свобод и наказывает, как уже сказано, не тех, кто нарушает эти права и свободы, а тех, кто пытается этими правами и свободами воспользоваться.

Три самых наглядных примера — право на свободу выражения мнений (статья 29), право на свободу мирных собраний (статья 31) и право на участие в управлении делами государства (статья 32).

Право на свободу мысли и слова и свободное выражение мнений и убеждений, гарантированное статьей 29, в 2014 году было очевидно ограничено введением в Уголовный кодекс статьи 148 о наказании за «оскорбление религиозных чувств», то есть — за то, что в принципе не поддается объективной оценке или измерению. Оскорбить чувства (не раз писал об этом в печати) невозможно — оскорбить можно только человека.

А если обращаться к христианским канонам, то есть известнейшее изречение из послания апостола Павла — о том, что «Бог поругаем не бывает».

Тем не менее немало людей были по этой статье осуждены, а критика тех или иных религиозных представлений, абсолютно нормальная в нормальном обществе, в России резко сократилась — под угрозой привлечения за «оскорбление чувств».

Затем, в 2020 году, свобода мысли и слова получила еще один удар — с включением в Конституцию новой статьи 67.1, входившей в пакет «поправок Путина».

Указанная статья говорит об «обеспечении защиты исторической правды» и запрете на «умаление значения подвига народа при защите Отечества».

Однако перечисленное — сугубо субъективные понятия, смысл которых меняется как со временем, так и со сменой власти в стране (чему мы много раз были свидетелями).

В результате граждане, имеющие иное мнение по поводу исторических событий России, чем декларируемое текущей властью, а также о правомерности действий тех или иных исторических персонажей, могут быть объявлены врагами, подлежащими тому или иному наказанию.

Пример тому — введенный в июле 2021 года федеральным законом запрет «публичного отождествления целей, решений и действий руководства СССР, командования и военнослужащих СССР с целя-

ми, решениями и действиями руководства нацистской Германии, командования и военнослужащих нацистской Германии и европейских стран Оси в ходе Второй мировой войны, а также отрицания решающей роли советского народа в разгроме нацистской Германии и гуманитарной миссии СССР при освобождении стран Европы» и введенное в апреле 2022 года (причем Госдума голосовала единогласно) дополнение Кодекса об административных правонарушениях статьей 13.48 об ответственности за нарушение этой статьи.

По сути, эти нормы запрещают свободное высказывание мнений об истории Второй мировой войны, которые были и остаются разными — у историков, писателей, политиков, журналистов.

Как теперь обсуждать печально известный пакт Молотова—Риббентропа, секретные протоколы к нему и его последствия? Исключительно в позитивном ключе? Сделав вид, что не существует других оценок? И где тут положения статьи 29 Конституции?

И наконец, самым серьезнейшим образом право на свободу мысли и слова было ограничено (если не сведено к фикции) небезызвестными законами о наказании за «дискредитацию Вооруженных сил» и «фейки об армии», принятыми в марте 2022 года.

По сути, эти законы криминализуют инакомыслие и карают граждан за несогласие с позицией власти по вопросам, связанным со специальной военной

операцией. Эта позиция объявляется заведомо верной и не подлежащей сомнению, а все, что с ней не совпадает (или ей противоречит), объявляется заведомо ложным и подлежащим наказанию при публичном высказывании.

Тысячи человек уже подвергнуты наказанию за «дискредитацию», более сотни или осуждены, или ждут суда по статье о «фейках», а Конституционный суд России не видит в этом ничего, расходящегося с Конституцией.

Заявляя, что действия тех, кто подвергнут наказанию за «дискредитацию», посягают на правопорядок, общественный порядок и безопасность и иные охраняемые Конституцией РФ ценности, «даже если внешне такие действия имеют признаки реализации конституционных прав» (*выделено мной. — Б. В.*).

Это, бесспорно, новое слово в конституционном праве (и в праве вообще).

Между тем общество не обязано поддерживать решения государства: это нельзя вменять ему в обязанность, возводя в конституционный принцип. Напротив, если общество полагает решения и действия государства неверными, государство обязано к этому прислушаться и изменить политику. И это прямо следует из основ конституционного строя, где написано, что народ, а не государство и не его должностные лица, является единственным источником власти.

Теперь — о статье 31, гарантирующей право на свободу мирных собраний.

На протяжении почти двадцати лет (с момента принятия в 2004 году федерального закона о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях) как федеральное, так и региональные законодательства вместо того, чтобы помочь гражданам реализовать право на свободу собраний, максимально усложняют это право.

Ключевой момент — закрепленное в указанном федеральном законе фактическое превращение уведомительного порядка проведения публичных акций (предполагающего, что уведомление нужно лишь для того, чтобы власть создала условия для нормального проведения акции) в разрешительный, который больше похож на запретительный.

Исполнительная власть может предложить организаторам публичной акции провести ее или в другом месте, или в другое время, и от этого предложения невозможно отказаться: в случае отказа акция объявляется «несогласованной», а значит, незаконной и чреватой разгоном и задержаниями. Наличие этого положения в законе де-факто означает, что любые разногласия, возникающие между органами власти и организаторами публичной акции относительно места и времени ее проведения, будут решаться (и решаются) в пользу первых.

Обнуление

Кон- СТИ- ТУЦИИ

Конечно, все трудности случаются лишь тогда, когда митинг, шествие или пикет хотят провести оппозиционные партии и движения или протестные группы, борющиеся с решениями власти: лояльные партии и активисты никаких проблем в согласованиях не испытывают.

Если же участники публичных акций, опираясь на прямое действие 31-й статьи Конституции, пытаются собраться без согласования, их разгоняют и задерживают в достаточно жесткой форме.

Надежды на правосудие, которое, согласно статье 18, должно обеспечивать реализацию конституционного права на свободу собраний, оказываются тщетными: суды практически неизменно принимают решения о наказании задержанных, основываясь исключительно на полицейских протоколах.

Все, что написано в протоколах о задержании, заведомо рассматривается как доказательства, «не доверять которым у суда нет оснований» (даже если это полностью опровергается видеозаписями или показаниями свидетелей) и «достаточные для установления вины». Что же касается доводов защиты, суды неизменно относятся к ним «критически», объявляя их «надуманными», а объяснения задержанных оценивают как «несостоятельные». Оправдаться оказывается невозможно — оправдания рассматриваются как заведомо ложные показания, продиктованные стремлением уйти от заслуженного наказания.

Конечно, это — полное опрокидывание конституционного принципа презумпции невиновности и фактическое введение противоположного принципа — «презумпции виновности оппонентов власти».

Конституция и закон предписывают толковать неустранимые сомнения в виновности в пользу обвиняемых, но российские суды, когда речь идет о критиках власти, толкуют эти сомнения в пользу обвинения.

Конституция и закон устанавливают, что никто не обязан доказывать свою не-

виновность, но российские суды требуют от критиков власти доказывать, что они не совершали противозаконных деяний.

Впрочем, реализация права на свободу собраний — только один пример, когда все три «ветви власти» по сути выступают против 18-й статьи Конституции.

Еще один пример — это права, гарантированные статьей 32 Конституции: право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей, право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, право на равный доступ к государственной службе.

Если говорить о праве избирать и быть избранным, то на протяжении последней четверти века избирательное законодательство последовательно усложнялось таким образом, чтобы затруднить для граждан реализацию пассивного избирательного права (права быть избранным).

Для начала была существенно усложнена процедура выдвижения путем сбора подписей. Был резко (до 5–10%) снижен допустимый процент «брака» при сборе подписей. В условиях, когда проверку подписей ведут встроенные в «вертикаль власти» избирательные комиссии и правоохранительные органы, это дает возможность легко «отсечь» от выборов любую негодную партию или кандидата.

Был введен такой механизм проверки собранных подписей, что отрицательный результат этой проверки практически невозможно оспорить. При этом используется принцип «презумпции виновности»: вместо того чтобы комиссия, если она считает подписи избирателей недостоверными, доказывала это в суде, партия или кандидат должны доказывать, что подписи подлинные.

Параллельно был отменен избирательный залог — позволявший кандидатам зарегистрироваться, не представляя подписи.

Число оснований для отказа в регистрации кандидатов или отмены уже проведенной регистрации постепенно увеличилось и сейчас исчисляется десятками.

Наконец, на выборах губернаторов был введен так называемый «муниципальный фильтр», устанавливающий обязанность кандидатов в губернаторы представить подписи депутатов муниципальных образований.

На практике же — в ситуации, когда подавляющее большинство муниципальных депутатов контролируется «Единой Россией», — этот «фильтр» стал непреодолимым барьером даже для тех кандидатов от оппозиции, чья поддержка в регионах не могла подвергаться сомнению.

В результате выборы в подавляющем числе случаев выигрывают или действующие губернаторы, или временно назначенные на этот пост президентом чинов-

ники, выдвинутые или поддержанные «Единой Россией», а их реальные оппоненты не могут даже зарегистрироваться.

Что касается других моментов избирательного законодательства, то был введен запрет на создание избирательных блоков и запрет выдвигать членов одних партий по спискам других. Тем самым партийность гражданина, по сути, стала основанием для ограничения его пассивного избирательного права.

Год за годом вводились все новые и новые ограничения, касающиеся предвыборной агитации (существенно усложнившие ее выпуск), финансирования избирательной кампании, работы наблюдателей на выборах, и другие ограничения, требующие от кандидатов выполнения огромного числа бюрократических формальностей (и соответственно — затрат времени и сил). А за нарушение многих из них можно поплатиться отстранением от выборов.

же запрет введен для осужденных еще по целому ряду статей УК.

В течение года нельзя избираться тем, кто получил административный штраф по статье КоАП о демонстрации нацистской символики или «символики экстремистских организаций». Заметим, что этот запрет уже несколько раз использовался для целенаправленного отстранения от выборов оппозиционных кандидатов. В том числе на машину «яблочника» Андрея Морева в Москве неизвестные наклеили символику запрещенных «навальнистов» — и в суде, несмотря на записи с камер, он не смог доказать, что не имеет к этому отношения.

Ограничения введены и для граждан, «причастных к деятельности» организаций, признанных экстремистскими и запрещенных.

При этом закону об этих ограничениях придана никак не укладывающаяся в Конституцию обратная сила.

кого совершенно произвольно объявили к ним «причастными».

Практически во всех спорных случаях суды встают на сторону избиркомов — отказываются отменять результаты сфальсифицированных выборов, отказываются истребовать документы, отказываются оценивать доказательства фальсификаций (или оценивают их «критически»), при этом полностью доверяя показаниям членов избиркомов. Судебная практика накоплена богатейшая — и она практически одинакова.

Этим, однако, ограничение реализации конституционных прав, установленных статьей 32, не ограничивается.

В 2020 году «поправками Путина» в целый ряд статей Конституции (77, 78, 81, 95, 97, 110, 119) были внесены изменения, устанавливающие ограничения пассивного избирательного права и права на замещение государственных и муниципальных должностей, должностей государственной и муниципальной службы: на них нельзя находиться, имея иностранное гражданство или вид на жительство.

Запреты были установлены для президента, премьер-министра, членов правительства, депутатов Госдумы, сенаторов, губернаторов, судей и руководителей федеральных органов власти.

Между тем статья 6 Конституции устанавливает, что российский гражданин обладает равными правами и свободами, предусмотренными Конституцией, а статья 32 — что граждане имеют равный доступ к государственной службе.

Без внесения изменений в статью 32 установить запрет на занятие госдолжностей и других, перечисленных выше, для лиц, имеющих иностранное гражданство или вид на жительство, нельзя. А статья 32, как сказано выше, — из числа неизменяемых поправками. Получается очевидное противоречие.

Можно привести и другие примеры — когда статьи Конституции о правах и свободах граждан, относящиеся к «неизменяемым», окружаются законами, предельно затрудняющими или ограничивающими реализацию этих прав.

Это касается статьи 19 — о равенстве всех перед законом и судом и запрете дискриминации по признаку убеждений, отношению к общественным объединениям или социальным группам (все те же законы о «дискредитации» и «фейках» тому пример, как и законы о запрете пропаганды «нетрадиционных отношений»).

Петр САРУХАНОВ

Наконец, в последние два-три года были введены новые ограничения пассивного избирательного права, запретившие избираться многочисленным категориям граждан (по сути, как говорили в ранние советские времена, «лишенцам»).

Тем, кто имеет снятую или погашенную судимость (что де-юре означает, что человек полностью восстановлен в правах) за совершение тяжких преступлений, запрещено избираться еще десять лет после снятия или погашения, а за особо тяжкие — еще пятнадцать лет.

Тем, кто осужден за преступления экстремистской направленности, запрещено избираться еще пять лет после снятия или погашения судимости. Такой

Так, в течение пяти лет после решения суда о ликвидации или запрете деятельности такой организации не могут никуда избираться те, кто был учредителем или входил в руководство такой организации за три года до вступления в законную силу решения суда. Когда они заведомо не могли знать, что организацию в будущем запретят.

И в течение трех лет после решения суда не смогут никуда избираться те, кто был участником, членом или работником этой организации либо иным способом был «причастен» к ее деятельности за год до соответствующего судебного решения.

На основании этих норм в 2021 году были не допущены на выборы не только запрещенные «навальнисты», но и те,

Обнуление

Это касается статьи 23 о праве на тайну переписки и «иных сообщений» (вспомним «законы Яровой»).

Это касается статьи 27 о праве на свободный выезд и въезд в страну (вспомним запреты на выезд через неделю после отправки повестки в военкомат, независимо от того, получена ли она). И уже звучат призывы запретить въезд в страну «иноагентам» — открыто нарушающие вторую часть этой статьи.

Это касается статьи 35 о невозможности лишения имущества иначе как по решению суда (нормы Градостроительного и Жилищного кодексов о «комплексном развитии территорий» позволяют решением двух третей собственников жилья принудительно лишить имущества оставшуюся треть).

В результате мы наблюдаем ситуацию, которая может быть описана известным «право имеете, но не можете»: конституционное право на слова декларировано, а на деле им крайне трудно, если не вообще невозможно, воспользоваться.

Теперь — об «изменяемой» части Конституции, которая, как уже сказано, менялась дважды. В первый раз — в 2008 году, когда были увеличены, соответственно на год и два, сроки полномочий Госдумы и президента. А во второй раз — в 2020 году, когда принимались «поправки Путина».

О некоторых изменениях, сделанных тогда, уже сказано.

Что касается остальных, то более всего известно, конечно же, «обнуление» сроков правления президента Владимира Путина.

Но оно носит не общий, а частный характер — при всей его значимости и создании возможности для несменяемости верховной власти еще на полтора десятилетия.

Куда серьезнее общие, системные изменения Конституции, еще больше укрепляющие российское самодержавие.

КОНСТИТУЦИИ

«Поправки Путина» резко усиливают влияние президента на правительство и всю систему федеральной исполнительной власти, ослабляя правительство и парламент.

Так, президент получает право не только назначать (с согласия Госдумы) премьер-министра, но и единолично смещать его с должности (ранее такого права у него не было, он мог только отправить в отставку все правительство целиком, а теперь может отстранить одного премьера).

Не по предложению премьера (как раньше), а самостоятельно он назначает ключевых министров — ведающих «вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности». Формально он это делает после «консультаций с Советом Федерации», но, учитывая процедуру формирования этого органа, ни на что эти консультации не влияют.

Президент получает право назначать 30 сенаторов, из которых часть — пожизненно.

Президент получает исключительное право предлагать Совету Федерации назначать и снимать руководство Конституционного суда и Верховного суда, а также назначать самостоятельно руководство иных федеральных судов.

Президент получает исключительное право назначать генерального прокурора и его заместителей (ранее он должен был представлять эти кандидатуры на утверждение Совету Федерации, теперь же он с ним только «консультируется»).

Президент получает исключительное право представлять Совету Федерации и Государственной думе кандидатуры председателя Счетной палаты, его заместителя и аудиторов (ранее это были самостоятельные функции палат парламента).

Ослабляется региональная власть — прокуроры регионов теперь назначаются президентом (ранее они назначались генпрокурором по согласованию с регионами).

Кроме этого, вводится не указанный в основах конституционного строя, более того, как представляется, прямо противоречащий им институт «единой системы публичной власти», куда входят органы местного самоуправления и органы государственной власти. Противоречащий — потому что в статьях 10, 11 и 12 Конституции установлены принципы разделения властей, их самостоятельности, а также самостоятельности органов местного самоуправления.

Помимо описанного «поправки Путина» включают смесь из повторения давно существующих (и не всегда выполняемых) норм социальных законов — об индексации пенсий и установлении минимального размера оплаты труда не ниже прожиточного минимума. И не имеющие юридического значения декларации (о сохранении «памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога», о «преемственности в развитии Российского государства», об «исторически сложившемся государственном единстве», о том, что «дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России», и так далее).

А есть и нормы с постепенно проявляющимися последствиями — как, например, норма о «защите института брака как союза мужчины и женщины». Строго говоря, здесь не написано, что брак может быть только таким, а иные формы запрещены, — но указанная формулировка открывает возможности для принятия законов, это запрещающих, а также законов, дискриминирующих граждан по признаку «нетрадиционной ориентации».

Такова не внушающая оптимизма панорама российского «конституционного поля», сложившегося за три десятилетия.

На нем изначально было «посеяно» то, что не могло «прорасти» иначе как самодержавием, — но потом добавились новые «ростки».

А то полезное, что было заложено, оказалось, большей частью, неработоспособным, потому что главным направлением деятельности российской власти было не заложенное в Конституции обеспечение прав граждан, а обеспечение своей бесконтрольности и несменяемости — чему права граждан только мешали.

Впрочем, дальше может быть еще хуже.

Хотя вторая глава Конституции и обставлена многими блокирующими ее законами, совсем ее игнорировать не получается. А ведь президент Владимир Путин уже не раз заявлял, что права человека — это, мол, враждебное изобретение, которое используется Западом для «разрушения нашего суверенитета».

Предотвратить это мифическое «разрушение» можно только одним путем: принять новую Конституцию, где никаких «прав человека» уже не будет — а будут только «традиционные ценности».

Да и основы конституционного строя (первая глава Конституции), как уже сказано, вызывают раздражение у наиболее ретивых сторонников режима. И особенно — статья 13, которая запрещает их хрустальную мечту: установление обязательной для всех государственной идеологии.

Глава Следственного комитета Александр Бастрыкин, выступающий фронтменом этого предложения, и вторящий ему министр юстиции Константин Чуйченко, заявляющий, что запрет на государственную идеологию был в свое время навязан России «так называемыми партнерами», на самом деле далеко не первые вестники этих политических холодов.

Еще десять лет назад об этом не уставал говорить тогдашний сенатор (а до того — депутат Госдумы трех созывов) Алексей Александров.

Он сетовал, что «при Ельцине мы совершили одну из серьезнейших ошибок — в Конституции 1993 года отказались от государственной идеологии, и именно тогда на образовавшейся пустоте взамен идеологии закона и права в стране начала укореняться идеология криминала». Заявлял, что появление статьи 13 — это была «попытка избавиться от тоталитарной идеологии, но страх привел к тому, что вместе с водой выплеснули и ребенка, наложив запрет на пропаганду нравственных, идеологических и правовых ценностей». Что «при запрете государству проводить идеологию обществу угрожает хаос, оно может потерять такие

ценности, как нравственность, законопослушание и тому подобное». И что устанавливать государственную идеологию должны «президент, правящая партия, которые в нормальном государстве вынуждены проводить политику в интересах всего общества».

Тогда призыв не был услышан — время было еще относительно «вегетарианское».

Хотя и было понятно, что Александров озвучивает не только свою мечту. Ведь насколько бы легче стало жить «правлящей партии», если бы монополия на власть и идеологию стала конституционной нормой: чуть кто выступил с «идеологически ошибочными» мыслями — получи обвинение в «антиконституционной деятельности».

Что касается сегодняшних дней, то во многих выступлениях Владимира Путина, по сути, декларируется та же государственная идеология, которую в 1833 году для Николая Первого сформулировал министр народного просвещения граф Сергей Уваров.

А именно — «теория официальной народности», воплощенная в краткой формуле «Православие. Самодержавие. Народность». Формула, ставшая символом лютой реакции, а через семьдесят лет подхваченная черносотенцами. Суть ее в формировании покорности народа и сохранении личной власти.

Зато именно в рамках этой формулы — как это и было два века назад — лежит Большой Страх. Преследование инакомыслящих и криминализация нелояльности. То, что мы видим в России все последние годы.

А еще в последнее время (от самых разных спикеров) снова зазвучали уклады вающиеся в эту же формулу, как патрон в обойму, призывы к восстановлению империи. Как наиболее подходящей российскому народу.

Двадцать лет назад о «либеральной империи» мечтал Анатолий Чубайс. Теперь говорят о совсем другой империи — консервативной.

Но смысл от этого мало меняется.

Могут ли после президентских выборов принять новую Конституцию?

Если ничего не изменится — вполне.

С государственной идеологией, «традиционными ценностями», империей и без такого враждебного изобретения, как права человека.

Вот только имперский путь, вымощенный страхом, — это дорога в никуда.

Не- радуж- ный год

ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ
В СТРАНЕ БЫЛО ПРИНЯТО
ПЯТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ
НОВАЦИЙ ПРОТИВ
«НЕТРАДИЦИОННЫХ»
ЦЕННОСТЕЙ

В реестр таковых
были отправ-
лены аборты,
суррогатное
материнство,
трансгендерные люди. Мы реши-
ли напомнить, что теперь госу-
дарство считает преступным
и почему свобода распоряжаться
своим телом с точки зрения то-
талитарной практики угрожает
нации.

**Наталья
Чернова**

Закон
о полном запрете
ЛГБТ*–пропаганды,
педофилии и смены
пола.

Принят 24 ноября
2022 г.

Закон запрещает рассказывать об однополом отношении в позитивном ключе и «создавать положительный образ» этих отношений. Нарушителям грозят штрафы: для физических лиц — до 400 тысяч рублей, для юридических — до 5 миллионов рублей. Теперь Роскомнадзор имеет право блокировать сайты, где предположительно была обнаружена такая информация, сразу, не дожидаясь решения суда. Примечательно, что сами формулировки, что, собственно, считать пропагандой ЛГБТ, в законе прописаны столь расплывчато и неопределенно, что применять их теперь можно крайне вольно. То есть опираясь исключительно на мнение следователя. Будет дано указание увидеть — увидит. Закон вызвал оторопь в первую очередь у книгоиздателей. В письме к Александру Хинштейну, одному из инициаторов закона, Российский книжный союз заявил, что к пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений может быть отнесено,

* Движение ЛГБТ признано в РФ «экстремистским».

например, стихотворение Федора Сологуба «На совете», к пропаганде педофилии — роман Владимира Набокова «Лолита», супружеской измены — роман Льва Толстого «Анна Каренина» и поэма Александра Пушкина «Бахчисарайский фонтан», полигамии — повесть Александра Куприна «Суламифь».

Первой и показательной жертвой закона стал роман Елены Прокашевой** и Екатерины Дудко** «Лето в пионерском галстике». Сюжет книги — любовь мальчика-подростка и его вожатого в пионерском лагере. Книга вызвала большой интерес аудитории — она стала самым продаваемым в денежном выражении произведением в сегменте художественной литературы (более 49,8 млн руб.) в ближайшие полгода после появления в магазинах.

Захар Прилепин в своем телеграм-канале заклеил издателей: «В издательстве Rorschach Books (неизбежно читается как порно-букс) празднуют победу и считают барыши. Они и этот пост расценят как удачу. На то и рассчитывали. Скрывать не стану, я бы всю вашу контору сжег бы, пока вы дома спите!»

Гневно отозвался о книге и **Никита Михалков** — он в своем ролике зачитал отрывок из романа и расценил его публикацию как «нарушение Конституции».

А Нина Останина — председатель комитета Госдумы по вопросам семьи, женщин и детей направила в Роскомнадзор просьбу о проверке содержания книги с перспективой возбуждения в дальнейшем уголовного дела.

Коллизия вокруг «Лета в пионерском галстике» закончилась тем, что ее авторы были признаны «иноагентами», а книга запрещена к продаже.

** Признаны Минюстом «иноагентами».

Следующими жертвами нового закона стали десятки фильмов, изъятых из афиш онлайн-кинотеатров и стриминговых платформ.

Следствие принятия этого закона — безжалостное цензурирование любой публикации, фильма или акции. При этом законодателями полностью проигнорирован тот факт, что с точки зрения как здравого смысла, так и духа права невозможно применять критерии пропаганды к художественному произведению — это мнение было высказано многими юристами сразу после выхода закона. Но теперь даже природное явление — радуга тянет на пропаганду нетрадиционных ценностей (прецеденты о переименовании сорта мороженого уже были). В декабре был изъят с канала и сайта клип Сергея Лазарева «Так красиво». Выборгский районный суд Петербурга решил, что кадры с переплетенными кистями двух женских рук пропагандируют нетрадиционные ценности: «Отдельно стоит обратить внимание на фрагмент, представленный последовательной сменой кадров, демонстрирующих взаимодействующие кисти рук (ласкающие друг друга), чье взаиморасположение в пространстве, их индивидуальные особенности (волосистой покров, форма ногтевой пластины, маникюр, украшения) позволяют их воспринимать как принадлежащие двум разным людям одного пола, то есть потенциально воспринимающиеся как тактильное, чувственное взаимодействие лиц, транслирующих свои гомосексуальные предпочтения». В 2023 году Роскомнадзор составил 33 протокола за пропаганду ЛГБТ и ее демонстрацию.

Закон
о запрете
трансгендерно-
го перехода (смене
пола).

Принят 14 июля 2023 г.

Это один из самых жестких и показательных запретов для людей из ЛГБТ-сообщества. Настолько, что даже эксперты из Минздрава в открытую критиковали законопроект, в частности апеллируя к тому, что запрет на проведение операций по смене пола и замену документов может привести к росту числа самоубийств у людей, чей гендер не соответствует официальному полу.

Однако уже на первом чтении законопроекта стало очевидно, что он обречен быть принятым в самой жесткой редакции.

Зампред Госдумы **Петр Толстой** не скрывал своих гомофобных взглядов: «Не смогут, бедные, привести свои паспортные данные в соответствие с действительностью, которая сложилась у них в голове».

Столь же активно лоббировал принятие закона и председатель Госдумы Вячеслав Володин. По его мнению, новый закон о запрете смены пола будет только защищать граждан: «Смена пола — это чудовищная тенденция, которая ведет к вырождению нации».

Хотя трудно представить, что угрозу реальному воспроизводству нации могут нанести всего 2700 человек, которые, по данным российских ЗАГСов, сменили пол в России за последние четыре года

Еще более экстравагантную причину, по которой транслюдии должны быть отменены в России, называл глава Следственного комитета **Александр Бастрыкин**. Якобы были зафиксированы случаи смены пола ради уклонения от мобилизации. По его мнению, такой обман нарушает обороноспособность государства.

Принятый закон теперь допускает только те медицинские вмешательства по смене пола, которые связаны с лечением врожденных аномалий, генетических и эндокринных заболеваний. Решение о проведении таких вмешательств будет приниматься врачебной комиссией.

Транслюдям по новому закону запрещено усыновлять детей и заключать брак.

Если будут внесены изменения в запись акта гражданского состояния об изменении пола одним из супругов, то брак будет аннулирован. Кроме того, в отношении лиц, ранее изменивших пол, устанавливается запрет на усыновление детей. Также они не смогут быть их опекунами или попечителями.

Фактически легально сменить свой гендер в России будет невозможно, хотя раньше такая возможность была, даже если человек не решался на хирургические трансформации, а ограничивался лишь гормональной терапией. Теперь такие люди обречены всю жизнь жить в чуждом им теле, если только не удастся уехать из страны.

Не-радужный год

Планы Минюста — «часть трансфобной кампании государства», считают многие активисты. По их мнению, таким образом власти пытаются отвлечь внимание от других социальных и политических проблем.

Запрет на аборт

Пока такой закон в чистом виде не принят, однако насильственное мате-

ринство как государственный тренд все прочнее входит в реальность. Тема для парламентариев не нова. Хочешь попасть в политический мейнстрим — припомни тему абортов.

Особо бескомпромиссно отличился на этом поле депутат **Милонов**: «До 24 лет наплясались уже на дискотеках, пора и о государстве позаботиться», — написал он в твиттере летом. Немногом позже глава Минздрава Михаил Мурашко предложил ввести строгий контроль над препаратами для медикаментозного прерывания бе-

ИССЛЕДУЕМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

ременности, что, собственно, и было осуществлено.

Вмешательство государства в право человека распоряжаться своим телом и судьбой совсем не выглядит безопасным. Особенно если помнить, что на кону огромная целевая аудитория — миллионы женщин.

Если оценить ретроспективу абортной политики в стране, то станет очевидно, что «щекотки» как можно ближе подойти к тотальному запрету аборт уже несколько лет тревожат так называемых «патриотов».

Несколько лет назад в стране была попытка утвердить проект приказа Минздрава об «Утверждении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности». В нем значительно увеличивался перечень тяжелых аномалий плода, при которых женщина не имела бы права на аборт, если это обнаруживалось после 12-недельного срока беременности. В частности, предлагалось изъять из абсолютных показаний к аборту пороки развития нервной системы плода, при которых ребенок рождается тяжелым инвалидом, в том числе и с генетическими аномалиями. Аналогичная ситуация возникла в Польше в 2020 году, когда массовые протесты против запрета на аборт по медпоказаниям начали сотрясать страну. Основной смысл протестов сводился к тому, что государство не имеет права обрекать на страдания ребенка, который, родившись, никогда не сможет жить полноценной жизнью. Как и его семья.

Вообще, в нынешних реалиях педагогирование темы ценности и святости че-

ловеческой жизни, которую безусловное право женщины на аборт якобы ущемляет, выглядит в высшей степени лицемерным. Но тем не менее ответственные в стране за мораль на эту территорию заходят с пугающей регулярностью.

В январе в РПЦ предложили проводить аборт только при согласии мужа, а также после обязательной консультации психолога и «демонстрации сердцебиения плода». Эти предложения председатель патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства иерей Федор Лукьянов представил в Госдуме и отметил, что следует закрепить их законодательно.

В июне вице-спикер Госдумы **Анна Кузнецова** на заседании комиссии Госсовета по социальной политике предложила губернаторам российских регионов задуматься об ограничении выдачи частным клиникам лицензий на проведение аборт. По сути, бывший детский омбудсмен транслировала идею РПЦ запретить частным клиникам проводить аборт, чтобы у тех исчез стимул гнаться за прибылью «за счет уничтожения детских жизней».

А предложения же вывести аборт из программы обязательного медицинского страхования (ОМС) и вовсе звучат регулярно. Виталий Милонов заявлял, что наличие процедуры аборт в системе ОМС незаконно, так как страхование предполагает возможность лечиться, а беременность не является болезнью.

Вице-премьер **Татьяна Голикова** предложила Минздраву разработать положение о запрете аборт подросткам с 15 до 18 лет без согласия их родителей.

Одновременно государственные клиники обязали всех женщин, приходящих за этой процедурой, «профилактировать». Как и можно было ожидать, подошли к этой рекомендации с кондовой бесцеремонностью. На женских форумах множество рассказов о том, как назначенный для беседы священник обещал «горение в аду и смертные муки», а врач консультации намеренно затягивал сроки проведения аборт. В итоге женщины теряли возможность сделать процедуру легально и безопасно — по закону они могут прервать беременность, только если ее срок не превышает 12 недель.

К концу года тема аборт еще более актуализировалась.

Вице-спикер Госдумы **Петр Толстой** в Общественной палате 9 октября заявил, что парламент будет добиваться принятия закона о запрете проведения аборт в частных клиниках уже весной 2024 года. На сегодняшний день от проведения абортов полностью отказались коммерческие организации Крыма, Севастополя, Курской и Нижегородской областей, частично — клиники Мордовии, Татарстана, Челябинской области.

Кстати, количество абортов снижается в России с начала 1990-х — в среднем на 6% в год. В 2020 году Росстат зафиксировал 553 тыс. абортов. По итогам 2022 года это число сократилось уже до 506 тыс. По данным Росстата, на частные клиники приходится пятая часть от всех проведенных в стране абортов.

При этом в прошлом году значительно выросли продажи препаратов для медикаментозного аборта и экстренной контрацепции — примерно на 60%.

Эти факты еще раз подтверждают — женщины научились контролировать деторождение, а значит, и право распоряжаться собой. Отменить это право карательными мерами не получится. Итогом же насильственной политики деторождения станет практика зачастую калечащих подпольных абортов — женщины с «просроченным» сроком беременности, особенно живущие в хронической бедности, пойдут и на этот шаг. Неизбежно увеличится число оставленных в роддоме детей и детей, которые будут не нужны своим родителям.

Ужесточение закона о суррогатном материнстве

Первый и явный сигнал, что суррогатное материнство в стране, где «традиционные ценности» становятся национальной идеей, не приветствуется властями, был подан еще в 2020 году. Тогда было возбуждено уголовное дело о «торговле детьми», которые были рождены российскими суррогатными матерями для иностранцев. Суть дела, по версии обвинительного заключения, сводилась к тому, что врачи и сотрудники Европейского центра сурро-

гатного материнства находили покупателей младенцев из числа одиноких мужчин, «не имеющих показания к применению вспомогательных репродуктивных технологий». И хотя генетическая экспертиза в итоге подтвердила родство всех детей со своими родителями, которые сдавали свой биологический материал для вынашивания ребенка суррогатной матерью, поводом для снятия обвинений это не стало. Осенью этого года Никулинский райсуд присудил 19,5 года колонии строгого режима директору Европейского центра суррогатного материнства Владиславу Мельникову, врачу-репродуктологу Тарасу Ашиткову 17,5 года лишения свободы строгого режима, врачам Юлиане Ивановой и Лилии Панаиоти 16,5 года и 16 лет колонии общего режима соответственно. Реальные сроки заключения получили и суррогатные матери Татьяна Блинова и Лилия Валева.

Дело врачей-репродуктологов явно имело показательный характер. А за пределами сроков, которые дали врачам, и вовсе дали понять, что сфера суррогатного материнства еще немного — и станет вовсе нелегитимной. И все потому, что ранее услугами суррогатных матерей могли воспользоваться иностранцы и одинокие мужчины.

И опять врачебное сообщество пыталось вызвать к здравому смыслу и справедливости. Президент Российской ассоциации репродукции человека Владислав Корсак выступил в защиту коллег: «На этапе рождения ребенка и определения его правовой судьбы репродуктолог участвовать не может. Обвинение врачей в участии в преступной схеме столь же нелепо, как обвинение акушера, принявшего роды, в последующем

Не-радужный год

ненадлежащем уходе за ребенком со стороны родителей. К возможным проблемам юридического сопровождения врачи никакого отношения не имеют».

Как и следовало ожидать, законодатели, сражающиеся с одинокими мужчинами, желающими иметь детей (читай, геями), в раже борьбы за нравственность нации нанесли ощутимый удар по бесплодным супружеским парам. В новой версии закон запрещает пользоваться услугами суррогатного материнства тем парам, в которых один из супругов из-за бесплодия не может предоставить свой биологический материал для оплодотворения. И опять профессиональное сообщество репродуктологов напомнило в открытом письме, что изменения в закон фактически ввели «запрет на использование в программах суррогатного материнства донорских половых клеток для лиц, состоящих в зарегистрированном браке». А это явно противоречит политике государства, в основе которой лежит защита интересов семьи и поддержка рождения детей. В частности, новые ограничения являются прямым нарушением п. 3 ст. 5 закона об охране здоровья, в котором говорится о том, что «государство гарантирует гражданам защиту от любых форм дискриминации, обусловленной наличием у них каких-либо заболеваний».

В июле 27 семей из разных регионов страны направили письмо президенту с просьбой внести изменения в закон, разрешив использование донорских половых клеток для одного из супругов в программе суррогатного материнства при наличии медицинских показаний. «Чтобы стать родителями (следуя абсурдности формулировок

ИССЛЕДУЕМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

закона), нам надо разрушить свою семью — расторгнуть брак для поиска другого, полноценного в репродуктивной сфере партнера или стать матерью-одиночкой. Почему одинокой женщине разрешено воспользоваться донорским материалом, а семье — нет?» — написали семьи в своем обращении к президенту. И добавили, что в клиниках на криохраниении находится около тысячи готовых эмбрионов, созданных до появления закона и генетически родных по одному из родителей: «Это дети, родиться которым в России отныне запрещено».

Признание
«экстремистской
организацией»
международного
общественного
движения ЛГБТ.
30 ноября 2023 г.

Одной из первых иск Минюста прокомментировала основательница «Лиги безопасного интернета» **Екатерина Мизулина**: «Это значит, что будет поставлен серьезный заслон ценностям, которые разрушают Россию, уничтожая нашу идентичность». В ответ на ее комментарий Ксения Собчак иронично заметила: «Страшно представить, сколько депу-

татов Госдумы и членов правительства запрещать придется».

Абсурдность этого запрета превзошла все мыслимые юридические нормы.

Юристы отмечали, что, согласно российскому законодательству, признать «экстремистской» можно только реально существующую организацию. Однако «Международное общественное движение ЛГБТ» не было зарегистрировано в России, не существовало даже каких-либо формальных структур такого движения и документов.

Видимо, для того, чтобы законотворческий абсурд не превратился в откровенный фарс, заседание суда было решено проводить в закрытом режиме. Слушателей, ответчика, прессу в зал суда не пригласили — ответчика просто не существовало, а слушателей и прессу не позвали, чтобы не позориться. Представители Минюста пришли в зал суда в медицинских масках. Светиться в этом позорном мероприятии в открытую не хотел никто. Конспиративное заседание закончилось предсказуемо — несуществующее «Международное движение ЛГБТ» в России запретили.

Чем это грозит российскому ЛГБТ-сообществу? И активисты, и правозащитники не сомневаются, что жестокими репрессиями по любому, даже незначительному поводу, типа демонстрации радужной символики. А любая поддержка людей сообщества либо объединение их в группы независимо от целей — уголовными сроками. Маховик беспредела запущен.

И дело тут не только в том, что люди «нескрепного формата» кому-то или кому-то реально угрожают. Этот жупел придуман для того, чтобы противопоставить нашу нравственность — ихней, западной. Бездуховной и тлетворной.

Парадоксальным образом российская власть навязывает гражданам мысль, что нравственную «чистоту» нации может подорвать немногочисленное и неагрессивное сообщество «неправильных» людей.

Как закон будет использовать этот ресурс против ЛГБТ, лучше не загадывать. Но по существующему УК участие в экстремистском сообществе грозит шестью годами тюремного заключения, а его организация — десятью годами лишения свободы. Поэтому сама ЛГБТ-идентичность в России может стать поводом для уголовного преследования.

Наталья Чернова

«Россия
для Китая
уже **не**

**коридор,
а тупик**

ЭКОНОМИСТ И
СОЦИОЛОГ **ВЛАДИСЛАВ
ИНОЗЕМЦЕВ** — О ТОМ,
КАК ОТНОШЕНИЯ США
С КИТАЕМ ВЛИЯЮТ
НА РОССИЮ

(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМИ АГЕНТАМИ БОРУХОВИЧ
(ТУМАКОВОЙ) ИРИНОЙ ГРИГОРЬЕВНОЙ И
ИНОЗЕМЦЕВЫМ ВЛАДИСЛАВОМ ЛЕОНИДОВИЧЕМ
ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ
АГЕНТОВ БОРУХОВИЧ (ТУМАКОВОЙ) ИРИНЫ
ГРИГОРЬЕВНЫ И ИНОЗЕМЦЕВА ВЛАДИСЛАВА
ЛЕОНИДОВИЧА.

*Ирина
Тумакова*

— Президент Путин встретился с председателем Си, председатель Си встретился с президентом Байденом. Можно ли уже сказать, что свои приоритеты они расставили?

— В принципиальных моментах они их давно расставили. Китай, в частности, всегда хотел использовать американские технологии и американский рынок для своего развития, надеясь в конечном счете стать равным Америке. Китайцы действительно занимались промышленным шпионажем, действительно демпинговали, и у президента Трампа в свое время были основания ввести дополнительные пошлины на китайские товары. Тем более что первоначальный размер их не причинил бы Китаю каких-то серьезных экономических проблем, разве что небольшой моральный ущерб. Однако в 2017 году товарища Си информировали об успехах китайской экономики приблизительно так же, как в 2022-м товарища Путина — о возможности быстрой победы над Украиной, и китайцы пошли на обострение ситуации. С того времени началась борьба взаимных пошлин, ограничений, эмбарго и прочего, которая вовсе не улучшила ситуацию в экономике Китая. И вот уже минимум года три китайцы пытаются понять, каким образом восстановить отношения с Соединенными Штатами.

Китай хочет снятия эмбарго на поставку ему современного американского оборудования и технологий. Он хочет изменений в отношении к инвестициям со стороны американцев, потому что из Китая впервые с начала рыночных реформ стал уходить иностранный капитал. Сейчас Белый дом финансирует развитие в Америке производств, которые до этого базировались в основном в Китае, и через некоторое время это даст результат и укажет путь также инвесторам из других стран. Поэтому в принципе такой приоритет, как восстановление отношений

с США, в китайской политике заметен и устойчив.

Что касается России, то тут приоритет скорее политический. Китай держит Россию в качестве «младшего партнера», ценного антизападной ориентацией. Китайцы используют нынешние проблемы Кремля для расширения своего присутствия на российском рынке и для покупки дешевого сырья, но никакой экономической зависимости тут не заметно. Китайцы очень четко выдерживают свои интересы, они раскладывают яйца в разные корзины, они закупают сырье и продают свои товары на разных рынках — от Центральной и Юго-Восточной Азии до Африки и Латинской Америки.

— О том, что экономика Китая идет на спад, говорят уже несколько лет. Вы действительно считаете их причиной испорченные отношения со Штатами?

— И да и нет, тем более что я бы говорил не о спаде, а лишь о замедлении роста. С одной стороны, одна из составляющих замедления — сама по себе политика Си, который гораздо более авторитарен и коммунистичен, чем предшествующие руководители, и который задал вектор на государственный контроль и дирижизм. Но это не так катастрофично, как многие думают, потому что в последние годы китайская экономика в значительной мере развивается именно за счет этого дирижизма.

Уже после кризиса 2008 года стало понятно, что экспортно ориентированная модель Китая хромает. Экспорт продолжает расти, но при этом внутреннее потребление растет опережающими темпами, и именно оно вытаскивает китайскую экономику. При Си идет более активное, нежели раньше, кредитование разного рода мегапроектов через госбанки, а региональные власти стали занимать деньги на рынке и пополнять бюджеты за счет продажи земли под коммерческое строительство, создавая умопомрачительный пузырь. В таких условиях государственное регулирование имеет особое значение.

С другой стороны, эта модель могла бы жить дольше, если бы на внешнем

контуре не было опасений в отношении китайской модели из-за геополитических проблем. Напряженность между Китаем и Америкой стала заметна, усиливается давление с точки зрения технологий и экспорта высокотехнологической продукции из США в Китай, статус основного экспортера в США переходит от Китая к Мексике. Инвесторы понимают, что расширение присутствия в Китае может создать им проблемы с американцами — вплоть до санкционных. В любом случае Китай становится токсичным, инвесторы ищут другие возможности, и китайцам потребуются еще больше кредитовать внутренний рынок, а значит, еще больше раздувать пузырь.

— Почему китайская экономика так зависит именно от экспорта в США и вообще от отношений с США? Пусть экспорт в США у них расти перестал, но ведь сейчас наверняка растет экспорт в Россию? Ну и росли бы благодаря России?

— Китайский экспорт сегодня крупнейший в мире, в 2023 году он составил 3,2–3,4 триллиона долларов. Китайский экспорт в Америку по итогам года не превысит 430 миллиардов. В Штаты идет примерно седьмая часть китайского экспорта. При этом американский рынок высокомаржинален, туда уходит все по хорошим ценам и далеко не всегда идеального качества, в Европе требования выше, чем в США. Американский рынок важен, но сокращение экспорта даже наполовину — не катастрофа для китайской экономики, все-таки это не более 1,2% ВВП, который сейчас по текущему курсу валют составляет 18,7 триллиона долларов.

Проблема в том, что американский рынок и вообще действия американцев — это своего рода ориентир для многих остальных партнеров Китая. И если американцы начнут выводить свои компании из Китая и продолжать отказывать китайским компаниям в технологиях, то дальше они будут настаивать на том, чтобы и другие страны не поставляли китайцам те технологии, в которых есть американские патенты.

— Они уже подговаривают Нидерланды и Японию не поставлять технологии в Китай.

— Совершенно верно. То есть, в принципе, это плохой для китайцев тренд. Они это понимают и хотят развернуть его обратно или как минимум прекратить ухудшение отношений с США.

...не коридор, а тупик

— Как ак они это сделают?
— Я не очень понимаю, как это можно достичь. Когда война с Трампом достигла апогея, в Пекине поняли, что стоит начать договариваться даже ценой уступок, и в январе 2020 года был подписан достаточно пространственный документ.

— Тарифное соглашение? Так оно не помогло.

— Не только тарифное, оно касалось многих вещей. Там фигурировало согласие на прямое открытие филиалов американских банков в Китае без создания дочерних банков. В сфере прав интеллектуальной собственности были огромные уступки со стороны Китая. Это соглашение можно назвать практически актом о безоговорочной капитуляции. И если бы не ковид, если бы соглашение выполнялось, то американо-китайские отношения уже бы нормализовались. Это была бы огромная американская победа. Но на фоне ковида соглашения даже не начали работать, а после ухода Трампа китайцы предпочли о них просто забыть. И американцы сейчас о них тоже не очень-то вспоминают. В общем, стороны делают вид, что ничего и не было.

— Если это была безоговорочная капитуляция со стороны Китая, то США, наверное, заинтересованы в выполнении? Почему они помалкивают?

— Сложный вопрос. Начни они продвигать это соглашение, они увеличили бы экспорт, поставили бы в Китай дополнительные объемы сельхозпродукции, завели бы туда свои банки, ну достигли бы еще каких-то результатов. Но у них тоже есть некий внутренний вопрос: а зачем нам это? Зачем заходить на китайский рынок американским банкам, когда китайские банки, насыщенные государственными фондами и получающие бесконечные кредитные линии от Народного банка, все равно будут держать свой рынок очень прочно? Насколько велика там будет американская ниша? Наконец, какой в этом интерес прямо вот сейчас, когда процентные ставки в США впервые за два десятилетия выше, чем в Китае, а политические

риски там даже просчитать-то невозможно? Мне кажется, что американцы не хотят наращивать присутствие в Китае, поэтому и не будируют эту тему.

— Зачем тогда американцы это подписывали? Не могла же ситуация за три года так измениться, что они только теперь передумали?

— Здесь нужно иметь в виду в числе прочего и личность Трампа. Он вступил в эту войну, ему нужна была победа, он ее оформил. Я думаю, что если бы не было ни ковида, ни Байдена в Белом доме, то соглашения, как ни странно, выполнялись бы. Потому что можно было объявить: смотрите, мы победили, наши условия выполняются, у нас нет противоречий с Китаем. Это было бы логично, и два авторитарных лидера, проверив друг друга на прочность, могли бы снова подружиться.

— Так ведь и китайцы подписывали это не просто так, они чего-то наверняка ждали от договоренностей? Почему им это больше не интересно?

— С одной стороны, китайцы, видимо, осознали, что часть того, что сломалось, уже не починить, что американцы в ответ на уступки могут выдвинуть новые претензии. А уступки, повторю, были бы односторонними, американцы, по сути, фиксировали статус-кво и обещали не делать хуже. Они не собирались отменять многих ограничений в отношении китайских компаний. Выгоды для Китая были потенциальными и сводились к каким-то большим надеждам, а не к быстрым результатам. Тем более на фоне ковида, когда риторика США была антикитайской, стороны друг к другу совсем охладели. К тому же Си однозначно поставил на то, что Трамп уходит, что надо ждать «более мягкого» Байдена. Но Байден моментально понял, что гораздо выгоднее давать большие кре-

диты своим компаниям, чтобы они развивали производства.

— Китай стал Америке не нужен?

— Я не могу сказать, что Китай Америке не нужен. Он ей нужен. Но Китай заместить можно, а Америку — нельзя. Вся теория догоняющего развития заключалась в том, чтобы заводить производство туда, где оно дешевле обходится. Сначала это были Южная Корея и Тайвань, потом это был Китай. Но ныне возникают и другие факторы — политические и логистические. Недавно казалось, что перевозки с одного конца света на другой ничего не стоят, но после того, как доставка контейнера через океан подорожала более чем в десять раз, так уже никто не думает. Поэтому предсказуемая и близкая Мексика экспортирует в США почти столько, сколько Китай, а скоро будет и больше. Регионализация становится выгоднее глобализации.

— Разговоры о том, что производства надо из Китая выводить, часто звучали с началом ковида, но тогда многие экономисты, и вы в их числе, говорили, что это невозможно, потому что надо заново где-то искать и обучать персонал, есть масса других проблем. Это все уже как-то решено?

— Конечно, эти проблемы решить очень сложно. И вывести из Китая все производства невозможно. Да и не нужно, особенно крупные. Но есть, если говорить очень примитивно, два типа бизнеса, которые заведены в Китай. Первый глобален: например, ведущие компьютерные компании создали производства, где собирают компьютеры под американскими марками из чипов Intel, тайваньских микросхем корейских жидкокристаллических экранов и китайского железа — и продают все это в Америке и Европе.

ИССЛЕДУЕМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Второй локален: это, например, завод Airbus, который собирает европейские самолеты по лицензии из европейских в большинстве деталей, а потом эти самолеты нигде, кроме Китая, не летают. Или Volkswagen и BMW, которые имеют в Китае производства для китайского рынка. Это очень выгодный бизнес, и такое производство никто не будет выводить. Другое дело, что китайцы многому уже научились, многое усвоили и многое своровали, поэтому могут сами делать самолеты и автомобили.

В любом случае формы работы с Китаем очень многообразные.

немалой мере — социальные сети и все, что касается connectivity. Европейцы занимаются продвижением своего качественного продукта и втроедорога продают уникальные изделия — от предметов роскоши до минеральной воды. А китайцы работают по-прежнему на том, что производят относительно дешевый массовый продукт неплохого качества. Они и сами еще вполне конкурентоспособны, и государственные дотации играют роль, но так или иначе они пока подсаживают остальной мир именно на «железо», то есть на готовый продукт.

возглавляет антизападный альянс, но ему важно, чтобы в этом альянсе был кто-то, кто на всех кидается, оттеняя его относительную нормальность. Поэтому я и настаиваю, что для Китая Россия — в первую очередь политический актив.

— **А экономически? Не может быть, чтобы совсем ничто.**

— Экономически — да, это полезная соседняя страна.

— Довольно большой рынок.

— Довольно большой. Российско-китайская торговля была и пока остается сбалансированной, и если оборот приближается к 240 миллиардам долларов, то где-то на 110–115 миллиардов Китай в Россию своих товаров в этом году продаст. Это, конечно, в четыре раза меньше, чем в Штаты, но даже такими вещами не разбрасываются. Однако главное, что Россия — не просто большой рынок. Россия — рынок очень зависимый.

— **Можно диктовать?**

— Тут не нужно прямолинейности. Это в Кремле думали, что у них Европа на крючке по газу, и начали ей диктовать. Китайцы не повторяют таких ошибок, у них нет таких намерений.

Китай долгое время медленно и тщательно превращал юань в мировую резервную валюту. Он в 2016 году достиг того, что юань был признан резервной валютой МВФ. И дальше шаг за шагом развивал успех. Но все равно к 2021 году на юань приходилось не больше 2% резервов мировых центральных банков. И вряд ли этот процесс резко ускорился бы, если б не Россия. В результате сейчас российский Центральный банк держит треть мировых резервов в юанях. Тем самым Китай показывает: смотрите, в случае каких-то потрясений наш ресурс становится незаменимым для стран, которые не хотят ходить на поклон к «Большому брату» в Вашингтон. Это серьезный аргумент на самом деле, и он действует на многие страны.

Китай начинает раздумывать о новых экономических практиках, вплоть, может быть, и до экспорта своих технологий, чего раньше не случалось. Китайские автомобильные заводы не строились ни в Анголе, ни в Пакистане, Китай всегда хотел сосредоточить свои производства у себя. Но не исключено, что в России он локализует некоторые производства. По крайней мере, этого от него будут очень хотеть в Кремле.

AP

Компьютеры, бытовая техника, игрушки, одежда — все это в огромном количестве экспортируется в Америку и Европу, но китайских автомобилей в Америке и китайских самолетов в Европе нет вообще.

По моему ощущению, Китай и Запад подходят к сотрудничеству с глобальным миром с разных сторон. Американцы заходят как владельцы информационных сетей: контролируют полупроводники, чипы, основное программное обеспечение, базовые операционные системы, в

— **Что такое для Китая сегодняшняя Россия? Рынок сбыта ширпотреба, бензоколонка, замена утраченным возможностям на Западе? Как они нас видят?**

— Я думаю, что Россия для Китая — вообще не экономический актив. Россия для Китая — такой тральщик, который движется по минному полю антизападной политики и собирает шишки там, куда Китай предпочитает «не наступать».

На фоне России Китай выглядит цивилизованно. Понятное дело, что именно он

...не коридор, а тупиик

— **Х**отеть-то будут, но смогут ли они в этом смысле на Китай давить так же, как давили на европейцев?

— Давить не смогут, но как-нибудь тихой сапой, я думаю, смогут. Китайцам это в перспективе и самим выгодно, а у Кремля нет особых альтернатив, поэтому мое ощущение — договорятся. Не быстро, не сразу, но какие-то моменты соприкосновения найдут.

Для Китая получить такого «экономического ведомого» — это очень престижно. Китай хочет быть для России «начальником», и ради этого он может пойти и на экономические уступки.

— **Китаю важно заполучить в таком качестве именно Россию? Он же давно мог иметь «ведомыми» Узбекистан, Казахстан, еще кого-то поменьше.**

— С одной стороны, Узбекистан все-таки — не того масштаба игрок, если вы можете иметь союзника в Совете Безопасности ООН. С другой стороны, у меня есть большие сомнения, например, по поводу Казахстана: вряд ли Китай мог бы его так легко заполучить. Это Россия вся такая «непуганая», а в Казахстане сотрудничество с Китаем не очень популярно, особенно если заходит слишком далеко. Напомню, что в 2016 году в Казахстане проходили масштабные протесты против изменений в Земельном кодексе, которые позволяли бы покупать землю иностранцам, потому что считалось, что написаны они были под Китай, а китайцев боятся.

— **Настолько желанным политическим активом Россия стала для Китая именно с началом спецоперации — или и раньше была?**

— Я бы не сказал, что она именно желанный политический актив. Она актив доступный. И особенно доступным она стала, конечно, после начала спецоперации. Ну и доступным грех не попользоваться.

— **Отчего же не желанный актив?**

— Хорошо, выгодно, удобно — это правда. Но когда мы говорим «желан-

ный», то возникает вопрос, что мы за это готовы отдать. Я сомневаюсь, что Китай готов отдать хоть что-нибудь.

— **А что у него готовы за это предложить? Что хотела бы Россия взамен?**

— Я абсолютно убежден, что хотела бы Россия многое. Например — новую «Силу Сибири», об этом давно просят. Военное сотрудничество и поставки оружия. Крупные инвестиции в промышленные проекты. Наконец, большие государственные кредиты «под залог России».

— **Кажется, уже поняли, что «Силы Сибири-2» не будет.**

— Так говорить рано, но пока ее нет. И никаких сомнений в том, что представители Путина ездили в Китай в начале [спецоперации] с мыслями о том, что им дадут какую-то военную помощь, поддержку, кредиты, оружие и так далее.

— **И тоже не дали.**

— Ничего не дали. То есть просили у Китая много, тут нет сомнений. Но не сложилось.

— **Наступило ли из-за этого в России какое-то разочарование в дружбе с Китаем?**

— Разочарование — это слишком сильно. Я бы сказал — раздражение.

— **В чем выражается раздражение? По каким признакам оно заметно?**

— Оно не слишком заметно. Даже после не очень удачного визита Путина в Китай и после провальных переговоров с Си в России Путин не даст Первому каналу указание его «мочить». Поэтому я и говорю, что слово «разочарование» слишком сильное, нужно высказаться мягче: заметна некая неудовлетворенность. О чем-то большем говорить пока рано.

— **Ваши слова «пока рано» означают, что это ощущение, каким словом его ни назови, будет расти?**

— В этом у меня нет никакого сомнения.

— **И на что это повлияет для России? Деваться-то все равно некуда.**

— Я бы не стал сейчас это прогнозировать. Сложно сказать. Но недовольство будет расти. У Китая, естественно, будут возникать некие дополнительные желания в адрес России, в том числе и касающиеся Центральной Азии, там просто прямое столкновение интересов.

Россия долгое время кормила Китай обещаниями, что станет каким-то транспортным мостом между ним и Западом. Но мало того что Россия не смогла построить дорог, теперь она уже не коридор, а настоящий тупик. Поэтому китайцы поведут новые коридоры через Среднюю Азию, минуя Россию, и это станет дополнительным источником взаимного недовольства.

Плюс к этому китайцы продолжают улучшать отношения с американцами. До каких пор это можно делать, не ставя под вопрос отношения с Россией, я не знаю. Кто-то говорит, что если американцы, мол, предложат Китаю что-то существенное, он Россию просто сдаст. Нет, не сдаст, нет такого опыта в политике и не будет. Но чем лучше будут отношения Китая с США, тем они будут хуже с Россией. Даже не потому, что Китай захочет этого, а просто потому, что российский политиком начнет проявлять недовольство. Я не знаю, какой будет перспектива этих отношений, но возможностей для каких-то развилки здесь очень много.

— **Может ли Россия обойтись без Китая? Вот рассориться, как с Западом, и обойтись?**

— Я бы сказал, что Россия может обойтись без таких поддавок Китаю, какие делает сейчас. Хотя это будет

сложно. Особенно финансово. Юань как расчетная единица все-таки пока Россию спасает. Можно ли что-то найти на замену, какую-нибудь турецкую лиру обесценивающуюся или динар Объединенных Арабских Эмиратов? Не знаю. Я не думаю, что это будет так эффективно, потому что за этими валютами не стоят такие большие экономики.

В остальном с точки зрения экспорта-импорта, я думаю, Россия обойтись сможет.

— **Китаисты говорят, что между США и Китаем небольшое потепление все-таки началось. Как это повлияет на отношения с Россией?**

— Небольшое — это какое? Сами китайцы достаточно истерично комментировали визит Си в США. Они рассказывали, что чуть не одержали всемирную победу, что добились больших уступок и так далее. Кадры с проездом кортежа Си по Сан-Франциско на телевидении крутили чуть ли не как встречу Гагарина в Москве. Но где уступки? Где прорывы? Как раз тот факт, что китайская пропаганда так бурно этот визит оценивала, говорит о том, что ничего не произошло.

Американцы и не собирались о чем-то договариваться. Им только хотелось, чтобы в течение ближайшего года, пока Байден ведет предвыборную кампанию, перестала маячить военная конфронтация, не летали бы над США китайские зонды и не сталкивались военные корабли двух стран в Южно-Китайском море. Она маячить перестала, но позиция США по Тайваню осталась жесткой, там вообще никаких уступок не обозначилось. Китайцам просто сказали: в ближайшие годы в эту сторону даже не смотрите. Так что у меня нет ощущения, что началось какое-то потепление.

— **Тогда это должно сильно улучшить отношения Китая с Россией?**

— А почему?

— **Дружить назло Америке.**

— У китайцев нет такой логики. «Дружить назло» любят в Кремле. Китай так не действует. Он пока ждет конца 2024 года, а дальше будет строить стратегию на следующий американский цикл.

— **Давайте все-таки предположим такой вариант, что США захотят чего-то добиться от Китая, каких-то шагов в адрес России или против России, и согласятся на уступки. Где предел таких уступок, что они могут Китаю предложить?**

— Проблема не в том, на какие пойти уступки, а в том, во имя чего.

Предположим, товарищ Си звонит господину Байдену: Джо, я тут поговорил с Владимиром, он сделает то-то и то-то, если ты сделаешь то-то и то-то. Тогда, я думаю, Джо написал бы огромный список того, что он готов ради этого отдать. Но только Си этого сделать не может. Если вы забудете в «Гугле» фразу «Пекинский договор», то получите единственную ссылку на документ 1910 года о капитуляции императорской армии и отдаче Китаем ряда территорий странам-победителям. Никаких иных важных международных договоров в Пекине с тех пор не заключали. Ни одного дипломатического успеха Китая я не знаю.

— **Он просто не стремился к международным успехам, у него другие приоритеты.**

— Может быть. Но если к этому не стремиться, что можно предложить господину Байдену?

— **Например, присоединиться к санкциям в отношении России. Может Китай пойти на такое?**

— А что такого выдающегося получит Америка от такого предложения? Китай и так не продает в Россию ни оружие, ни запчасти к самолетам. Максимум — через Гонконг оформляется «параллельный импорт». Но Китай сам по себе, на мой взгляд, санкций радикально и открыто не нарушает.

— **Вы когда-то говорили, что болезненной для России мерой было бы полное закрытие импорта. Сейчас то, чего Россия лишилась из-за санкций Запада, идет в том числе и из Китая. Может ли Китай отказать России в такой помощи?**

— А для чего это Китаю? В отношениях с США это все равно ему не поможет. Я могу только повторить, что союз с Россией для Китая — политический. Россия для Китая — сателлит, а не партнер. Если этого сателлита сдать, то как минимум обесценивается вся антизападная риторика Китая. Тогда Китаю останется один путь — встраиваться в глобализацию западного образца и становиться нормальной развивающейся страной с перспективой демократизации. Я не думаю, что у китайского руководства есть такой план.

Беседовала
Ирина Тумакова —
специально для «Горби»

Спасительная прострация

Новый год — главный из праздников, отмечаемых народом. Он радикально отличается от 9 мая, Пасхи или Масленицы, поскольку это ритуал смены времени, связующий прошлое и будущее, заставляющий в очередной раз проговорить в пожеланиях друг другу то, что является смыслом нашей жизни. Он выводит нас за пределы повседневной рутины, для того чтобы мы, вспоминая все, что было в уходящем году, могли соотнести это с тем, что мы считаем самым важным для своего существования, пересмотреть то, что случилось или не случилось с нами и другими, на что мы надеялись год назад, что исполнилось и не исполнилось. Перебирая мысленно события уходящего года, становящиеся «историей» (личной, семейной или всего общества), мы переживаем необратимость времени и тем самым невольно оцениваем себя, что получилось, а что нет, находя оправдания и удобные для себя объяснения. Для российского общества, находящегося в глубоком кризисе, из которого пока не видно выхода, момент включения исторического измерения (а Новый год открывает такую перспективу) дает возможность короткого, но отрезвляющего самопонимания. Как утверждал Карл Ясперс, «история — это место, где раскрывается человек, кем он может быть, кем он станет и на что он способен».

Попробую, опираясь на результаты социологических опросов общественного мнения, проводимые «Левада-центром», подвести итоги 2023 года. Первое, что приходится отметить: российское об-

ИТОГИ ПРОШЕДШЕГО ГОДА В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

щество медленно, но необратимо впадает в состояние защитной прострации или беспамьятства (напоминающее искусственную кому, в которую вводят больных после серьезных травм). Значительная часть людей не помнит не только, что было в этом году, но даже то, что было месяц назад.

Событийный код года

На ежемесячно задающийся вопрос: «Какие события последних четырех недель запомнились вам более всего?» — от 33 до 46% опрошенных не могли ничего припомнить, назвать что-то важное, что происходило в общественной жизни, или затруднились ответить (в среднем за 12 опросов так отвечали 39%) (табл. 1). Еще 13% опрошенных называли только события собственной семейной жизни — дни

(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ «ЛЕВАДА-ЦЕНТР» ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА «ЛЕВАДА-ЦЕНТР».

рождения, свадьбу, похороны, выпускной вечер и прочее.

Получается, что половина опрошенных выпадает из публичного пространства. Среди них относительно больше молодежи (63%), людей с низким уровнем образованием (60%), жителей села и малых городов (55 и 53%). Это люди, которые уходят от общей проблематики, не чувствуя своей солидарности с другими, замыкаясь в частной жизни, в ювенильной и инфантильной субкультуре, кто индифферентен по отношению к абстрактному для них «обществу». Здесь же и те, чья жизнь ограничена событиями своей деревни или локальной этнической группы.

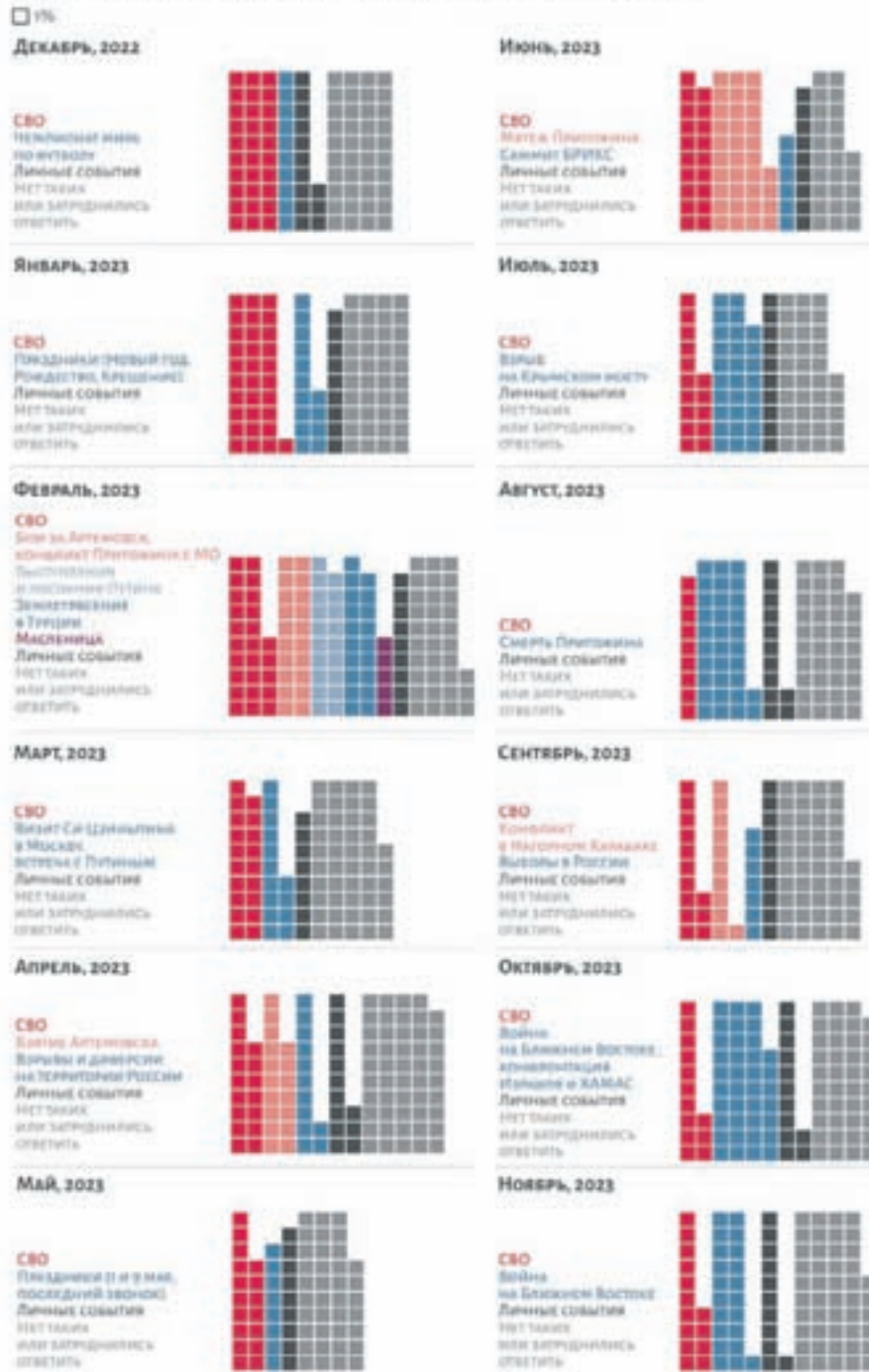
В этом плане собственно «обществом» можно называть лишь ту часть российского населения (другие 50% опрошенных), которая способна удерживать в своем сознании смысл события, оценивать то, что происходит, исходя либо из общих коллективных верований, либо из собственных убеждений, моральных и правовых принципов, ответственности за будущее.

На первом месте в списке значимых событий, названных этой, «помнящей», половиной населения страны (опрошенные сами называли всякий раз ключевые события каждого месяца, предшествующего опросу), стоит СВО, образующая осевое время последних полутора лет и рамку координат происходящего. Частота упоминаний военных действий снижается (с 31% в январе 2023 года до 9% в августе или до 13–14% к концу года). К тому, что «где-то там» идут военные действия, люди привыкли. Доля тех, кто внимательно следит за тем, как меняется ситуация в зоне военного конфликта,

Таблица 1

ВАЖНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ УХОДЯЩЕГО ГОДА

Частота упоминаний, в % к числу всех опрошенных; приводятся только те события, которые названы не менее 5% респондентов

Источник: Левада-центр (признан Минюстом иностранным агентом)

снизилась с 64% в марте 2022 г. до 48–52% к осени этого года. Военные действия утратили свою человеческую, моральную экстраординарность; возобладала статистика и телевизионная рутина, в которых нет места страданиям, сопереживанию, поскольку там нет людей, есть только «наши» и «они». (Таблица 1)

Среди не включенных в таблицу событий можно назвать «погодные катаклизмы» («штормы», северное сияние на юге страны, упомянутые 4% опрошенных), атаки беспилотников на территорию России (2%), праздник Матери (2%), поездки, речи и вы-

ступления Путина — 2%, по 1% — экономический форум и выставка на ВДНХ, новые законы (об абортгах, ЛГБТ*), закрытие границы с Финляндией, Литвой и проч.

Сам по себе набор значимых событий невелик. За упоминаниями СВО следуют:

а) События, так или иначе связанные с военными действиями (бои за Артемовск, взрыв на Крымском мосту, мятеж Пригожина и др.);

* Движение объявлено «экстремистским» и запрещено в РФ.

б) Бедствия и катастрофы (землетрясения в Турции и Сирии, гибель батискафа, захват Азербайджаном Нагорного Карабаха, война Израиля и ХАМАС), а также —

в) Встречи и выступления высшего руководства страны.

Мятеж и смерть Пригожина, взрыв на Крымском мосту упоминаются даже большим числом опрошенных, чем сам ход военных действий. Это означает, что опрошенными выделяется не просто информация, выпадающая из монотонных официальных сообщений представителей МО (принципиально несобытийных по своей сути, а лишь свидетельствующих о том, что все идет по плану, операция развивается успешно и т.п.), а информация, имеющая отношение к смысловой структуре самой системы власти в России.

События СВО заметно чаще называют те, кто ограничен в своем доступе к информации лишь ТВ, что предполагает соответствующую их оценку и интерпретацию происходящего. Альтернативные каналы (интернет, телеграм-каналы, ютуб, социальные сети) в меньшей степени готовы обсуждать подобные темы (и, соответственно, влиять на свою аудиторию). Возможное объяснение заключается не только в том, что журналисты этих каналов «боятся» обсуждать эти вопросы, но и в том, что у них не так много есть что сказать нового об этих событиях и связанных с ними процессах. Поэтому, может быть, их аудитория чаще упоминает военные действия на Ближнем Востоке, чем на Украине. Более открытая и тенденциозно поданная информация о нападении террористов ХАМАС на Израиль, зверства ХАМАС, равно как и жесткость ответа Израиля, вызывают повышенный интерес к предельным ситуациям существования людей и вытесняют сообщения с украинского театра военных действий. Другими словами, само множество способных «помнить» тоже весьма неоднородно. Проявляющиеся различия в мнениях и оценках событий обусловлены обращением к разным каналам информации (их выбором, у кого есть сама возможность такого выбора, а она есть далеко не у всех).

Абсолютное большинство населения (и «помнящие», и «непомнящие») интегрировано ежедневной деятельностью государственных СМИ. Это сообщество «телезрителей» возникает в момент самой передачи, оно конституировано смыслами и ценностями, которые вносятся самим актом телепередачи.

Спасительная прострация

Особенности аудитории ТВ заключаются в том, что зритель быстро забывает детали информационного сообщения, поскольку прежнее содержание вытесняется новым (но функционально точно таким же), и этот цикл должен повторяться и повторяться, чтобы удержать возникающий эффект виртуального единства, принципиально зависящего от «коммуникатора», то есть от государства. Политическая зависимость российского ТВ от власти, подчинение официальных СМИ задачам оправдания проводимой политики власти меняет саму природу этих СМИ, делая из них мощную машину пропаганды, конструирования реальности для основной массы населения. Навязываемая телевидением реальность в принципе не подлежит проверке повседневным опытом обычных людей. Следствием усиливающейся цензуры государства, идеологического контроля над интернетом, подавления организаций гражданского общества становится прекращение публичных дискуссий о положении дел в стране, а затем — и исчезновение у публики средств понимания происходящего, удержание лишь очень короткой памяти о недавних событиях. Поэтому не все, кто смотрит ТВ, могут назвать какие-то события года. Факты и частности отдельных сообщений стираются из памяти, но сохраняется сама идеологическая структура коммуникации, заданная легендами «истории» государства, легитимностью власти (враждебным окружением страны, традициями народной самоотверженности и патриотизма). Последствия такой практики похожи на явления старческого склероза, когда человек не помнит то, что было вчера, но помнит, как ему кажется, то, что было 40 лет назад. Именно в этом типе сознания всплывают утешающие мифы о тысячелетней России и ее противостоянии «татаромонголам» и Западу,

о Великой Державе, о Сталине как великом и мудром вожде и учителе и проч.

Но нас больше интересуют те, кто «помнит», а также — что помнят, что получают люди из разных источников о происходящем. Можно было бы предположить, что решающее значение в этом отношении имеет то обстоятельство, если ли у человека наряду с ТВ был доступ к другим коммуникационным посредникам, менее зависимым от государства, — различным изданиям, интернет-порталам, социальным сетям, телеграм-каналам, ютуб-каналам, в какой-то степени избегающим тотальной цензуры и даже могущим давать собственные интерпретации текущим процессам или какую-то информацию из зарубежных источников. Среди этих каналов есть как прокремлевские, так и фрондирующие, как бы «оппозиционные» Кремлю «патриотические» медиа. Но есть также и резко критические к нынешнему режиму онлайн-ТВ и интернет-порталы. Аудитория каждого из них относительно невелика (от нескольких тысяч до двух-трех миллионов подписчиков.), но в сумме они приближаются по охвату к суммарному объему зрителей федеральных каналов. Такой плюрализм по идее должен был бы открывать более разнообразное пространство интерпретаций происходящего, стимулировать взаимные отклики на выступления комментаторов, занимающих разные позиции, инициировать общие дискуссии, то есть образовывать сообщество, отличное от федерального ТВ, более критичное по отношению к власти. Тем более что ауди-

тория этих каналов в целом отличается от аудитории государственных СМИ более высоким уровнем полученного образования, а значит — более значительными социальными и культурными ресурсами. Исходя из этого можно было бы предполагать у таких респондентов и способность к большей глубине исторической памяти и к пониманию актуальных

проблем. Однако такое предположение не подтверждается данными социологических исследований: доля «непомнящих», что было вчера или месяц назад, примерно одинакова что среди респондентов, ограниченных лишь информацией ТВ, что среди пользователей ютуб-каналов или социальных сетей (в ноябре 2023 года таких было 53% в аудитории ТВ и 47–49% — в среде потребителей телеграм- и ютуб-каналов).

Эмоциональные реакции населения на военные действия в Украине являются выражением двух принципиально разных установок или типов отношения к происходящему. Первый можно определить как комплекс государственно-патриотических чувств, он соединяет «гордость за Россию» (об этом в ноябре 2023 г. заявили 45% опрошенных) с «удовлетворением» (10%) и даже «воодушевлением» от происходящего (5%). Второй тип, условно антивоенный, включает в себя смешанные переживания «тревоги, страха, ужаса» (32%), не проходящего шока (10%), «возмущения» (10%) и «стыда» (5%), оборачивающихся «подавленностью и оцепенением» (5%). В среде телезрителей соотношение патриотически-милитаристских и антивоенных установок составляет 1,2, в среде пользователей интернета, социальных сетей, телеграм-каналов и т.п. — 0,7–0,8, то есть среди них преобладает, хотя и незначительно, негативное отношение к СВО и политике, проводимой руководством страны.

Допуская сам факт различия двух «обществ» (лояльного к власти «общества телезрителей» и альтернативного сообщества «недовольных», «критического интернета»), приходится все же признать, что глубина анализа происходящего у обоих массивов невелика, поскольку и те и другие все-таки являются продуктом в основном функционирования массмедиа, а не деятельности интеллектуальных и культурных элит.

Таблица 2

КАКИМ ОБРАЗОМ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ИЗМЕНИЛОСЬ В ТЕЧЕНИЕ 2023 ГОДА ПОЛОЖЕНИЕ В ТАКИХ ОБЛАСТЯХ, КАК ...?

ИЗМЕНИЛОСЬ К ЛУЧШЕМУ; НЕ ИЗМЕНИЛОСЬ;
ИЗМЕНИЛОСЬ К ХУДШЕМУ; ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ

В % к числу опрошенных, N=1600
Источник: Левада-центр (признан Минюстом иностранным агентом)

Что изменилось за год?

Оценки положения дел в разных сферах социальной жизни России почти не меняются в последние годы, если не считать некоторой тенденции к ухудшению, впрочем, не слишком значимой. Основная масса опрошенных утверждает, что положение дел в наиболее значимых областях жизни страны за год не изменилось (что не означает, что раньше оно было удовлетворительным, скорее у большинства — по описанным выше причинам — исчезают основания для сравнения). Тем не менее стали хуже оцениваться отношения людей разных национальностей, более распространенными стали мнения о том, что усилились межнациональные конфликты и ксенофобия, чаще жалобы на то, что снизился уровень жизни основной массы населения, что распределение благ в обществе стало еще менее справедливым, чем раньше, что ухудшилась работа медицинских учреждений, меньше свободы и возможностей для выражения своих мнений.

Более определенно высказываются мнения, что власть укрепила свой иммунитет по отношению к обществу, а влияние обычных людей на решение руководства страны, на администрацию, напро-

тив, свелось почти к нулю, зато улучшилась работа СМИ и полиции и т.п. (табл. 2)

Настроения людей

На регулярно задаваемый социологами вопрос о настроении людей в последние дни абсолютное большинство отвечало: «нормальное, ровное состояние» (63% в среднем за год) и еще 13% считали нужным подчеркнуть свое «прекрасное настроение». Другими словами, население в массе своей (76%) бережет свой внутренний покой. Негативные эмоции и переживания фиксируются лишь у 22% опрошенных («раздражение» — у 17%, «страх, тоска» — у 5%); позитивные чувства в три с лишним раза превышают негативные переживания (табл. 3).

Ожидание украинского контрнаступления снижает и, наоборот, его неудача или отсутствие тревожных новостей с фронта повышает настроения российского общества. Ослабление внимания к обстоятельствам СВО обусловлено двумя факторами. Во-первых — действиями политической цензуры, подавляющей любую критику руководства страны и армии, выражение антивоенных взглядов, полицейскими и судебными репрессиями против протестующих. Во-вторых — неспособностью большей части российского населения к самостоятельной рефлексии. Можно даже сказать больше: нежеланием вникать в проблемы, которые потенциально грозят внутренним конфликтом или противопоставлением себя политическому курсу руководства страны.

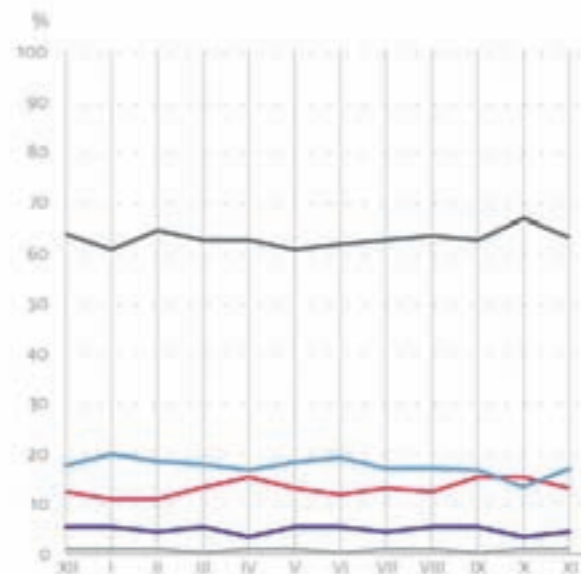
Вытеснение нежелательной, «ненужной» информации оборачивается примечательным спокойствием, позитивным восприятием действительности и повышенным доверием к правительству и другим государственным институтам (табл. 3)

Таблица 3

ЧТО БЫ ВЫ МОГЛИ СКАЗАТЬ О СВОЕМ НАСТРОЕНИИ В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ?

НОРМАЛЬНОЕ, РОВНОЕ СОСТОЯНИЕ
ИСПЫТЫВАЮ НАПРЯЖЕНИЕ, РАЗДРАЖЕНИЕ
ПРЕКРАСНОЕ НАСТРОЕНИЕ
ИСПЫТЫВАЮ СТРАХ, ТОСКУ
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ

В % к числу опрошенных, N=1600
Источник: Левада-центр (признан Минюстом иностранным агентом)

Спасительная прострация

**Будущее семьи
и будущее страны**

Как ни странно покажется на первый взгляд, затянувшаяся спецоперация, пропаганда и все большие ограничения свободы и прав граждан повышают авторитет и доверие к политическим институтам. Еще несколько лет назад деятельность Госдумы, депутатского корпуса в целом, правительства оценивалась скорее негативно (преобладали отрицательные оценки компетенции и способности политического класса вывести страну из кризиса), но в 2023 году ситуация радикально перевернулась: верят, что «правительство может улучшить положение в стране в будущем году», 63% опрошенных, скептически настроены менее трети (32%). Важнейшая функция тоталитаризма — перенос ответственности за благополучие «маленького человека» на государство. Благодаря заверениям пропаганды и убеждения обывателя в мощи, силе правящего класса, его способности решать возникающие проблемы происходит освобождение «маленького человека» от внутренней хронической тревоги. Сочетание собственной беспомощности (короткий горизонт планирования и уверенности в будущем) компенсируется пропагандистским массажем: «все хорошо, прекрасная маркиза, дела идут как никогда». Сочетание дозированной информации и успокаивающего телевизионного баритона — все нормально, экономика на подъеме, Россия справилась с кризисом, западные санкции нам нипочем — производят нужный эффект. То, что говорят независимые экономисты (не высокопоставленные чиновники и министры), до народа не доходит, народ это слышать не хочет.

При этом распространенные прежде представления (в стране бардак, а у меня все более-менее в порядке и так будет и дальше) сменились на совершенно иные ожидания. То, как «я буду жить», или «как

будет жить моя семья через год», стало гораздо менее определенным, чем мнения относительно страны в целом (в России в будущем году все «будет лучше и лучше», «Россия победит»).

В ноябре 2023 года 31% опрошенных считал, что «через год их семья будет жить лучше, чем сейчас». Полагали, что «примерно так же, как сейчас», еще 36%, что будет «хуже» — 12%. (Доля затрудняющихся с ответом — 22%.)

Давление государственной идеологии приводит к тому, что мнения об общем положении в России оказываются более позитивными, выраженными и менее расплывчатыми, чем уверенность относительно завтрашнего дня своей семьи. В 2024 году все решится и устроится. Экономическая ситуация в стране будет «улучшаться», считают 56% (доминирующее большинство), что «ухудшится» — вдвое меньше, 29%). Политическая ситуация, которая сегодня оценивается скорее негативно («напряженной» ее считают 49% респондентов и еще 6% — «критической, взрывоопасной»), радикально изменится: 63% считают, что она улучшится в будущем году и лишь 22% — считают, что станет еще хуже. Для сравнения: в 2019 году соотношение оптимистов и пессимистов в оценках ближайшего будущего России в целом составляло 41% к 55%, в 2021 году — 39% к 55%.

Такие оценки нельзя рассматривать как безосновательные надежды в ситуации фрустрации. Этот организованный консенсус образует ресурс власти, он — выражение силы поддержки и лояльности режиму.

**Бедность
как норма**

Нельзя сказать, чтобы смутное чувство реальности совсем уж не пробивалось сквозь идеологические декорации. Фрустрирующее сознание, что мы никогда не будем жить «как в нормальных странах», понимание неудачи демократического транзита России никуда не девается, оно сидит в коллективном подсознании. Но именно поэтому так велика компенсаторная потребность веры в величие, с одной стороны, и изоляции от неприятного, угнетающего понимания своего места в мире. Россия — бедная страна; если сравнивать ее с остальными европейскими странами, она занимает лишь 33-ю позицию среди 42 европейских стран по размеру ВВП на душу населения, опережая несколько других бывших республик СССР и соцстран (например, Молдову и Албанию).

Две трети населения, если исходить из самооценок россиянами своего потребительского статуса, должны быть отнесены к категории застойной бедности, поскольку их доходов хватает лишь на поддержание физического существования — еды и одежды (табл. 4). Но вот в чем беда: около 60% считают это состояние удовлетворительным (табл. 5).

Основную массу — 55% опрошенных — такая жизнь скорее устраивает, поскольку особого выбора и перспективы у них нет («не устраивает» лишь самых бедных 15%, апрель 2023 г.). Дело в том, что сравнить «эту жизнь» не с чем: в том стоячем времени, в каком живут россияне, так «было всегда», и с субъективной точки зрения здесь мало что меняется. Мнения — «жизнь моей семьи не изменилась» (или в другой формулировке — «живу, как раньше, ничего не меняется») из года в год характеризуют взгляды

основной массы населения (58% опрошенных), у 19% она стала «лучше», у 24 — «хуже». То же самое относится и к представлениям об экономическом положении России — в целом большинство людей (60%) давно оценивают как «среднее»; «хорошим» его считают лишь 20% (среди них выделяются чиновники, состоятельные и обеспеченные группы). Но и «плохим» его называют не сильно меньшее число (18%). Более нервно на изменения последнего года реагируют москвичи — здесь 30% заявляют, что жизнь стала хуже (и лишь 10% — «улучшилась»).

Стерилизация общественной жизни, ликвидация групп, выдвигающих цели развития страны и обсуждающих альтернативные политические стратегии, помимо воли руководства страны уничтожает образ будущего. Исчезает перспектива существования, все превращается в повторение того, что есть, вечное «и так далее». 51% опрошенных на вопрос, на какой срок они могут планировать свою жизнь, отвечали, что не знают, что с ними будет даже в ближайшие месяцы. Еще у 35% опрошенных горизонт жизни расширяется до одного-двух лет, дальше — полная неясность и неопределенность. На пять-шесть лет вперед считают, что могут рассчитывать и планировать свою жизнь, лишь 8% (понятно, что в этой подгруп-

пе больше молодежи с ее естественным возрастным оптимизмом). И лишь редкие 3% уверены в том, что их жизненные планы определились на много лет вперед.

Таблица 4

КАК БЫ ВЫ МОГЛИ ОПИСАТЬ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВАШЕЙ СЕМЬИ?

Нам не хватает денег даже на питание

Нам хватает денег на питание, но не хватает на одежду

Нам хватает денег на питание и одежду, но покупка более дорогих вещей, таких как телевизор или холодильник, вызывает у нас проблемы

Мы можем покупать некоторые дорогие вещи, такие как холодильник или телевизор, но не можем купить автомобиль

Мы можем купить автомобиль, но не можем сказать, что не стеснены в средствах

Мы можем позволить себе практически все: квартиру, дачу и многое другое

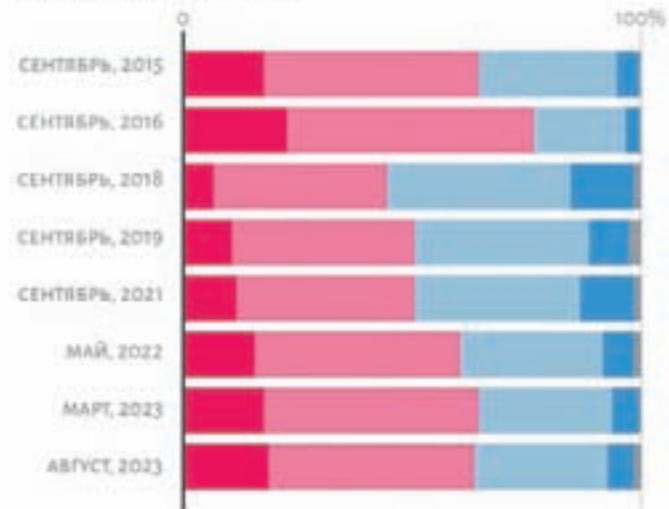
В % к числу опрошенных, N=1600

Источник: Левада-центр (признан Минюстом иностранным агентом)

Таблица 5

КАКОЕ ИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЙ БОЛЕЕ СООТВЕТСТВУЕТ ВАШЕЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ, ЖИЗНИ ВАШЕЙ СЕМЬИ?

ВСЕ В ПОРЯДКЕ; ВСЕ НЕ ТАК ПЛОХО, ЖИТЬ МОЖНО;
ЖИТЬ ТРУДНО, НО МОЖНО ТЕРПЕТЬ;
ТЕРПЕТЬ НАШЕ ПОЛОЖЕНИЕ УЖЕ НЕВОЗМОЖНО;
ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ

В % к числу опрошенных, N=1600

Источник: Левада-центр (признан Минюстом иностранным агентом)

Массовые иллюзии всегда были самым прочным материалом авторитарных режимов, обещавших поданным стабильность и процветание. За время СВО еще больше «повысился» авторитет не только президента, армии, ФСБ и других спецслужб, но и парламента, и, что еще более удивительно, — суда, прокуратуры, СК, полиции. Сам этот эффект нельзя списать на репрессии. Люди в условиях навязанного представления об угрозе извне (войны с коллективным Западом) хотят верить в сильную власть, которая, как им кажется, способна защитить их. Трансферт доверия, как говорят психоаналитики, вера и лояльность руководству страны обеспечивают спокойствие граждан и умеренный оптимизм, несмотря на все повседневные проблемы существования. 57% смотрят в будущее «спокойно, с уверенностью» (хотя 40% — с беспокойством и опасениями перед возможными неприятностями, снижением доходов, ухудшением доступа к медицине). Примерно таковы же и установки населения относительно будущего страны в целом: 55% уверены и спокойны. «Мы созданы из вещества того же, что наши сны. И сном окружена вся наша маленькая жизнь» («Буря», Шекспир). В оригинале это не просто «сны», это — dreams, мечты, грезы.

ГОРБИ
GORBY

НЕОТЛОЖНЫЙ РАЗГОВОР

МТМ:

Машина
тоталитаризма
модер-
низиро-
ванная

Петр САРУХАНОВ

ВЛАСТЬ В ОБЩЕСТВЕ, ОБРЕТАЮЩЕМ
ТОТАЛИТАРНЫЕ ЧЕРТЫ, — ЭТО НЕ ПЕРСОНЫ,
НЕ ИНСТИТУТЫ, НЕ ЗАКОН, А СТРАТЕГИИ
И ТЕХНИКИ СОХРАНЕНИЯ ГОСПОДСТВА

Леонид

Никитинский

Оставляя за скобками вопрос, ради чего осуществляется власть (ради общего блага, приумножения собственного богатства или ради «нее самой»), мы обратимся к тому, КАК она реализуется в обществе, которое становится тоталитарным. Такое состояние не является естественным или исторически заданным, оно должно быть как-то и кем-то произведено.

Нас будет интересовать не государственное принуждение вообще, но только в том контуре «судов и правоохранительных органов» и некоторых дополнений к ним, чьей задачей является удержание власти. Выделяя этот контур, его мы и называем «МТМ» — Машиной тоталитаризма модернизированной.

МТМ лишь частично совпадает с судебной-правоохранительной системой, поскольку та в определенной мере продолжает работать на общее благо. Вместе с тем центры принятия ключевых решений — как стратегических, так и касающихся конкретных персоналий — вынесены за контур правосудия: эти решения имеют не правовой, а политический (иногда рейдерско-захватнический) характер.

Конкретные недавние примеры позволят очертить круг интересующих нас феноменов и обозначить приемы, которые мы будем использовать для их интерпретации.

1. Неправо

В ноябре 2023 года в Сети появилось видео зум-конференции в правительстве Саха (Якутии), на котором тамошний военком распекает глав улусов (районов) за невыполнение плана привлечения контрактников для участия в СВО. Свою речь он заканчивает словами: «Я не хочу никого пугать, но...»

Что «но»? Контракт — дело добровольное, набор контрактников не входит в круг обязанностей глав администраций, по закону их нельзя как-либо наказать за «невыполнение плана», да и сам план с юридической точки зрения — филькина грамота. При этом каждый глава понимает, что стоит за «но» военкома — кому-то из них (разуме-

ется, не всем) за недобор добровольцев показательно «прилетит» от администрации республики. Что именно и как скоро — пока неясно, за что формально, тоже не угадаешь: «юридически» придаться можно к чему угодно — кроме, собственно, плана.

Это иллюстрирует, как работают «понятия» — неформальная система обязательств, связывающая между собой по вертикали центры принятия политических решений с рабочими механизмами МТМ. Внешне эти отношения напоминают правовые, где-то они пересекаются с правовыми и используют механизмы закона, их практики по-своему институциональны, хотя неписанный характер норм исключает их однозначное прочтение. Эти отношения нельзя увидеть и понять отдельно от права, они образуют как бы его тень — поэтому мы назовем эту материю понятийности обобщенно «неправом».

В сфере неправа формула: «Я не хочу никого пугать, но...» — имеет универсальный характер. Она может приобретать лукавый вид: «Действуйте по закону» — или вообще не произноситься, а подразумеваться — так, каждый судья, вынося решение по значимому делу, учитывает не только требования закона, но и это не произнесенное «но...».

«Горе непонятливым» — может быть начертано над дверью в отдел кадров МТМ: они будут исторгнуты, а то и наказаны (с задержкой и смещением повода), если сделают не то, что от них ожидалось, а понятливых ожидает карьерный рост.

2. Фасад Машин ТМ

С другой стороны, контур МТМ выходит за пределы того, что мы привычно называем судами и правоохранительными органами. Наряду с центрами принятия политических решений, которые могут выноситься или согласовываться на разных уровнях, контур включает в себя также «законодательные органы», легализующие политические решения.

Неправо функционирует наподобие права — его применяют прежде всего суды и «правоохранительные органы». Для сохранения внешней картины законности им необходимы зазоры и люфты в системе регулирования. Механизм изобретения таких законов и поправок «с фокусом» непрозрачен, этим ведают не те, кто является нам в телевизоре, а Государственно-правовое управление президента — одно из самых закрытых подразделений его администрации.

По сравнению с эталонной (правовой) картиной законности, где иерархию возглавляет законодатель, второй этаж образует судебная система, отвечающая за неукос-

нительное соблюдение законов, а полицейские органы занимают нижний этаж, Машина ТМ переворачивает эту пирамиду вверх ногами.

Политические решения адресуются прежде всего полицейским органам, в роли которых могут выступать не только собственно полиция и разнообразный ОМОН, но также Минюст — в части признания нелояльных «иностранными агентами», Роскомнадзор — в части разорения и ликвидации независимых медиа, и многие другие — вплоть до санитарного и пожарного надзора и как бы негосударственных банков.

Доступ к суду в таких случаях закрыт или крайне затруднен, они практически неизменно поддерживают решения полицейских органов, а если у них возникают с этим юридические сложности, тогда на помощь приходит законодатель.

В феврале 2022 года Машина ТМ, накопившая большой опыт репрессий, все же не была готова к началу специальной военной операции. Инструментов борьбы с противниками СВО полицейским органам и судам не хватало, и законодатель тут же дополнил УК статьей 207.3 о «распространении заведомо ложной информации об использовании вооруженных сил», и КоАП статьей 20.3.3 о «публичной дискредитации вооруженных сил». Законодатель справился с задачей уже 4 марта, затем в течение марта статья 207.3 дважды корректировалась с целью облегчить и расширить ее применение.

Стандартно применяемая часть 2 ст. 207.3 УК, где в качествеотягчающего обстоятельства могут фигурировать мотивы разного рода «ненависти» (политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной), предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет. Такая санкция лишь за слова, тем более в отсутствие указа о военном положении, сама по себе выглядит неправовой, но нас интересует «люфт» и связанные с ним практики.

16 ноября 2023 года Василеостровский суд Санкт-Петербурга приговорил художницу Александру Скочиленко по статье 207.3 УК к 7 годам лишения свободы (после полутора лет содержания в СИЗО). Мы не обсуждаем изуверский характер такого наказания для девушки, которой по медицинским показаниям не место в тюрьме, — нам сейчас важнее тот факт, что «заведомая недостоверность» сведений, которые она написала на ценниках в «Перекрестке» в апреле 2022 года, была доказана лишь тем, что пресс-центр Министерства обороны такой информации не распространял.

Зазор, состоящий в том, что за истину (а в уголовном процессе это не пустой звук) принимаются только официальные данные Минобороны, не вытекает из диспозиции статьи 207.3 УК, которая все еще пытается мимикрировать под право. Это практика, освященная приговорами, вступившими в «законную силу», — ее творцом стала судебная система.

Вряд ли эта практика, как и «стандартный» срок в 7–8 лет лишения свободы были продиктованы судьям «из Кремля» — они сами проявили понятливость. Температурный режим выставили апелляционные и кассационные инстанции и в конечном итоге Верховный суд, хотя и не сказавший в своих обзорах об этом ни слова, при самоустранении Конституционного суда. Последний, впрочем, признал не противоречащей конституционному праву граждан на свободу слова практику привлечения их по статье 20.3.3 КоАП, указав, что они не имеют права ставить под сомнение принятые властями решения и меры «на основе субъективной оценки».

3. Уточнение концепта «машина»

В ноябре 2023 года стало известно о появлении в Кемерове помилованного президентом в связи с его участием в СВО убийцы своей бывшей девушки Владислава Канюса, который в июле 2022 года был приговорен к 17 годам лишения свободы. Канюс убивал подругу в течение нескольких часов, нанеся ей 111 увечий, и задушил шнуром от утюга. Все это время соседи, слышавшие крики, вызывали полицию, но полицейские приехали по вызову, только когда девушка была уже мертва. Кемеровский судья приговорил полицейских к двум годам лишения свободы условно.

В той части, в которой правоохранительные органы и суды охраняют общественный порядок и борются с общеуголовной преступностью, мы не включаем их в контур Машины ТМ. Однако они все чаще отказываются выполнять работу, необходимую для общественного блага. Вряд ли это первый подобный случай в Кемерове и тем более

Петр САРУХАНОВ

в стране, а условный приговор сигнализирует, что Машина ТМ не рассматривает эту общепольную функцию как приоритетную. Зато принадлежность к полиции сама по себе свидетельствует о лояльности, что смягчает наказание по закону или вовсе освобождает от него (на это был направлен и целый ряд законодательных новелл последних лет).

Политическое решение о помиловании Канюса игнорирует правовые цели уголовного наказания. За первые 22 года своего правления Владимир Путин помиловал считанные единицы осужденных (в их числе были сотрудники «правоохранительных органов»), резко изменив практику, существовавшую при президенте Ельцине. А в 2023 году таким же образом, как Канюс, были помилованы, видимо, тысячи осужденных, в том числе за тяжкие и особо тяжкие преступления.

Эта практика, вписанная в контур Машины ТМ после начала СВО, использует механизм помилования не по назначению, то есть образует злоупотребление правом. Она игнорирует не только различия в совер-

шенных преступлениях и в характеристиках осужденных, но и права потерпевших, о чем громко заявили родители убитой девушки.

Здесь мы уточняем концепт «машины», заимствованный у Жюль Делёза, который наряду с «машиной» использует также термин «сборка». Сборка представляет собой сочетание как бы несочетаемого и разнородного, что, однако, производит нужный эффект (в хрестоматийном примере Делёза это оса и орхидея). У нас образ делёзовской «машины» подчеркивает, что для достижения своих целей МТМ использует любые инструменты: как предусмотренные законом, так и противоречащие ему, как традиционные, так и подвернувшиеся под руку по случаю. Закон тут не лучше и не хуже незаконного насилия и лишен всякого ореола.

Мэрия Москвы отказала родственникам мобилизованных в реализации их конституционного права на мирный митинг 25 ноября со ссылкой на ковидные ограничения — это хотя и сильно потрепанный, но удобный инструмент. Избирательность

МТМ

правоприменения или неприменения — основа таких сборок, создаваемых ad hoc для решения конкретных задач.

Концепт «машины» развивает Бруно Латур, показывая, что эффекта достигают сборки, состоящие из людей, вещей, идей и практик. Наряду с действиями судей и следователей, эффективность МТМ достигается за счет состояния мест лишения свободы («вещь»), которое делает содержание в них еще более унижительным и ужасающим. Действия судей, как и законодателей, нельзя понять и оценить без учета того, что им это также прекрасно известно. А внутриведомственные правила ФСИН, отстоящие далеко от закона и дополненные практиками, позволяют создавать персональную невыносимость для тех арестантов, в отношении которых есть политическая команда (пусть прямо не высказанная) их «ломать».

4. Подсоединения и квазилегитимное насилие

Основу контура МТМ внутри судебно-правоохранительной системы составляют опытные кадровые сотрудники, прошедшие строгий отбор за счет самого механизма понятийности. Продвижение внутри контура контролирует ФСБ; нередко делая

ставку на наличие компромата, она вербует и агентуру для слежки и проведения рейдерских операций, чьи цели выходят за пределы контура. На ответственных должностях в судах и «правоохранительных органах» любая нелояльность исключена, а ошибки стоят «непонятливым» дорого — в том числе утраты права на раннюю и повышенную пенсию и другие льготы.

В то же время Машина ТМ широко использует своеобразный аутсорсинг, разово или время от времени подсоединяя для решения конкретных задач «внештатников». В качестве таковых могут использоваться, например, арестанты, которые специализируются на пытках других заключенных, «православные активисты», обливающие правозащитников мочой, и др. — варианты таких сборок, в принципе, бесконечны и зависят лишь от поставленной задачи и фантазии исполнителей.

Речь идет о делегировании права на насилие, монополия на которое является необходимым признаком государства. Легитимное государственное насилие трансформируется в квазилегитимное, пограничное — не разрешенное, но вознаграждаемое в той или иной форме за риск.

Кадровые сотрудники контура МТМ толкают «добровольцев» на совершения ненасильственных преступлений. Когда в марте 2022 года законодатель поспешно принял поправки к УК и КоАП, карающие за антивоенные высказывания, следователи

и судьи скоро поняли, что составы, в рамках которых неправо все еще может прикидываться правом, чаще всего «не натягиваются». Тогда они обратились к «экспертам», чтобы те сделали выводы, которые были им нужны, но которыми они не хотели мारаться сами. Между тем с точки зрения УК выдача заведомо ложного экспертного заключения так же преступна, как и заведомо неправосудный приговор.

В деле Саши Скочиленко заключение о «заведомой ложности» сообщенной ей на ценниках информации выдали двое сотрудников филфака СПбГУ. Преподававшая там же с 1988 года кандидат наук Светлана Друговейко-Должанская была приглашена защитой в суд, где раскритиковала заключение коллег. Осенью 2023 года Друговейко была уволена из СПбГУ со ссылкой на решение Комиссии по этике в лице тринадцати «почетных профессоров». Ареопаг счел, что она «поставила под сомнение статус СПбГУ как экспертной организации», «не заботится о его репутации и не способствует укреплению его авторитета как старейшего университета России и одного из ведущих вузов страны».

Подсоединяя, часто вопреки их желанию, «гражданских», ощущающих себя вне контура МТМ, и помечая их определенным образом, последняя начинает работать так же, как медиа, на чем мы подробнее остановимся в следующей главе.

Но деваться некуда — на фоне растущей монополии государства на рабочие места МТМ использует в своих целях по мере надобности работников бюджетной сферы, сотрудников регистрационных служб и банков, муниципалитетов и отделов кадров, чьими руками подсоединившая их Машина ТМ дотягивается до интересующих ее «объектов».

5. Машина ТМ как медиа

В конечном счете Машина ТМ производит нужным образом дисциплинированное население («электорат»), метит (стигматизирует) граждан как «правильных» и «неправильных», то есть ее функции можно описать как биополитику в понимании Мишеля Фуко. Такое производство — наиболее надежный способ удержания власти, позволяющий сохранять иллюзию некоторой демократии и права. Эта функция хорошо осознается внутри контура, пусть и в специфических терминах «противодействия западному влиянию», а идеология облегчает подсоединение к нему также массы добровольцев.

Петр САРУХАНОВ

МТМ «модернизирована» в той части, в которой она связана с медиа, образуя с ними единый комплекс, и в которой она сама функционирует как медиа. Прежние исторические тоталитарные системы тоже не пренебрегали пропагандой, создавая публичные образцы террора, но лишь современный уровень развития информационного общества позволяет МТМ экономить на репрессиях, регулируя их достаточный и в то же время приемлемый для колеблющихся уровень.

Акции показательных задержаний и обысков немедленно транслируются по официальным каналам ТВ, фигуранты до всяких судебных решений предстают в этих сюжетах как преступники. В то же время заранее предпринятые приговоры позволяют медиа говорить о «фактах», которые закреплены во вступивших в законную силу судебных решениях. В поле права, под которое мимикрируют практики МТМ, против этой логики нет аргументов, критики вынуждены смещаться с правовых на политические позиции, где их ожидает стигматизация даже на как бы законных основаниях.

Наряду с использованием горизонтальных (по классификации Маршалла Маклюэна), то есть быстрых, новостных медиа, Машина ТМ и сама предстает как «вертикальное медиа». Дума, принимающая очередной репрессивный закон, — такое же медиа, каким в Древнем Вавилоне был каменный столб с записанными на нем законами царя Хаммурапи (законы утратили смысл, а столбу за 36 веков ничего не сделалось). Такое медиа устанавливается как бы навечно и в полной мере иллюстрирует формулу Маклюэна: «The Medium is the Message». В отличие от частных месседжей индивидуального террора, этот общий месседж МТМ как медиа и состоит в том, что «так всегда было и будет», и всякое сопротивление бессмысленно.

Взгляд на МТМ как на медиа позволяет вписать в его контур механизмы цензуры и проследить подсоединение к нему массы работников таких традиционно гражданских профессий, как учителя, преподаватели вузов, гуманитарные ученые (в особенности историки и юристы), и по мере надобности любое другое «мирное население».

В традиционно невоенизированных сферах, где происходит индоктринация

МТМ

молодежи, используется массовое, но ослабленное мягкое принуждение: дисциплинарные практики школы, церкви, местных сообществ, спортивных команд, банков, отделов кадров учреждений и организаций и др.

Мягкое принуждение, становящееся по мере формирования тоталитаризма настолько привычным, что часто уже не воспринимается как насилие, не перестает быть насилием или угрозой его применения. Это как бы поле гравитации дисциплинарных практик, которое анонимно — тут видны только проводники, но не источник насилия — и вездесуще. Это «режим», чья роль в формировании «правильного» (конформистского) населения не меньше, чем значение показательных репрессий, а с его эффектами мы сталкиваемся постоянно.

6. Уязвимости Машины ТМ

Машина вездесуща, но трудноуловима. В некотором смысле ее даже нет: она не институциональна и собирается каждый раз заново и из разных элементов по случаю — будь то задача в очередной раз упечь Навального в ШИЗО или внести поправки в Конституцию.

Неправо размывает ответственность участников и делает насилие анонимным: можно сколько угодно догадываться, откуда и за что «прилетело», но подтвердить это невозможно. В случае гипотетической смены режима привлечь к ответственности можно будет лишь исполнителей, но не тех, кто, не отдавая формальных указаний, лишь «посылал сигналы».

Ответственность смещается с персональных на практики и здесь увязает. Структуры предшествуют своим элементам: гипотетическая новая власть столкнется с тем, что замена кадров не приведет никакой революции — да и где их взять? Возможности же саботажа со стороны тех, кто останется на своих местах,

будут колоссальны — так это и произошло после 1991 года с судами, прокуратурой и тем более со спецслужбами, реформы в которых проводились только в направлении их неподконтрольности гражданскому обществу.

Но откуда, собственно, может появиться импульс к смене постоянно укрепляющего себя тоталитарного режима? Главная проблема МТМ с точки зрения будущего (сколь-нибудь ясная картина которого у режима не случайно отсутствует) заключается в ее экономической деструктивности.

Самые роскошные и новые здания в любом регионе РФ (не считая, возможно, пенсионных фондов) — это суды. Показное мраморное великолепие, известный уровень зарплат и льгот ключевых участников явно диссонируют с тем, что в контуре МТМ это чисто декоративное звено, как, впрочем, и Государственная дума, сенат и Конституционный суд.

Однако это лишь та часть контура МТМ, которая производит как бы право и совпадает с формальным дизайном государства. Своей доли, и, вероятно, большей — за риск — требует и та часть, которая производит неправу. Компенсаций в той или иной форме «заслуживают» и добровольцы, но и штатные кадры «судов и правоохранительных органов», когда центры политических решений и контроля лояльности заставляют (а скорее стимулируют) их смещаться с позиций закона на зыбкую почву понятийности.

В официальном бюджете средств на поддержание механизмов неправы нет, и они могут черпаться только из коррупционных схем. Между центрами политических решений, службами контроля лояльности и рабочими механизмами Машины существует своего рода общественный договор: в обмен на принятие решений «по понятиям» первые закрывают глаза на коррупционные практики вторых: от мелких поборов, традиционного «распила» — на тех же зданиях, оборудовании и др. — до крупных рейдерских операций. Впрочем, «общественный договор» также «понятиен» и нестабилен — контролируемые

и кадровые органы в любой момент могут использовать компромат и для давления, и для избавления от непонятливых, принеся отдельных персон в жертву общественному мнению.

Зыбкая система неправы постоянно повышает транзакционные издержки и создает нестабильность, в условиях которой экономические агенты вынуждены действовать в коротком горизонте, а инвестиции «вдлинную» предпочитают делать в странах, где существует нормальное правосудие. То, что в условиях СВО это становится невозможным, не заставит их вкладываться даже в оборонный комплекс РФ «вдолгую».

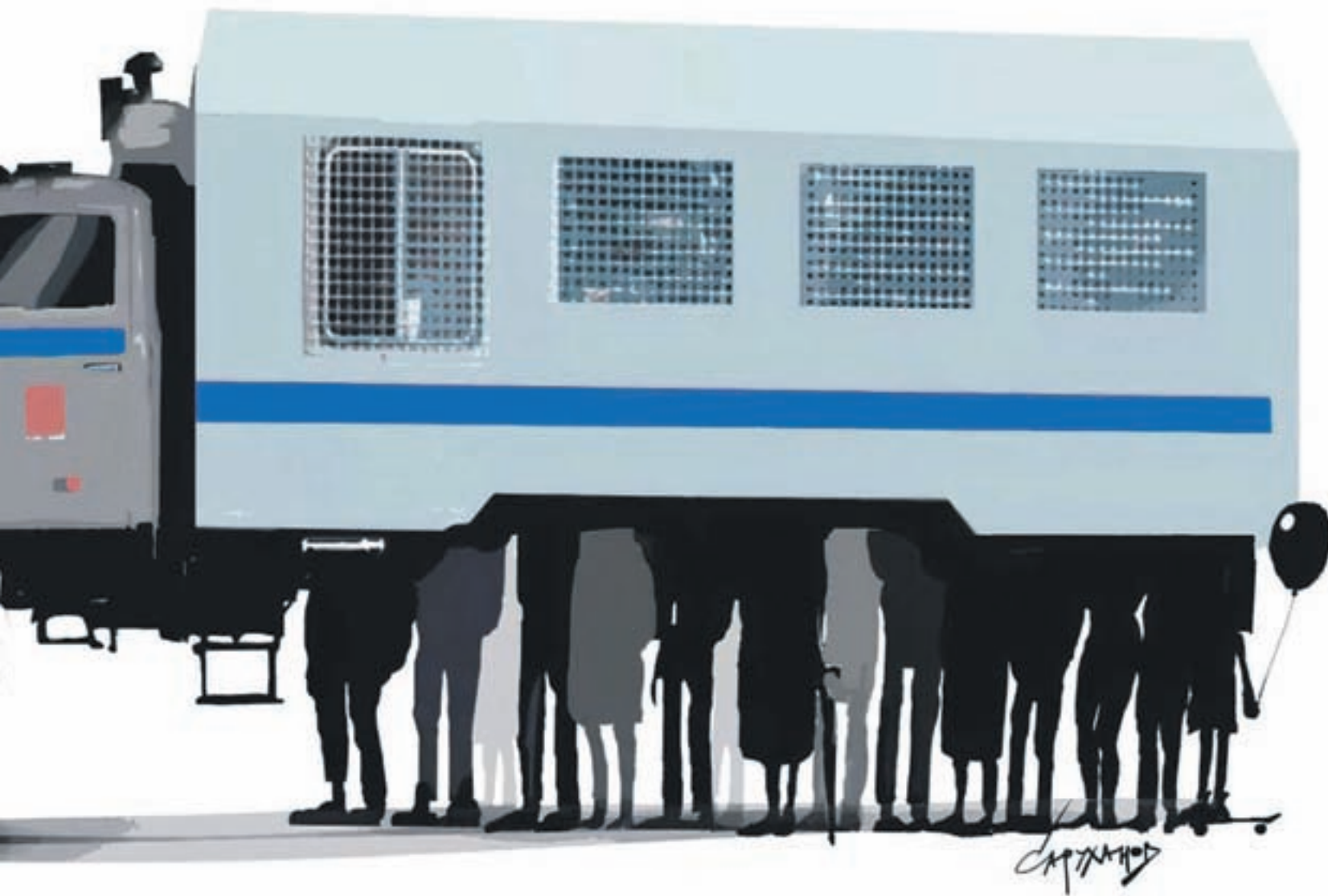
Таким образом, хотя сама Машина ТМ отнюдь не выглядит хрупкой, рухнуть может экономический фундамент ее легитимности, в котором уже появляются опасные трещины. Между тем широкое использование аутсорсинга насилия приводит к эксцессам, подобным погрому в аэропорту Махачкалы. В этих условиях любой «черный лебедь» может запустить катастрофический для режима сценарий.

Машина ТМ постоянно укрепляет вертикальные связи своего контура

в ущерб горизонтальным. Губернаторы и администрации субъектов Федерации, наряду с управляемыми из центра «силовиками», являются важными проводниками политических решений сверху вниз, но собственные интересы регионов приносятся в жертву властной вертикали: в частности, жестокое подавление протестов на местах едва ли способствует росту популярности региональных властей.

Совпадение этих факторов: экономического коллапса и противоречий в интересах центра и периферии — может привести к расщеплению Машины ТМ не по вертикали, но по горизонтали. В таком случае режимы в региональных образованиях могут оказаться разными: от еще большего ужесточения — до движения в сторону права, особенно там, где возникнет несколько центров силы и влияния.

Леонид Никитинский

ЧТО НА ГОРИЗОНТЕ

Иван
КРАСТЕВ:

«Мы себя
ведем так,
как будто
мы последние
люди
на земле»

(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ
(ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН,
РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ)
НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ
АГЕНТОМ КОЛЕСНИКОВЫМ
АНДРЕЕМ ВЛАДИМИРОВИЧЕМ
ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА
КОЛЕСНИКОВА АНДРЕЯ
ВЛАДИМИРОВИЧА.

Петр САНУХАНОВ

Српски

Позиция Ивана Крестева на олимпе политической науки — особая. Он имеет репутацию одного из самых оригинальных политических мыслителей Европы и в то же время, будучи болгаринном и прожив существенную часть жизни при социализме, гораздо лучше других экспертов понимает восточноевропейский контекст и причуды российской политики и российского сознания. Мы поговорили с известным политологом о том, что происходит с европейской идентичностью в период мировой катастрофы, и странным образом нашли проблески оптимизма в неоптимистичном сценарии.

Knihovna Vaclava Havla

— Войны изменили форму или размораживаются: мы наблюдаем ожесточенный конфликт в Европе, самое мощное за десятилетия противостояние в рамках палестино-израильского конфликта, катастрофу в Карабахе; возникают опасения по поводу Тайваня и даже разморозки — спустя 70 лет — конфликта двух Корей. Не означает ли это, что идет диффузная третья мировая? Войны создают новые (или, наоборот, старые) идентичности — какие они? Есть ли у Запада, у Европы ответ на эти вызовы? Евросоюз, например, — это антивоенный проект, который столкнулся с невозможным, немислимым в XXI веке вызовом — военными действиями в Европе.

— Действительно, границы между войной и миром уже не существуют. Это состояние исследователь Марк Леонард справедливо назвал *unpeace* — «не мир»¹. Новые войны — очень странные. С одной стороны, они похожи на гражданские, с другой — на цивилизационные.

Самое важное, что изменилось на их фоне, — наше отношение к будущему. Отныне мы боимся будущего. Всегда,

¹ Марк Леонард — директор Европейского совета по международным отношениям (ECFR), автор книги *The Age of Unpeace: How Connectivity Causes Conflict*.

в любые времена, в том числе советские, все хотели обустроить в будущем жизнь своих детей. Будущее можно было пытаться планировать. А теперь создается впечатление, что это невозможно.

Из заголовка книги Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории и последний человек» осталась только вторая часть — последний человек. В каком-то смысле мы себя ведем так, как будто мы последние люди на земле. Разные группы — по разным причинам. Возьмем, например, молодых людей, которые озабочены климатическими изменениями: они говорят, что будущего нет, не надо рожать детей, потому что планета Земля скоро просто умрет. А какие-то крайне правые группы говорят о том, что не Земля, а наша нация умрет. Апокалиптическое поведение и восприятие мира проявляется по-разному в разных группах общества, но вот то, что их объединяет, — они ведут себя как последние люди.

Согласно данным «Левада-центра» (имеет в РФ статус «иноагента». — Ред.), значительный страх мировой войны существовал уже с 2018 года, а затем пришел ковид... Всегда есть проблемы, которые мы не можем решить сейчас, но неизменно присутствовало ощущение, что мы можем решить их в будущем, через 10–15 лет, а теперь это немисливо.

В Европе долгое время не верили в то, что большая (...) на европейском конти-

ненте в принципе возможна. И вот начинается противостояние в Украине...

Доминировало мнение, согласно которому взаимовыгодное экономическое сотрудничество сделает (...) невозможной. Мы будем покупать столько русского газа, что Путин никогда не захочет применить вооруженную силу. Это представление рухнуло за одну ночь. <...> И вот из-за всего этого возникает ощущение уязвимости, которого по сию пору не было.

Упорное сопротивление украинцев — тоже проблема для Евросоюза. Потому что Евросоюз — это постгероическое общество. То, что мы видим в Украине, — это мобилизационная сила национализма. А в Европе в целом доминирует постнационалистическая идеология. Это совершенно другой мир по сравнению с тем, в котором мы привыкли жить.

Европейский совет по международным отношениям недавно завершил межстрановое социологическое исследование. 35–40% респондентов из неевропейских стран считают, что через 10–15 лет Европейский союз прекратит свое существование. Нации казались бессмертными, но вдруг обнаружилась их смертность.

«Мы себя ведем так, как будто мы последние люди на земле»

— Российско-украинское противостояние было отложено — как выяснилось, распад Советского Союза все еще продолжается и достигает своего пика спустя 30 лет после официального роспуска СССР. Большинство империй развалились после Первой мировой войны, Британская — после Второй. А Российская империя все еще разваливается. Есть ощущение, что все эти конфликты — в том числе российско-украинский — нельзя разрешить окончательно (по крайней мере, в горизонте 10–20 лет), а можно только заморозить. Так ли это?

— Во второй половине XX века все думали исключительно в категориях холодной войны. Но оказалось, что самый главный процесс — это деколонизация. В каком-то смысле можно сказать, что 24 февраля 2022 года Россия напала на Советский Союз. Речь Путина на церемонии признания независимости «ЛНР» и «ДНР» была абсолютно антисоветской.

Каждая империя создает свою особую идентичность. Советская идентичность задержалась на 30 лет после распада СССР. Самая трагическая фигура этого процесса — та женщина в Украине, «баба Аня», которая встречала с советским флагом российские войска. Она не поняла, что это пришла совсем другая страна, совсем другая армия.

Советская империя была особой, в ней русские меняли властную идентичность. Это самая нестабильная идентичность — в ней каждый мог стать русским, чтобы не имели возможности доминировать другие. В результате в метрополии, в собственно России, не было столь же сильной идентичности, как и в республиках на окраинах империи. И в результате, когда начался распад империи, самой проблемной оказалась русская идентичность. У тех, кто был провинцией империи, формирование идентичности прошло проще — это негативная идентичность по отношению к центру, к России. Получается, что СССР уничто-

Marcin KALINSKI / PAP

жил Российскую империю, и теперь, с точки зрения Путина, ее надо воссоздать.

Парадоксальным образом в России сейчас доминирует очень европейский страх — демографический. Огромная территория — и очень мало людей.

— Получается, что базовый мотив происходящего — это все-таки не о территории?

— Это такой вариант национализма, который выглядит территориально-экспансионистским, а на самом деле он — демографически-апокалиптический.

— Поговорим о доминирующих идеологиях, оправдывающих или описывающих новые идентичности.

СПРАВКА

Иван КРАСТЕВ (г.р. 1965) — болгарский политический ученый, председатель Центра либеральных стратегий (София), научный сотрудник Института гуманитарных наук (Вена), был колумнистом *The New York Times*. Самые известные работы последнего времени из переведенных на русский язык — «Свет, обманувший надежды. Почему Запад проигрывает борьбу за демократию» (в соавторстве со Стивеном Холмсом, 2020), «После Европы» (2018).

В случае России — это возвращение имперского сознания, причем это идеология прикладная, применяемая на практике в виде противостояния с Украиной, Западом, с собственным населением, либеральной его частью. Вместо *corrupte ideologies*, заимствованных идеологий, всплывают свои, нутряные, архаичные, глубинные идеологии. Что происходит в этом смысле в Восточной Европе?

— Эти идеологии и идентичности не монолитны. В начале 1990-х появилась идея Сэмюэла Хантингтона о столкновении цивилизаций¹. Он исходил из стабильности этих цивилизаций. А они не стабильны именно потому, что будущее — неопределенно. Это довольно травматическая ситуация, усугубленная российско-украинским столкновением.

Есть еще один важный момент — имперское прошлое. Для Польши и стран Балтии это не украинский конфликт, это их (...), они боятся оккупации. Потому что в прошлом они были частью этой империи. Греки, сербы, болгары — конечно, им не нравится то, что Россия сделала, но это не их вооруженное противостояние, потому что это не их империя. Бывшая Габсбургская империя — чехи, словаки, венгры — там все по-разному.

После Второй мировой войны было четыре государства, которые считали себя исключительными. Это были СССР и США — идеологические государства. И Германия и Израиль — «палач и жертва». Сейчас, особенно после обострения на Ближнем Востоке, мало кто хочет признать жертвенный статус евреев, наоборот, жертвами считают палестинцев. Германия перестала быть образцом эффективного развития — никто не говорит: «Хотим быть, как Германия».

Идентичность наций идет из собственного статуса жертвы. Все стали жертвами! Русский дискурс — абсолютно жертвенный. Исчез общий язык, на котором могут разговаривать между собой нации.

В годы холодной войны такой язык был. Кроме того, США и СССР могли вспоминать опыт союзнических отношений во Второй мировой войне. Этот универсальный язык сейчас невозможно использовать. Мир, возникший после Второй мировой, мир, к которому мы привыкли, разрушился.

— С одной стороны, украинский конфликт объединил Европу, с другой стороны, возможно, вскрыл некоторые внутриевропейские противоречия. Что

и как сейчас меняет Европу — волна украинских беженцев, русских эмигрантов? Безусловно, есть сложности и проблемы, но кажется, что «заката» Европы не происходит — работает страховочная сетка демократических институтов, достаточно посмотреть на пример Польши. Каковы в этом контексте перспективы выживания проектов «Запад» и «Европа»?

— Конечно, в объединении Европы главную роль сыграла военная опасность, но, как я уже говорил, европейцы не верят, что они находятся в состоянии войны с Россией, а неевропейцы утверждают, что это война Запада с Россией.

Миграционная волна из-за украинского конфликта — огромная. В восьми процентах польских домохозяйств были украинские беженцы. Идентификация с пострадавшей стороной очень сильная, негативной реакции в отношении украинцев нет. Украинцев проще интегрировать в западное общество по сравнению с мигрантами из Сирии и с Ближнего Востока. Проблема с украинскими беженцами не в том, как их принимает Европа, а в том, что многие из них не вернутся в Украину. Страна потеряет огромное количество людей.

Проблема с российской эмиграцией состоит в том, что даже тех, кто уехал из-за несогласия с путинским режимом, в Европе встретили не как диссидентов, а как русских. На Западе в целом не понимают трагичности ситуации для россиян, после решения о спецоперации россияне — совершенно непонятный мир для европейцев. В результате многие из них вынуждены возвращаться в Россию, особенно когда поняли, что второй волны мобилизации пока не будет.

— Происходят события, которые ставят под сомнение ценностные основы Европы. Вот, например, выполняет отовсюду антисемитизм (настолько тонким оказался слой цивилизованности!), эпизодически растет популярность крайне левых и крайне правых проектов. Что будет происходить с европейской идентичностью, которая сформировалась во многом после 1945 года, а затем после падения коммунизма?

— Самая большая иллюзия считать, что мир меняется, а вот Запад остается таким, каким он был. То, что будет происходить, — это не просто *enlargement* Европейского союза, его расширение, это *remaking*, его переделка. Что касается антисемитизма, то есть группы, в которых он существовал латентно и сейчас проявился, а есть новые мигранты — носители антисемитизма.

Было ощущение, что украинский конфликт настолько страшный, что это изменит сознание многих. Но, например, в Турции, Китае, Индонезии, многих других странах

рассматривают ситуацию как окно возможностей для этих государств стать лидерами. Та же Турция сейчас старается быть посредником почти во всех процессах в этом мире.

Это с одной стороны. А с другой стороны, маленькие европейские страны в нынешнюю эпоху понимают важность существования ЕС — вне участия в структуре Евросоюза для них в этом мире места нет. Это понимают даже националистические политики в этих странах.

Думаю, Евросоюз сохранит свой демократический характер, и, несмотря на все серьезные изменения, это будет самое либеральное место в мире.

— Не дает ли польский пример основания для оптимизма: работающие демократические институты, возможность ротации власти могут спасти европейскую, демократическую идентичность?

— Да, это важный пример. В течение восьми лет консервативное правительство вело себя, как школьный учитель, который хотел переучить страну, указывал, как жить и думать. А в результате именно в эти годы произошла глубинная либерализация польского общества. Даже в 1989 году польское общество было очень консервативным, в том числе благодаря особой роли церкви. Существовал консервативный культурный консенсус, который и взял на вооружение Качиньский и который должен был позволить ему править 10–15 лет. Но этот механизм не сработал. И консенсуса больше не существует.

Популистские волны в западном мире — тоже часть модернизационного процесса. И все-таки Европа — проект с открытым финалом.

На мой взгляд, для представлений людей о мире важно то, в какой момент происходила их социализация — в период открытия общества или закрытия его. Люди, которые входили во взрослую жизнь в период оптимизма, в эпоху появления новых возможностей, ощущения «я-могу-что-то-сделать», способны многое изменить. В последнее время было ощущение периода закрытости, поляризации мнений. Но Польша дает пример новой открытости. Как это закончится — бог знает. Однако есть ощущение появления возможностей, которых до этого не было.

Россия тоже была очень разной в разные исторические периоды, как и Европа, и Америка, она не была одной и той же. Российская государственность была жесткой, но это не значит, что в стране ничего никогда не изменится.

Беседовал
Андрей Колесников

¹ *The Clash of Civilizations? By Samuel P. Huntington. — Foreign Affairs. Summer 1993. <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations>*

Петр САРУХАНОВ

Восстание одержимых

САРУХАНОВ

ДЕСЯТИЛЕТИЯМИ
КОНФОРМИСТЫ ДЕЛАЛИ ВСЕ,
ЧТОБЫ АРХАИЧЕСКИЕ СТРАСТИ
РАЗРАСТАЛИСЬ И КРЕПЛИ

Роман

Шамолин,
антрополог

Э то были два главных футурологических текста конца XX века: «Конфликт цивилизаций» Сэмюэла Хантингтона и «Конец истории» Френсиса Фукуямы. Два противоположных «пророчества». В первом утверждалось, что человечество ждет нарастающий и невиданный еще по размаху антагонизм культур и моральных ценностей: Восток против Запада, ислам и конфуцианство против христианства и светского гуманизма. Во втором «пророчестве», наоборот, речь шла о постепенном угасании всех серьезных противоречий на фоне смешивающего всех со всеми глобального рынка и небывалого еще уровня интернациональных коммуникаций.

Очевидно, слово осталось за «Конфликтом цивилизаций». Не то чтобы «Конец истории» оказался ошибочной футурологией — но сейчас о нем точно не приходится вспоминать. Однако с учетом характера происходящих в наши дни событий концепция Хантингтона тоже требует коррекции. Следует ли говорить о столкновении именно разных цивилизаций, разных типов культуры и морали — а не чего-то иного?

Как полагал Сэмюэль Хантингтон, цивилизация есть наличие узнаваемых общих черт в «субъективной самоидентификации» людей, в их культурной и моральной идентичности. Но вот в чем дело: за те несколько десятилетий, что прошли со времен Второй мировой войны, и классически понимаемая субъектность, и самоидентичность претерпели весьма значительные изменения. Попросту говоря, они размылись.

Под влиянием глобальных экономических потоков и коммуникаций возникает эпоха, называемая постмодернизмом, в которой как с государств, так и с индивидов активно снимаются некогда привычные им формы и границы. В области культурных, политических и персональных идентификаций вырастает множество

гибридных образований, «симулякров» — они вносят все большую и большую дозу неопределенности в картину мира. Все становится подвижным и гибким, в том числе и мораль. Собственно, эту перемену совершенно отчетливо уловил Френсис Фукуяма в конце 80-х годов — ее он и принял за «конец истории». Он предсказал и последствия гибкой морали: появится поколение «людей без груди», не способных к отчетливому выбору, не стремящихся к разделению зла и добра. Поколение абсолютных конформистов.

Единственное, что не учел тогда профессор Фукуяма: размытие субъектности и идентичности производит в мир не только моральных приспособленцев, но и персонажей, напрочь лишенных морали, — производит «одержимых людей». В том смысле, что они одержимы, захвачены и управляемы некими бессознательными психическими потоками, девиациями, архаическими инстинктами, — которые некогда, худо ли бедно, но сдерживались и даже трансформировались культурой. Но теперь, когда культура утратила идейную иерархическую составляющую и сделалась, по сути, набором разрозненных высказываний и артефактов, эти потоки и инстинкты вышли на волю. Собственно, одержимые люди и отменили «конец истории». Они подняли восстание.

«Восстание одержимых» началось не вдруг. Долгое время, десятилетиями, конформисты делали все, чтобы архаические страсти разрастались и крепились. А именно — они не делали ничего. Были озабочены вопросами расширения рынка и конкуренцией между политическими институтами, устраивали конференции по экологии, путешествовали между виски-барами. И ни во что не верили, кроме как в текущую статистику и в рейтинги, — да и в это не особенно верили.

Что же до вопросов гуманизма и морали, то здесь конформистами был создан удивительный и претендующий на универсальность моральный гибрид — толерантность. Буквально — терпимость. Суть такого гибрида примерно в следующем. С одной стороны, безоговорочно негодовать, если кто-то при разговоре с молодой женщиной станет смотреть на ее грудь, а не в глаза, — это будет называться плохо толерантностью или даже дискриминацией по половому признаку. С другой стороны, если какой-нибудь правитель, с которым заключены полезные рыночные контракты, вдруг начнет активно преследовать инакомыслие в собственной стране, уничтожать оппозицию или присоединять плохо лежащие соседские зем-

ли, — в его отношении принято по-прежнему являть толерантность и подавать руку, лишь периодически добавляя «реплики обеспокоенности». Это будет называться нормальной реал-политик.

По сути, толерантность есть адаптированная, уменьшенная мораль для конформистов, «людей без груди» (Ф. Фукуяма). Или, если вспомнить Фридриха Ницше, к которому постоянно обращается и Фукуяма, это мораль для «последних людей»:

Земля стала маленькой, и по ней прыгает последний человек, делающий все маленьким. «Счастье найдено нами», — говорят последние люди и моргают.

Ф. Ницше

«Так говорил Заратустра»

Однако и конформисты не могли игнорировать наличие теневых, разрушительных сторон сознания и души. И занимаясь ими они передоверяли разросшемуся классу специалистов, коучеров и психологов, которые самую большую проблему психики видели в ранних семейных травмах. Но проблема оказалась в ином — в том, что множество людей явно предпочло не выяснять свои отношения с образом отца, а взять в руки автомат Калашникова. Взять и найти ему применение. Или как минимум радостно симпатизировать тем, у кого он в руках. А с этим ни психоанализ, ни тренинги, ни групповые медитации уже ничего не могли сделать.

То, что мы проживаем сейчас, в разных точках мира, — беспринципное и на свой манер «радостное» насилие. Разрыв международных договоров; захваты чужих городов и регионов; преследование инакомыслия и политический диктат — все эти проявления не есть война разнородных идей и цивилизационных проектов. За инициаторами всего перечисленного не стоит никакой идеи, никакой футуристической утопии. То, что сейчас происходит, более всего похоже на войну тех, кто напрочь лишен морали, — против тех, кто обладает слабым подобием морали. «Одержимые» против «конформистов». Или же, выражаясь языком Стругацких, — «черные» против «серых».

Восстание одержимых

Если все же кто-то и попытался бы найти у «одержимых» какой-то мотив, то он не обнаружит его в рациональном измерении. Все так называемые идейные основания, о которых «одержимые» безостановочно объявляют, — настолько часто меняются, входят в противоречие одно с другим и в конце концов настолько не соответствуют фактическим действиям, что воспринимать их всерьез совершенно лишено смысла. Но стоит ли тогда обвинять «одержимых» во лжи? Вряд ли и в этом есть смысл. Состояние «одержимости» в принципе, то есть и для самого себя, — не оперирует категориями лжи и правды. Оно просто использует знакомые слова, речевые обороты и символы для того, чтобы выразить себя здесь и сейчас, без оглядки на то, как это выглядело вчера или будет выглядеть завтра. Это состояние черпает себя прямо из бессознательного, животного-магического ресурса: оно не рефлекторно и тем более не договороспособно. А потому для того, кто захотел бы что-то понять в нем, — вернее всего стоило бы обратиться к фрейдистской или юнгианской практике толкования гипнотических видений и сновидений. К примеру, там, где сегодня постоянно звучат слова о «многополярном мире» и «возвращении к корням», внимательный толкователь смог бы различить: воля к войне всех против всех, к хаосу и к праву сильного.

До недавнего времени мир воспринимался как нечто относительно спокойное и целое — все могут между собой общаться, заключать бизнес-сделки, повсюду узнаваемые марки авто и мобильных, вывески на английском. Невинная всеобщая коммуникация. Никто особо не задавался вопросами о том, как у кого в стране обстоят дела со свободой слова, с особенностями религиозной доктрины, с политическими целями правителей. Это было блаженное взаимное неведение. Моральная и поли-

тическая философия казалась чем-то уже давно ушедшим, не реалистичным — чем-то из эпохи Гегеля и Маркса. Вопросы о добре и зле, о будущем и о человеческой свободе мало у кого появлялись. «Все очень относительно, разделение на добро и зло — это ведь в прошлом» — так примерно отвечал условный среднестатистический обитатель этого мира.

Теперь же в прошлом осталась относительность. Добро и зло вышли на сцену, жестко поставив вопросы и о будущем, и о свободе. Мир перестал быть как спокойным, так и целым. Началось великое разделение народов. Но разделение не по знакомым линиям этнографии, не по признакам «крови и почвы» — хотя о «крови и почве» говорят сейчас столько, сколько не говорили со времен Второй мировой войны.

Разделение пошло, образно говоря, по линиям «новых заповедей» — и не только христианских. Тех «новых заповедей», что когда-то, очень давно, обозначили для человечества возможность перехода на совершенно новый этап его самосознания. Этот переход получил название «осевого времени» (К. Ясперс), а суть его в том, что возникшие в умах философов и проповедников идеи начали конкурировать со старыми, архаическими укладами мировоззрения: экспериментаторство против традиции, сострадание против господства, личность против государства. Не сказать, что новым идеям удалось решительно взять вверх, — но на их основании были построены самые интересные, динамичные и творческие элементы человеческой цивилизации.

Сегодняшние события есть продолжение, и похоже на то — следующая принципиальная фаза «осевого времени». Хотя лучше сказать: антифаза. Тогда, в классической древности, — движение шло от «сил прогресса», от революционных философских умов, значительно опередивших сознание своих соплеменников. Это движение проросло среди незыблемой, казалось бы, архаики. Универсальная цивилизация наступала, традиции защищались.

Сейчас все ровно наоборот: архаика заявляет о «восстании традиций», бросает вызов цивилизованному миру, который уже так свyksя со всеми благами вроде бы как «устойчивой прогрессивности». И не суть важно, что за провозглашаемыми «традициями» на деле не стоит ничего, кроме голого властолюбия, милитаризма и страсти к запретам. Апологетам архаического восстания сполна довольно и этого. И защищаться сейчас должна цивилизация. «Осевой» реванш.

Вероятно, это действительно уникальная ситуация в человеческой истории. Обычно, когда орды варваров вторгались на территории своих развитых соседей, — они с энтузиазмом ассимилировались в новые, открывшиеся им идеи и институты. Эти вторжения не имели целью уничтожить цивилизацию. Напротив, цивилизация сама трансформировала захватчиков; сама обновлялась за счет их свежей варварской крови. Классические примеры известны нам по дорийскому вторжению в ахейскую Грецию, по великому переселению в Римскую империю германских племен или по завоеванию Индостана «великими моголами».

Но теперь дело идет иначе. У сегодняшних «новых варваров» есть вполне определенная цель: сломать сами цивилизационные основы, разрушить и отменить универсальные идеи и институты. Данная цель очевидна уже по тому факту, что на подвластных им территориях сознательно и последовательно отменяются или превращаются в пародию такие вещи, как демократия, гражданские права, свобода слова и творчества, разделение властей — и так далее. А на место отмененного устанавливаются, по большому счету, всего две реалии, исходящие из самых архаичных, доцивилизационных времен: культ предков и культ несменяемого вождя.

Сложно и вспомнить, когда еще достижения человеческого рода подвергались

бы такой целенаправленной и принципиальной угрозе.

Одни позволяют себе практически все. Другие находятся в тревожном непонимании: что можно позволить против того, кто позволяет себе все? Ведь они, эти конформисты и любители реал-политик, — все еще помнят, что такое моральные нормы: права человека, ценность жизни, — и тому подобное. Но очевидно: чем дальше заходит насилие «одержимых», тем меньше у сопротивляющейся стороны остается этой «моральной памяти». Одержимость заразительна, а культура нынче не в том положении, чтоб удерживать планки высоких ценностей. Фатальный круговорот насилия.

Впрочем, если чему нас и учит история, так тому, что все ее круговые и с виду такие безвыходные циклы все-таки размыкаются. Сейчас мы и представить не можем, когда, как и, главное, чем разомкнется нынешний цикл. Но в некоторых вещах мы все же можем быть уверены.

Во-первых, нынешняя история с ее «восстанием одержимых» не закончится быстро. За «восставшими» стоит весьма значительная ресурсная база, но главный их ресурс практически неисчерпаем — это человеческое бессознательное, доступ которого к сознанию и психике современного индивида сейчас весьма легок — с учетом

общего культурного и просветительского кризиса.

Во-вторых, закончиться нынешняя история может только двумя вариантами. И они полярны.

Первый вариант: «одержимость» берет верх, и тогда сценарии постапокалиптических голливудских фильмов обретают полноценную реальность. От «Безумного Макса» до «Гуляющих мертвецов». Основной жизненной философии становится как минимум «Левиафан» Томаса Гоббса. Как максимум — концепция Большого Брата (Big Brother) из «1984» Джорджа Оруэлла.

Второй вариант: человечество выходит на уровень принятия решений не просто глобального, а планетарного уровня: нейтрализует очаги «восстания одержимых» и на некоторое время устанавливает то, о чем всегда мечтали настоящие советские люди: «мир во всем мире». После чего начинается долгий и мучительный процесс политической, нравственной, культуральной и прочей саморефлексии.

В-третьих, простой возврат к «довоенному» формату существования окажется принципиально невозможным. Потребуется переустановка практически

всей идейной и ценностной базы человечества, с явным приоритетом универсальных идей перед локальными. Такие понятия, как «народ», «нация», «суверенное государство» и «религиозная традиция», перестанут обладать значимой исторической стойкостью. Понятие «толерантность» также больше не сможет оставаться эквивалентом морали. Но справится ли человеческое сознание и, главное, психика с такой переустановкой — очень большой вопрос.

Что мы можем делать конкретно сейчас, когда насилие и неизвестность только лишь нарастают? Не сдавать позиции своего сознания и тех немногих форпостов культуры и морали, что еще сохраняются под атаками массового бессознательного. Не воспринимать происходящее как «естественное», «нормальное» положение вещей. Не отстраняться от восприятия происходящего, какой бы степени жестокости оно ни было. Постоянно искать выход.

Роман Шамолин

«Запретить» и «вернуть»

ЛИШЬ ЭТИМИ ДВУМЯ СПОСОБАМИ
ВЛАСТИ СОБИРАЮТСЯ РЕШАТЬ
ШКОЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Российская школа к концу 2023 года уже, кажется, привыкла жить по-новому: с разговорами о важном, подъёмом флага, с ячейками «Движения первых». По-прежнему идут уроки, дети по-прежнему сдают ЕГЭ, олимпиадники по-прежнему готовятся к следующим этапам своих олимпиад. Кажется, ничего особенно и не изменилось: ведь школа — очень консервативный институт. Это ее губит, но это и спасает: все нововведения тонут в рутине.

Марина
Виноградская

Воспитательный стандарт

Главное нововведение начавшегося учебного года — изменение Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС). Они подлежат пересмотру каждые десять лет, и состоявшийся в этом году пересмотр стал довольно радикальным. Прошлые стандарты в основном предъявляли требования к результату учебного процесса — к тому, какими качествами, умениями, способностями будет обладать на выходе из школы выпускник, — а достигать этого школы могли любым избранным ими способом. Для нового времени и новых стандартов такая вариативность оказалась уже неприемлемой, и новые стандарты сосредоточились на содержании образования — на едином для всех школ страны содержании учебной программы, которая теперь жестко закреплена законодательно, поскольку стандарты имеют статус закона. Единая программа требует единых учебников, так что и Федеральный перечень учебников оказался резко сокращен.

Причин для такого введения единомыслия в школах несколько: во-первых, лично президент Путин несколько лет назад дал поручение конкретизировать содержание образования в стандартах. Во-вторых, вариативность в преподавании, возможность выбирать программы, тексты, учебники оказалась связана с большой ответственностью, которую готовы брать на себя продвинутые неравнодушные учителя; учительская масса почувствовала себя потерянной в этом разнообразии и потребовала простых решений: дайте нам что-нибудь общее и понятное. Наконец, законодатели, которые тоже предпочитают простые решения, задумались об облегчении жизни тем детям, которые переводятся из школы в школу и сталкиваются с разностью программ: депутаты решили, что единство программ и учебников приведет к тому, что во всех школах страны в один конкретный день на конкретном уроке будут изучать одну и ту же тему.

Разумеется, в жизни все происходит сложнее, чем в голове среднего думца. Но на самом деле изначально стремление внедрить единые программы и учебники обусловлено еще и требованием легкой проверки: если мы хотим, чтобы вся страна писала Всероссийские проверочные рабо-

ты, значит, надо их продумывать на едином материале. А если одни дети проходят какой-то материал в шестом классе, а другие в седьмом — как их проверять? Изначально в основе единства лежали совсем не идеологические причины — скорее причины удобства контроля над учебным процессом, который еще несколько лет назад стремился к тотальному. Сейчас предмет контроля сместился с качества образования на воспитание, в первую очередь — патриотическое.

Соответственно, и те предметы, которые можно задействовать в «патриотическом воспитании» — то есть в насаждении государственной идеологии (кстати, она все еще запрещена Конституцией, хотя на эту статью уже тоже покушаются), — удостоились особого внимания государства: по ним созданы обязательные федеральные программы, по которым школы работают с этого года. Для младшей школы это русский язык, литературное чтение и окружающий мир, для остальных классов — русский язык, литература, история, обществознание, география и ОБЖ. Впрочем, проверок, действительно ли учителя придерживаются этих обязательных программ, пока нет: или нет возможности ввести по-настоящему тотальный контроль, или приоритеты все-таки другие. Какие же?

Основные усилия государства в образовании пока сосредоточены на отлаживании всеобщей системы идеологического и военно-патриотического воспитания, которая должна охватить все уровни образования — от детских садов до вузов.

От младенца до профессора

Из чего состоит эта система? Во-первых, введены особые предметы — от начальной военной подготовки и труда в школах (традиционный «труд», разделенный по гендерному признаку, должен заменить гендерно-нейтральные «технологии») до «основ российской государственности» в вузах. В школах и колледжах проводят «Разговоры о важном» по единым сценариям, разработанным для всей страны. Тотальных проверок пока тоже нет, и школы приспособились действовать по-разному: где-то истово придерживаются общих разработок, где-то включают обязательное видео — и все делают домашку, либо говорят в это время о действительно важном для детей и учителей. Попытки привлечь к «Разговорам о важном» родителей — об этом тоже шла речь в прошлом году — не реализовались, потому что никто толком не понимает, как можно вовлечь родителей в этот процесс — добровольно или принудительно?

Подъем флага ввели не только в школах и колледжах, но и в педагогических вузах.

Впрочем, в одних так и не слышали об этом нововведении, в других его старательно выполняют. Рутину и тут внесла свои коррективы: как правило, на эту церемонию ни в школах, ни в вузах не выстраивают еженедельно весь «личный состав», а приводят по два-три передовика-ударника.

Система патриотического воспитания, которая выстраивается в стране, включает в себя и несколько институтов Российской академии образования, которые отвечают за разработку программ воспитания для детей; курсы повышения квалификации для педагогов; специальные мероприятия для «навигаторов детства», то есть советников по воспитанию — не то вожатых, не то политруков, которые должны вовлекать учеников в «Движение первых» и патриотически воспитывать. В федеральных детских центрах — «Артеке», «Орленке», «Океане» — без конца идут педагогические совещания по патриотическому воспитанию и слеты вожатых: они обсуждают формы работы с подрастающим поколением.

Все школы страны должны быть охвачены «Движением первых»: если государство и собирается поддерживать какие-то формы детского досуга, то только в его рамках. Хочешь заниматься спортом, краеведением, пошивом мягкой игрушки, робототехникой, музыкой, хочешь ездить в приморские лагеря — пожалуйста. Государство четверть века не думало о детском досуге, не вкладывалось в его развитие (платно — пожалуйста, а так вам никто ничего не должен), а тут вдруг вспомнило про то, что детей надо занимать, чтобы они не болтались на улицах, вкладывать в детские кружки и секции деньги и силы. Вроде бы и хорошо, что вспомнило? Но это все — только в рамках «Движения первых», которому по закону досталось все наследство канувшей в Лету пионерии: летние лагеря, дворцы пионеров и школьников (нынешние дворцы творчества) и прочее. Все можно — можно бесплатно получить путевку в лагерь у моря, для этого надо участвовать в конкурсах и смотрах; можно даже всей командой победить, приехать в «Орленок» или «Сириус» (мне доводилось встречать детей, которые к своим 15–16 годам уже побывали во всех федеральных детских центрах — кто со своим экологическим проектом, кто со школьным СМИ, кто с пошивом сумок-шопперов с городской символикой).

Но есть одно условие: «пиво только членам профсоюза» — вся эта система конкурсов, побед, призов выстроена государством не просто так, ради поддержки детского творчества, ради того, чтобы расцвели таланты.

«Запретить» и «вернуть»

Таланты могут расцветать, но только при условии полной лояльности господствующей идеологии: избежать «уроков мужества» с участием ветеранов СВО и других патриотических мероприятий в рамках «Движения первых» невозможно, будь ты хоть эколог, хоть на дуде игрец. Как говорят знакомые директора школ, за созданием ячеек и внесением в штатное расписание «советников по воспитанию» внимательно следят региональные образовательные власти

Дошкольник на страже Родины

На днях министр просвещения Сергей Кравцов заявил, что первая ступень «Движения первых», которая называется «Орлята России», должна охватить не только начальную школу, но и детские сады. Вроде бы все прекрасно в «Орлятах России» — семь треков («мастер», «доброволец», «спортсмен», «эколог», «эрудит», «хранитель исторической памяти», «лидер»), то есть семь разных направлений, которыми дети могут заниматься под руководством взрослых. Они получают задания для выполнения, для них подготовлены уже записанные уроки (учителя не нарадуются: ничего готовить не надо, все уже сделано!). И законы у «орлят» тоже прекрасные, кажется. Вот первый, например: «Орлята» гордятся своей Родиной. Это значит: уважать прошлое, хранить историческое наследие своего Отечества, знать историю своей страны, родного края и государственные символы России, ценить и беречь свою родную землю, ее богатства, быть верным своей стране, быть готовым ее защищать».

Даже Советский Союз был милосерднее к своим малышам: единственным идеологическим законом для октябрят было то, что они будущие пионеры. А дальше: «октябрята — дружные ребята, читают и рисуют, играют и поют, весело живут», а детсадовцев практически не трогали и уж точно

не призывали защищать свою страну. Оно, конечно, когда страна прикажет быть героем, у нас героем становится любой, но все-таки хорошо бы, чтобы он уже не носил памперсы.

Тридцать лет система образования не помнила о том, что такое воспитание («воспитывать должны родители дома, а задача школы — давать предметные знания»), была такая расхожая фраза у учителей; я не раз ее слышала от коллег в ответ на предложения обучать детей ненасильственным способам разрешения конфликтов или хотя бы понимать чувства друг друга). А потом государство вдруг поставило перед ней задачу воспитывать детей. Беда в том, что в понятие «воспитание» вкладывается сейчас не представление о развитии и самоопределении личности, даже не о ее социализации (это, к слову, о разрешении конфликтов) — нет, «воспитание» в сегодняшней системе образования понимается как индоктринация: противодействовать попыткам фальсификации истории, хранить традиционные ценности, быть готовым защищать Родину. Короче, мы самые правильные, самые сильные, мы всех победили и будем побеждать, надо готовиться к войне. Вот и вся социализация.

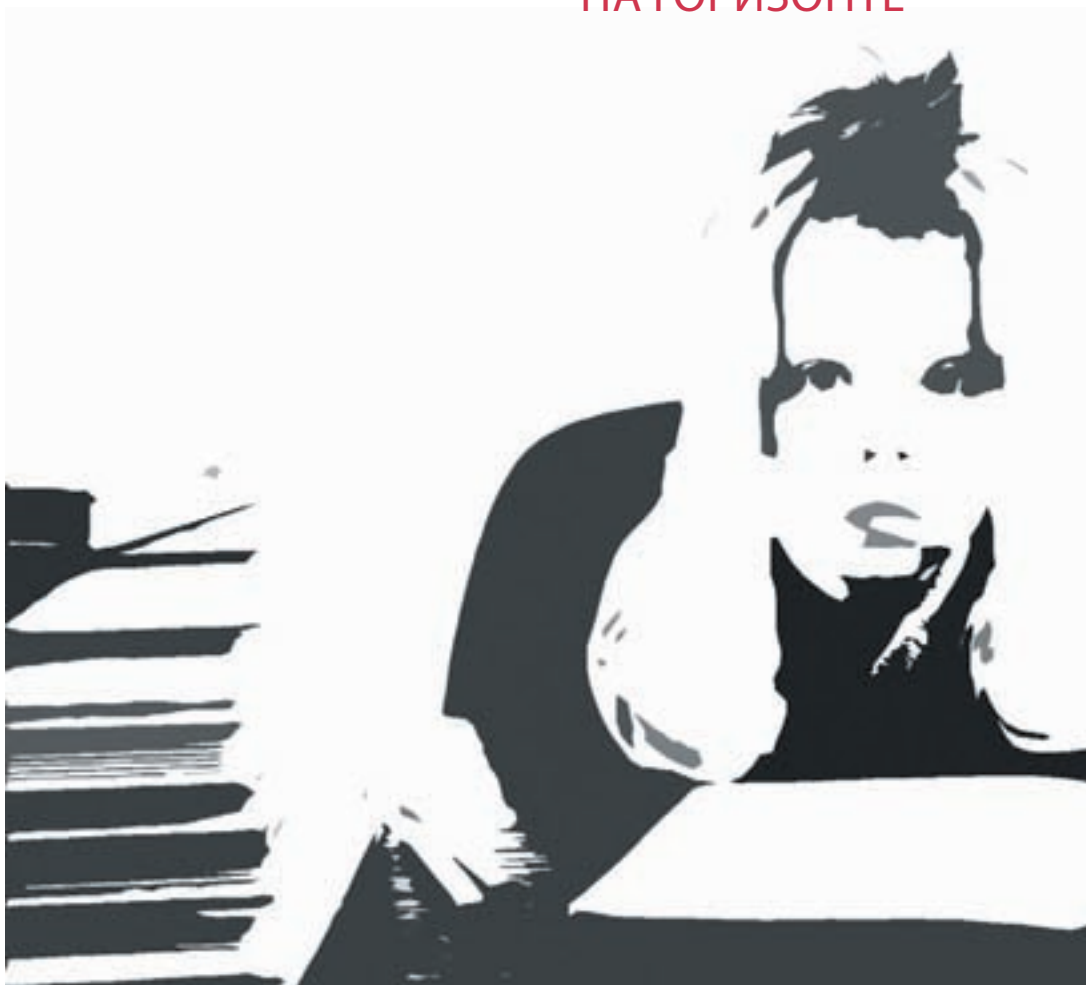
Простые решения

Все остальные задачи школы ушли на второй план — даже задача давать высокие образовательные результаты. Даже священная корова тотального контроля — все-российские проверочные работы, ВПР — и та пошатнулась. ВПР по иностранным языкам Рособнадзор отменил вовсе, заметив, что это не повлияет на образовательные результаты (а по остальным предметам — повлияет?), остальные ВПР сократили до одного урока, а сам процесс решено максимально цифровизировать. Учителя давно жалуются, что ВПР мешают учебному процессу — ведь по результатам ВПР региональные власти оценивают качество работы школы, поэтому учени-

ков готовят к бесконечным тестам: к ВПР, к ОГЭ, к ЕГЭ... Все это создает лишний стресс для школьников и учителей и ставит телегу впереди лошади: именно то, что проверяется на тестах, и становится основным содержанием образования, что бы там ни вкладывалось в единые учебники. Впрочем, об отмене ВПР пока речи нет. Хотя на время ковида отменяли даже ОГЭ, и оказалось, что особого смысла в нем тоже нет.

О реальной помощи неуспевающим ученикам по-прежнему мало кто задумывается: здесь простые решения не помогают. Это телефоны можно запретить, школьную форму можно ввести, а запретить быть неуспевающим нельзя. Российская массовая школа так до сих пор и не умеет работать с детьми, имеющими какие-то особые потребности, будь то дислексия или трудности в социализации, связанные с расстройством аутичного спектра. Инклюзия по-российски обернулась худшим из возможных видов инклюзии: посадить в один класс детей с разными потребностями и обязать учителя с ними работать (как? — как знает, он же профессионал, должен знать). Инклюзия оказалась не подготовлена, не обеспечена кадрами, нормативными документами, программами — то есть выхолощена, профанирована, бессмысленна изначально.

Точно так же нет решения у другой сложной проблемы: как научить русскому языку, социализировать и адаптировать в русскоязычных школах, в российской культурной среде детей, для которых русский язык неродной. Проблема касается всех регионов страны; в некоторых школах больше половины контингента — дети с неродным русским. А системы подготовки педагогов русского как иностранного нет, подготовительных языковых классов нет, учебников ничтожно мало — и вся нагрузка ложится на словесников. А они и так с ума сходят, потому что на их плечах лежат два ОГЭ (русский и литература), два ЕГЭ, причем один обязательный для всех, итоговое собеседование и итоговое сочинение, тогда как у других предметников ОГЭ и ЕГЭ по

одному, да и те, кроме базовой математики, не обязательны.

Чем же тут помогает им государство? Ну вот депутат Татьяна Буцкая предложила недавно брать в школы только тех детей-инофонов, которые сдали экзамен по русскому языку (пока по закону берут всех, если в школах есть свободные места). А где они будут учить язык — это уже другой вопрос, можно будет подготовить учителей русского как иностранного, создать для детей курсы... но это потом, потом, а главное — не брать в школы без языка, запретить, поставить фильтр на входе. Простая логика требует обратного процесса: сначала создать широкую сеть подготовки учителей, растиражировать учебники, создать языковые курсы — а уже потом думать о тестировании. Но это сложное решение. А не пущать — простое.

Точно так же ничего не делается для решения другой проблемы — насилия в школах, которая все чаще оборачивается кровавым кошмаром и массовыми расстрелами. Власти предпочитают решать проблему простым формальным путем: рамки металлоискателей, ужесточение требований к имеющим оружие, уголовные дела против директоров школ и ЧОПов. А проблема разлита по жилам школ, так же как и по жилам всего общества. Общество пронизано насилием, ни взрослые, ни дети не умеют договариваться друг с другом, решать проблемы мирно. Можно запретить телефоны в школах, тогда дети не будут снимать ни как учителя издеваются над ними, ни как они сами издеваются друг над другом — но они не перестанут издеваться. Можно запретить буллинг в школе, как это собираются сделать депутаты, — но он от

этого никуда не денется, с тем же успехом можно запретить ругаться матом или повышать голос. Что изменится? Введут штрафы за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних для родителей детей, уличенных в буллинге? И это радикально решит проблему?

Дети живут в атмосфере войны всех против всех. Недаром после стрельбы в Брянске многие — даже мирные интеллигентные люди — стали говорить: «Молодец девочка, постояла за себя». Маскулинное российское общество со своими пацанскими ценностями никогда не было особо миролюбивым, но в последние несколько лет его внутреннюю агрессию и нетерпимость к чужакам любого рода тщательно разогревают и раздувают идеологи. Можно ли запретить буллинг в стране, где декриминализовано семейное насилие, где идеологи ежеминутно призывают уничтожить, сбросить бомбу, отомстить, проучить? Где новостные порталы радостно рассказывают, как представитель России в очередной раз «унизил» или «поставил на место» какого-то иностранца?

Куда ж нам плыть?

Когда все социальные лифты перестали работать, когда образование больше не справляется с ролью социального лифта и становится все менее доступным семьям по финансовым соображениям, у детей все хуже с видением будущего и себя в нем. Странно ли, что в этих условиях так выстрелил сериал «Слово пацана» — с его уличной

романтикой, мужской дружбой, всеми этими архаичными, только что не родоплеменными пацанскими ценностями. Впрочем, они и для волчьей стаи вполне себе ценности, а человек человеку все больше волк.

Точно так же не видят для себя будущего и выпускники так называемых «хороших» школ, которые в последние два года лишились значительной доли друзей и учителей, выбравших эмиграцию, и хоть каких-то представлений о том, где и зачем учиться, как и куда поступать. Кто мог уехать — уехал, кто решил остаться — остался, но определенности не прибавилось ни у тех, ни у других: «расформированное поколение, мы в одиночку к истине идем».

«Хорошие» школы пережили по несколько доносков и внутренних пертурбаций, обновили педсостав — где-то чуть не наполовину, приспособились тихонько жить по-прежнему, формально выполняя требования там, где это совсем уж неизбежно, и игнорируя их там, где есть такая возможность. Учителя в таких школах категорически не дают никаких комментариев прессе (нельзя показывать, где у нас еще остался воздух, — отнимут) и вздыхают от каждого нового радикального решения властей. Ну хорошо, запретили мобильные телефоны в школе — как мы теперь на уроках будем работать с текстом, скажем, «Одного дня Ивана Денисовича», если в школьной библиотеке экземпляров на всех недостаточно, просить родителей купить детям книжку нам запрещено, а распечатать этот текст на весь десятый класс не получится, даже если принтер в учительской работает. Ах да, можно же запретить «Один день Ивана Денисовича».

У людей, облеченных властью (будь то думцы, Рособнадзор или Минпрос), кажется, есть всего два способа решать школьные проблемы: запретить и вернуть. Давайте вернем школьную форму, пионерии, патриотическое воспитание, «Молодую гвардию», НВП, труды — все это, не читая программу, не понимая ее логики, не зная, что на самом деле в школе есть (тот же модуль НВП в составе ОБЖ или предмет «технология»). Давайте вернем «Зарницы», конкурс строя и песни, пионеров-героев, геноборки школы по субботам, астрономии, черчение. Давайте запретим телефоны, буллинг, «иноагентов» (безнадежное от одиннадцатиклассницы: «А «иноагентов» можно в итоговом сочинении цитировать?»). Эти хаотичные метания мешают работать, мешают учить детей, разворачивают школу, как избушку на курьих ножках, к миру задом, к прошлому передом, — и лишают происходящее в ней всякого смысла, всякой перспективы.

Марина Виноградская

ДЕМИСТИ- ФИКАЦИЯ

Рисуем потери

КАК ПОЛИТИЧЕСКИЕ СООБРАЖЕНИЯ
СМЕНЯВШИХ ДРУГ ДРУГА
РУКОВОДИТЕЛЕЙ СССР «ОПРЕДЕЛЯЛИ»
КОЛИЧЕСТВО СОВЕТСКИХ
ЛЮДЕЙ, ПОГИБШИХ В ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Павел

Полян

Памяти
Анатолия Вишневого

Сказка сказок: киноэпиграф

Помните волшебный фильм Юрия Норштейна «Сказка сказок»¹?

Там есть две сцены: два круга танцев под качающимся от ветра фонарем и под звуки танго «Утомленное солнце» — великого танго слез. Сцена первая — прощание девчат с их мобилизованными в армию парнями, они же листья, срываемые ветром с дерев и уносимые прочь под перестук колес воинских эшелонов; вторая сцена — возвращение кавалеров с войны, а лучше сказать — невозвращение, потому что целыми вернулись и вновь танцуют лишь двое, есть и третий — гармонист, он без одной ноги. К остальным барышням все летят и летят под тусклым фонарем похоронки, и они как застыли в первой сцене, так и стоят как вкопанные. Горе, трагедия, тоска и боль!..

Точнее, символичнее и монументальнее суть темы военных потерь СССР, кажется, и не выразить...

Два научных подхода к проблеме

Вопрос о декларации демографических потерь военного времени (вопрос сверхсмертности, как сказали бы сейчас) — это в СССР вопрос не научный, а политический, вопрос высшего уровня, вопрос первого лица. При этом каждое из первых лиц начиная со Сталина отвечало на него заново и по-своему, по-новому — в свете не столько уточняющихся данных, сколько меняющихся представлений о геополитических интересах страны. Что обрекает эту тему на то, чтобы стать и быть территорией неизбежного лукавства, манипулирования и лжи.

Во время Великой Отечественной войны огромная территория воюющей страны дробилась на три подвижные части — на полосу вокруг линии фронта, на оккупированные территории к западу от нее и на неоккупиро-

ванные — к востоку. Линия же фронта, естественно, перемещалась.

Для попыток научного исчисления названных параметров применяются два фундаментально различных подхода: или **учетно-статистический**, когда работа ведется с различными регистрами умерших или погибших, содержащими индивидуальные или групповые записи по различным источникам смерти, или **демографо-балансный**, когда специалисты работают с надежными данными переписей по определенным методикам (передвижка возрастных когорт и др.), учитывая при этом изменения внешних и внутренних границ, внешние и внутренние миграционные потоки и т.п. Попытки сочетания этих подходов чрезвычайно редки, методически это затруднительно само по себе и накладывает на оба подхода некоторые общие требования. Так, например, нельзя отрывать тыловые потери от прочих: некорректно закрывать глаза на смерти в ГУЛАГе, смерти во время депортаций военного времени, на расстрелы в тюрьмах Львова, Станислава и других прифронтовых городов, а также расстрелы в тылу, как, например, на даче НКВД в поселке Барбыш под Куйбышевом, где были убиты Герой Советского Союза генерал-полковник Штерн и дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант Смушкевич.

Третий способ: угадать и угодить

Впрочем, есть еще и третья «методология» — заказные, греющие душу и сердце первого лица цифры. Научкой и поиском истины тут и не пахнет, а вот пропагандой разит.

Вот ярчайший пример. 6 ноября 1941 года, выступая на торжественном собрании Моссовета в честь 24-й годовщины Революции, состоявшемся на станции метро «Маяковская», Сталин, председатель Госкомитета обороны, сказал: «*За 4 месяца войны мы потеряли убитыми 350 тысяч и пропавшими без вести 378 тысяч человек, а раненых имеем 1 миллион 20 тысяч человек. За этот же период враг потерял убитыми, ранеными и пленными более 4 с половиной миллионов человек.*

Не может быть сомнения, что в результате 4-х месяцев войны Германия, людские резервы которой уже иссякают, оказалась значительно более ослабленной, чем Советский Союз, резервы которого только теперь разворачиваются в полном объеме»².

Заседание под землей состоялось 6 ноября, а уже на завтра — 7 ноября — по морозной Красной площади прошагал знаменитый парад красноармейцев, отправля-

ющихся прямо на фронт. В своем новом, очень коротком, выступлении с трибуны Мавзолея Сталин повторил и 4,5 миллиона германских потерь: «*В Германии теперь царят голод и обнищание, за 4 месяца войны Германия потеряла 4 с половиной миллиона солдат, Германия истекает кровью, ее людские резервы иссякают, дух возмущения овладевает не только народами Европы, подпавшими под иго немецких захватчиков, но и самим германским народом, который не видит конца войны»³.*

Никакой неточности или ошибки не кроется: обыкновенные лживые слова и бессовестные цифры. Между тем безвозвратные потери Красной армии только по оборонительным операциям, закончившимся к этой дате, то есть без Донбасской, Ростовской и Московской, составили без малого 2 миллиона (1,957 млн чел.)⁴, а количество пленных к декабрю того же года составит, по округленным немецким данным, 3,5 млн чел.! Названные же Сталиным 350 тыс. собственных потерь отдаленно близки к потерям Красной армии в одной только Белоруссии, немецкие же потери и к концу войны не достигли озвученных 4,5 миллиона человек.

Эволюция послевоенных оценок военных потерь: официоз и реалии

Так, еще в самом начале войны Сталин четко обозначил свой «заказ» на ее потери: своих — как можно меньше, вражеских — как можно больше. То же — и после окончания войны и Великой Победы.

Перенесемся тогда в конец войны, а точнее, за ее победный конец — в 1946 год. Николай Алексеевич Вознесенский (1903–1950), тогда председатель Госплана СССР, в начале 1946 г. честно доложил товарищу Сталину о более чем 15 миллионах сводных потерь⁵, на что тот поморщился и «согласился» только на «около 7», которые и озвучил в феврале-марте 1946 г. в журнале «Большевик»⁶ и в интервью газете «Правда»⁷. Структура потерь Сталина тогда ничуть не заинтересовала⁸.

Рисуем потери

Та же тенденция прослеживается и по сталинской правке на проекте вступительной речи прокурора Романа Андреевича Руденко (1907–1981)

в Нюрнберге: его недоумение — или удивление — вызывал сам миллионный порядок цифр гитлеровских жертв, а также отдельное упоминание в их числе евреев⁹.

14 ноября 1956 г. начальник ЦСУ СССР Владимир Никонович Старовский (1905–1975) докладывал ЦК о потерях в объеме «свыше 20 миллионов»¹⁰, после чего уже Хрущев глубоко задумался, но хоть и через пять лет, в 1961 г., все-таки озвучил саму эту цифру. Тогдашний глава государства Никита Хрущев в письме шведскому премьер-министру Таге Эрландеру от 5 ноября 1961 г. осмелился озвучить цифру в «два десятка миллионов жизней советских людей»¹¹, при этом он обошелся и без слова «свыше», и без структуры потерь.

Для того чтобы взять эту лингвистическую высоту — эти самые «свыше»! — понадобились еще четыре года и новый генсек. Возвращая народу День Победы в 1965 г. в качестве праздника, Брежнев в юбилейном докладе в честь 20-летия Победы так и сказал: «Война унесла более 20 миллионов жизней»¹². На долгие годы именно эта оценка и эта формулировка («унесла жизни») оставалась официальной.

В 1969 г., отталкиваясь от данных Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК) 1946 г., отдельную оценку гражданских потерь СССР в годы войны в шесть миллионов человек впервые обнародовал генеральный прокурор СССР Руденко¹³ — тот самый, чью речь на Нюрнбергском процессе в 1946 г. переписывал лично Сталин. Банальный арифметический подсчет здесь выводит на цифру в 14 миллионов потерь среди военнослужащих. В эти годы сопоставимые потери вермахта (без учета потерь на других театрах военных действий) оценивались в четыре миллиона человек, и получалось, что на один немецкий труп приходилось три с половиной советских.

Настоящий перелом произошел в конце 1980-х гг. при Горбачеве. При Генштабе

Вооруженных сил СССР была создана специальная Межведомственная военно-историческая комиссия, в которую включили бригаду высококвалифицированных демографов из Института статистики при ЦСУ СССР — Евгения Михайловича Андреева, покойного Леонида Евсеевича Дарского (1930–2001) и Татьяну Леонидовну Харьковку.

Собирая по открывшимся для них архивам первичные статистические данные, двигая возрастные когорты от переписей 1926, 1939 и 1937 гг. к 22 июня 1941 г. и от переписи 1959 г. к самому концу 1945 г., внутренне взаимосвязывая при этом на каждом своем шаге всю половозрастную пирамиду СССР, они вышли на три ключевые цифры-оценки населения страны: 196,7 млн чел. в день начала войны, 170,5 млн на конец 1945 г. и — 159,5 млн доживших до 1946 г. из людности на начало войны.

Разница в 37,2 млн (запомним эту цифру!) между первой и третьей цифрами еще не есть потери: не будь войны с ее аномалиями, люди и в мирной нормальности все равно умирали или не рождались бы — соответственно, надо отбросить расчетные естественную смертность (11,9 млн) и добавить детскую сверхсмертность (1,3 млн). Так, из вороха пустографок и таблиц родилась грамотно сбалансированная цифра

потерь — 26,6 млн чел. Да, каждая ее единичка безымянна, не персонализирована, но каждая — увязана с другими.

Эта сводная цифра — 26,6 млн — была впервые обнародована Горбачевым устно в 1990 г.¹⁴, а потом получила почти каноническое признание при Ельцине, снова озвучившем ее в 1995 г., на «своем» юбилее Победы¹⁵.

Итак, демографическая цена Победы — это 15–16% населения СССР, то есть каждый шестой! Три четверти этих потерь — мужчины, из них более половины — когорты военнообязанных возрастов. Вероятность остаться по окончании войны в живых для мужчин, шагнувших в нее, будучи от 15 до 34 лет от роду, была выше разве что по сравнению со стариками от 65 лет и старше.

Но общие потери — это всего лишь одна цифра, а самое для науки увлекательное — и для манипуляций самое привлекательное — начинается с разбора ее структуры, прежде всего в разрезе «военнослужащие» vs «гражданское население».

Тут же вступает в действие критическое рассмотрение учетов соответствующих контингентов. Как персональный, так и списочный учет потерь был в РККА ниже всякой критики, особенно в первый период войны. И не только из-за стремительности немецкого наступления: «медальоны смерти», или «жетоны», облегчающие идентификацию убитых на поле боя, ввели во время войны не сразу и быстро (в конце 1942 г.) отменили, да и носили их не все (считалось дурной приметой), тогда как и призванные дополнить или заменить их красноармейские книжки появились в армии с многомесячным опозданием и в дефиците.

Непонятным — и неучтенным? — оставалось и то, как фиксировалась вторичная мобилизация (то есть мобилизация освобожденных советских граждан призывных возрастов на ранее оккупированных территориях, а также репатрируемых военнопленных и гражданских принудительных рабочих) в конце войны, осуществлявшаяся не через военкоматы, а прямо в частях. Еще большая проблема — перебежчики и военнопленные: без счета и за вычетом евреев и комиссаров они оседали в немецком «архипелаге Дулаге» (то есть в лагерях для пленных — не путать с Архипелагом ГУЛАГ), а окруженцы и дезертиры массово растворялись среди гражданского населения (немало таких бывших военнослужащих побывало в Германии уже в качестве остарбайтеров) или в партизанских лесах. Всех их текущий учет между тем сбрасывал в графу «без вести пропавшие».

Тем не менее в начале 1946 г. уже были известны (кому надо, разумеется) первые данные не только по безвозвратным потерям, но и по гражданским: ЧГК насчитала

тогда на оккупированной врагом и освобожденной от него территории 6,1 млн «убитых и замученных мирных граждан», а с учетом 600 тыс. убитых и умерших ленинградских блокадников (оценка того времени, сейчас она выше) — 6,7 млн. Это выводило на безвозвратные потери в 8,3 млн чел. Сталин тогда, как мы помним, ограничился сводными потерями в 7 млн трупов, а остающиеся 8 млн «мертвых душ» снова закопал, надолго приструнив этим и правду, и правдоискательство, и правдоискателей, в их числе и самого Вознесенского.

Итак, Хрущев втрое подтянул общую цифру, но он тоже отмолчался по структуре. Но в 1969 г., то есть уже в брежневскую эпоху, оценку гражданских потерь, отталкиваясь от данных ЧГК, обнародовал генпрокурор Руденко. Все знакомые с правилами вычитания и с хрущевскими 20 миллионами трупов легко получали 14 млн боевых потерь вместо сталинских 7 млн.

И пошла писать губерния, а точнее — под шумок перестройки — считать Генштаб. Методика Кривошеева—Кирилина, если отбросить низкое качество первичной статистики и подозрения в манипулятивности, выглядела солидно — сведение воедино 10-дневных фронтовых донесений о потерях всех уровней. Полученный военными историками результат — 8,7 млн чел. — был печатно обнародован в 1993 г.¹⁶

Разница между 26,6 и 8,7 — это немалослимо гигантские 17,9 млн чел., потому в генштабовские 8,7 млн потерь военнослужащих нельзя было поверить, настолько явственно торчали из них, например, заниженные цифры по смертности военнопленных. В пух и прах эту цифру драконили, пусть каждый по-своему, но практически все специалисты, серьезно занимавшиеся потерями. Генштаб же всем на это: «Забудьте! Ничего не знаем! У нас же все документы — и только на 8,7 млн!»

Учеты ЦАМО и Объединенная база данных «Мемориал»

А между тем в Подольске, в Центральном архиве Министерства обороны РФ (ЦАМО) хранился уникальный учетный материал — сводные картотеки безвозвратных потерь рядового, сержантского и офицерского состава. В ней сошлись учеты и РККА, и вермахта, и сплошного подворового опроса, проводившегося военкоматами в 1946–1949 гг. Сергей Ильенков — многолетний сотрудник ЦАМО и военный историк-энтузиаст — обработал 18 букв этого массива и насчитал

в итоге около 13,5 млн погибших, пропавших без вести, умерших от ран, болезней и в плену красноармейцев¹⁷.

И это — без потерь Военно-морского флота (в аналогичной картотеке там ок. 150 тыс. чел.), внутренних и пограничных войск НКВД СССР, партизанских соединений. «Минималистски» оценив недоучтенное в 0,5 млн чел., получим 14,0 млн — как не окончательный, но серьезный промежуточный результат, служащий временным и минимальным ориентиром.

Это серьезный промежуточный результат, служащий ориентиром. И скорее всего не окончательный. Но он уже на 60% выше оценки Генштаба!

Дело в том, что еще глубже, чем энтузиасты из ЦАМО, копают разработчики и составители ОБД (Объединенного банка данных) «Мемориал». Банк замечательный и неумоимо пополняемый, миллионы людей уже нашли там сведения о своих погибших на войне родственниках. Удовлетворить эту гуманитарную потребность, собственно, и есть его мандат и главная задача¹⁸. При этом источниками ему послужили самые что ни на есть первичные материалы (наглядная разница на примере ЦАМО: не карточки из именной картотеки, а первичные донесения о потерях, на основании которых часть этих карточек, собственно, и заводилась), данные из Военно-медицинского архива, из Военно-морского и т.д.

На сегодняшний день, согласно устной справке, в ОБД «Мемориал» заведено от 36 до 38 млн записей, но назвать хотя бы примерное число индивидуальных карточек в ней (то есть, собственно, установить базовую величину потерь!) — задача не сегодняшнего дня: она вторична по сравнению с гуманитарной миссией базы данных.

Так что вернемся пока к цифре Ильенкова. Ее экстраполяция на весь алфавит выводит на итог примерно в 21 млн чел. Пополнение мартиролога за счет первичных данных ОБД «Мемориал» продолжается.

Под их напором серьезному испытанию на прочность подвергается ставшая за 30 лет канонической сумма общих потерь страны — 26,6 млн ведь на гражданские потери в ней остается всего 5,3 млн человек, а это уже меньше, чем даже оценка ЧГК. Из этого вытекает необходимость, с учетом новых и старых данных, заново проверить все расчеты и допущения с перспективой повышения суммарных потерь населения на несколько миллионов.

Даеть мертвые души!

При этом оценка потерь гражданского населения арифметически получается — 12,6 млн чел., тогда как по Генштабу — 17,9 млн. Напомню, что ЧГК в 1946 г. насчитал всего 6,7 млн таких потерь, причем с учетом 600 тыс. смертей в блокадном Ленинграде. Чем же тогда (нет: кем же?) заполнить брешь в 11,2 млн? Да кем угодно! И если раньше разговоры о миллионе умерших в блокаде были на грани идеологического фола, то сейчас это стало минимальной из оценок. Не побрезговали «умертвить» и пару миллионов (от 2,1 до 2,4 млн из 3,2 млн) угнанных оstarбайтеров, но достоверная статистика имеется, и она не выходит за 100, максимум за 150–200 тысяч, если с поправкой на бомбежки фабрик и заводов в конце войны¹⁹.

Но времена меняются, и в вопросе военных потерь власть на наших глазах совершает удивительный кульбит, движущей его силой оказался начальник РВИО Владимир Ростиславович Мединский²⁰. Как всегда, все у него хоть и мифоточиво, зато до гениального просто.

Он предложил распечатать кубышку естественной смертности (помните 11,9 млн?) и, пристегнув ее к сверхсмертности, выйти на 37,2 миллиона общесоветских потерь. Мол, война так война, и неисчислимы зверства фашистские на советской земле! «Не забудем, не простим!» И т.п.

Демографически и исторически безграмотно? — Плевать. Обновленной концепции потерь, по Мединскому, нужны трупы гражданского населения — много трупов, как можно больше! Для смыслового наполнения таких цифр Мединский предложил новую фишку — «геноцид советского народа», он же «геноцид советских народов», он же «геноцид советских людей», громко озвученную в ноябре 2020 г. на конференции, посвященной юбилею Нюрнбергского процесса. По сути же, фишка весьма старая, советская: это никакой не геноцид, а перелицовка под него других военных преступлений, традиционно обозначаемых как «зверства» и «злодеяния».

Но профанация понятия «геноцид» Мединского не смущает. По существу, он тащит к хорошо знакомому советскому ноу-хау отрицания Холокоста — к «советским людям» и «мирным гражданам»: и никаких евреев или цыган! Но и от количественных параметров жертв доказатель-

Рисуем потери

ного геноцида евреев и цыган он, разумеется, отказываться не хочет: тоже ведь советские люди!

Но чем тогда заполнить Мединскому эти миллионы «вакансий» на этом виртуальном кладбище? Довольно внятный ответ на этот вопрос должны были содержать тома серии «Без срока давности», выпущенные в 2020 г., ради которых архивисты провинциальных ФСБ рассекретили часть своих документов (новых существенных сведений в них нет, но все же вопрос: почему рассекретили только сейчас?). Но тома эти, по сути, только подтверждают селек-

тивно-этнический, а не общегосударственный геноцид населения в оккупированных советских областях.

Между тем немцы, систематически уничтожая евреев, так и писали в своих отчетах: ликвидировано столько-то жидов, столько-то коммунистов, столько-то бандитов (сиречь партизан)!

И все же в новом школьном учебнике по истории России для 10-го класса Мединскому пришлось, скрепя сердце, отказаться от этих прекрасных приписок, коль скоро речь в нем идет о потерях гражданского населения, равных всего лишь

FAZIT. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОТЕРИ СССР ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (1941–1945 ГГ., МЛН ЧЕЛ.)

В таблице представлены оценки периодов правления Сталина, Хрущева, Брежнева, Горбачева и Путина: прямым шрифтом дается правительский официоз, курсивом — то, что правителям сообщалось для сведения и принятия решения.

	Даты	Военнослужащие	Гражданские	Всего
Иосиф Сталин	1946 1946	8,3	6,7	около 7,0 около 15,0
Никита Хрущев	1956 1961			20 свыше 20
Леонид Брежнев	1965			свыше 20
Михаил Горбачев	1990			26,6
Борис Ельцин	1995	8,7	17,9	26,6
Владимир Путин	2021* 2023**	11,6 8,6	13,7+11,9=25,6 18,0	37,2 26,6
Муза Клио	2021***	Около 21	10–12	31–33

* По статье В.Р. Мединского в «Дилетанте».

** По новому школьному учебнику истории 2023 г. под редакцией В.Р. Мединского и др. Озвучена на заседании оргкомитета «Победа» 26 августа 2023 г.

*** По Клио (это муза истории) и с учетом ОБД «Мемориал».

18 млн чел., включая липовые 2 млн угнанных остарбайтеров²¹.

P.S. Сенсация! Великая Отечественная 78 лет как закончилась!

А стоит ли вообще копыта ломать — устанавливать и уточнять наши потери?

Мы не только вправе, мы обязаны знать цену нашей Победы. Слишком многое списывается на самый ее факт: «Мы за ценой не постоим!» — мол, победили, и ладушки, все прочее второстепенно. И равнодушие к солдатской смерти перетекает в равнодушные к солдатской жизни, переключившись в актуальные военные доктрины и безграмотные лозунги-кричалки: «Можем повторить!», «Танки грязи не боятся!», «Бабы новых нарожают!».

И оборачивается все тем же (вспомните хоть первую, хоть вторую чеченскую) наплевательским отношением к солдатской личности и судьбе — к его жизни, к его смерти и к его могиле.

Ну и, наконец, есть просто научный интерес, которым дышит любая наука. И историческая в том числе. И демографическая тоже.

Великая Отечественная война, как известно, закончилась в 1945 году, то есть 78 лет назад, но мы до сих пор не знаем точно, сколько жизней она унесла. Когда возникнут подходящие условия, когда откроются все архивы, а ОБД «Мемориал» обработает все учетные материалы и создаст сводный именной регистр безвозвратных боевых потерь, очищенный от дублетов, нас ждут новые открытия. Учеными, занимающимися этой темой, движет не только научный интерес, не только желание обогатить инструментарий исторической и демографической наук, но и гражданский долг по отношению к десяткам миллионов людей, сложившим свои головы ради биологического рождения и физического существования всех нас, ныне живущих.

В обсуждаемом здесь вопросе большие надежды подает ОБД «Мемориал». Системно и методично в него вводятся все новые данные: когда-нибудь они их исчерпают (дно уже видно), и тогда можно будет вычленивать потери с той возможной степенью полноты и корректности, дальше которой уже не продвинуться.

Распахните же, архивы, дайте доизучить себя и ту страшную войну!

Павел Полян

¹ Мультипликационный рисованный фильм Юрия Норштейна, снятый в 1970-е гг. по автобиографическим мотивам и на основе сценария Норштейна и Людмилы Петрушевской в 1970-е гг. (продолжительность — 29 минут, премьера — 5 января 1979 г.). «Лучший анимационный фильм всех времен и народов», по версии Академии киноискусства и Международной ассоциации анимационного кино (Лос-Анджелес, США; 1984).

² Сталин И.В. Доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы 6 ноября 1941 года («Правда». 1941. 7 ноября). Выделено мной.

³ Правда. 1941. 8 ноября.

⁴ Гриф секретности снят: потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование / Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. — М.: Воениздат, 1993. С. 162–169.

⁵ Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. Кн. 2. Ч. 2. М., 1989. С. 26. Работами по этим расчетам руководил демограф Арон Яковлевич Боярский (1906–1985), уцелевший после гонений за проведение переписи населения 1937 г. Судьба же самого вестника столь нехорошей статистики — Вознесенского — была печальна: он был расстрелян по «Ленинградскому делу».

⁶ Большевик. 1946. № 5. С. 3.

⁷ Ср.: «В результате немецкого вторжения Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами, а также благодаря немецкой оккупации и угону советских людей на немецкую каторгу около семи миллионов человек» (Правда. 1946. 14 марта).

⁸ Земсков В.Н. Остается ли дискуссионным вопрос о масштабах людских потерь СССР в 1941–1946 гг.? // Отечественная история. Известия Самарского научного центра РАН. 2015. Т. 17. № 3. С. 115–116.

⁹ Гитлер и Сталин: новый взгляд из архива. Леонид Максименков — о том, как отец народов заботился об имидже фашистской Германии // Огонек. 2018. 3 марта. В Сети: <https://www.kommersant.ru/doc/3558723>

¹⁰ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 33. Д. 2990. Л. 75 (сообщено Д.Д. Богоявленским).

¹¹ См.: Международная жизнь. 1961. № 12. С. 8.

¹² Впрочем, к этому времени в ЦК, по мнению В. Земскова, уже гуляла и другая цифра, добытая демографами балансным путем, — где-то между 26 и 28 млн, но скорее всего, это просто способ, не называя автора, глухо сослаться на статью С. Максудова в парижском журнале *Cahiers du Mond Russe* в 1977 г., т.е. на 12 лет позже юбилея 1965 года.

¹³ Руденко Р.А. Забвению не подлежит // Правда. 1969. 24 марта. С. 4.

¹⁴ Первая научная публикация расчетов состоялась в том же году.

¹⁵ Одновременно она «закрывает» собой фантастическую оценку общих потерь А.И. Кургановым (Кошкиным) в 44 млн чел., сделанную по методологии «от фонаря». Цифру эту подхватил А.И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ», но ведь Старовский докладывал не ему, так что конкурентных оценок у писателя не было. Была и еще одна эмигрантская цифра и по той же методологии: от полковника Калинова — 13,6 млн боевых потерь (чистой воды утка, или фейк — см. о нем в обзоре Б. Соколова в его книге «Цена войны. Людские потери России/СССР в XX–XXI вв.» (М., 2017).

¹⁶ См.: Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах / Под ред. Г.Ф. Кривошеева и А.В. Кирилина.

¹⁷ Ильенков С.А. Память о миллионах павших защитниках Отечества нельзя предать забвению // Военно-исторический архив. 2001. № 7 (22). С. 76–77, 78. См. также: Ильенков С.А., Мухин В.В., Полян П.М. Трофейные немецкие картотеки советских военнопленных как исторический источник // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 147–155.

¹⁸ И упаси бог его цензурировать и корректировать, выводя из массива, например, коллаборантов. Для таких или подобных нештатных случаев необходим комментарий в отдельном поле.

¹⁹ Полян П.М. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине / Предисл. Д. Гранина. М.: РОССПЭН, 2002. С. 154 и 257–259.

²⁰ Мединский В.Р. О каждом пятом // Дилетант. 2021. № 5. См. в Сети: <https://diletant.media/articles/45310540/>

²¹ См.: Мединский В.Р., Торкунов А.В. История России. 1914–1941 годы. Учебник. 10-й класс. Базовый уровень. М., 2021. С. 467–468. Тем удивительней цифра в 13,5 млн гражданских потерь, озвученная Мединским на заседании оргкомитета «Победа» от 26 августа 2023 г. на сайте: <http://kremlin.ru/events/president/news/72197>

Стена и лазейки

КАК БЫЛА УСТРОЕНА
И КАК РАБОТАЛА
ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА СССР

Бюрократические извращения как инструмент обогащения

Если в стране ходят какие-то денежные знаки, то должны быть люди, у которых их много, замечал герой «Золотого тельника» Остап Бендер. Пружиной сюжета романа было столкновение «идейного борца за денежные знаки» обаятельного жулика Остапа Бендера с безжалостным хищником Александром Корейко, сумевшим в 1920-е годы сколотить состояние

в 10 миллионов рублей. Корейко нельзя было назвать простым мошенником — он был дельцом, который ловко использовал особенности советской плановой экономики в своих целях.

Интересно, читали ли Ильф и Петров книгу «Частный капитал в СССР», автором которой был старый большевик Михаил Лурье (псевдоним Ю. Ларин) и в которой экономист и статистик Лурье обобщал результаты Новой экономической политики, возможности которой так лихо использовал Корейко. Судя по всему — читали, потому что авантюры, которые проворачивал Корейко, были очень похожи на комбинации, описанные Лурье:

«...В составе государственного аппарата... был измеряемый всего несколькими десятками тысяч человек круг лиц, которые, сами служа в хозорганах, в то же время организовывали различные предприятия или на имя своих родственников, или даже прямо на свое собственное. А затем перекачивали в эти частные предприятия находившиеся в их распоряжении государственные средства из государственных органов... Это явление было распространено чрезвычайно широко. Можно привести сотни примеров того, как различные ответственные деятели, директора заводов, различных хозяйственных объединений, железных дорог, торговых организаций — государственных и кооперативных — организовывали параллельные лавки, ...магазины, ...общества, ...фирмы, которые и начинали якобы заниматься поставками и подрядами на государственные органы. ... Но все это они выполняли путем прямой передачи в порядке злоупотреблений создаваемым ими частным учреждениям тех средств, которые находились в их распоряжении по службе в советских учреждениях.

...Например, служащие Ленинградского военного порта вошли в соглашение с организованной для этого частной конторой «Заводопомощь» и украли из порта 200 тыс. пудов мазута, который и вывезли рядом поездов и цистерн и передали в распоряжение конторы. А «Заводопомощь» продала из них 50 тыс. пудов Ижорскому заводу и остальное — другим госорганам, нуждающимся в мазуте. Таких примеров... можно было бы набрать тысячи».

Перечисляя и классифицируя различные варианты хозяйственных комбинаций, Лурье отделял нормальные коммерческие операции от присвоения государственных средств:

«Под «нормальной» коммерческой операцией имею в виду такую, когда частный предприниматель, хотя и наживается, но продает что-либо действительно ему принадлежавшее или покупает действительно за свой счет и т.п. В приведенных же случаях речь идет о передвижении на деле государственных фондов, лишь обманно

Дмитрий Прокофьев

выдаваемых за частные благодаря сидящим в госаппаратах служащим, на деле являющимся частными предпринимателями...»

«...буржуазия, которая действовала в первый период нэпа, вступила в этот нэп почти что с голыми руками, ...часто почти ничего не имея за душой, кроме своей предприимчивости, кроме связей в различных советских учреждениях, кроме готовности идти на всякое преступление ради обогащения. То обстоятельство, что она имела возможность достичь на этих путях довольно больших, как мы увидим, успехов, объясняется, разумеется, не в малой мере и общеизвестным пороком нашего государственного аппарата.

Иначе сказать — теми бюрократическими извращениями, наличие которых давала и иногда еще и теперь дает возможность на хозяйственном фронте частному дельцу превращать госорганы в орудия и средства своего обогащения...»

О каких же бюрократических извращениях на хозяйственном фронте могла в данном случае идти речь? В эту тему Лурье не стал углубляться — читателям его книги все было понятно и так.

Рынок вместо плана

Ровно полвека спустя, на самом пике «развитого социализма», советский и американский экономист Арон Каценелинбойген прямым текстом объяснил ключевую причину того, что Михаил Лурье считал «бюрократическими извращениями»

До эмиграции в США профессор Каценелинбойген руководил отделом комплексных систем в Центральном экономико-математическом институте (ЦЭМИ). Сферой его научных интересов были вопросы материального стимулирования и экономические проблемы автоматизации.

В 1977 году в статье «Цветные рынки и советская экономика» Арон Каценелинбойген заявил, что «экономика

СССР» на самом деле представляет собой «совокупность рынков», реализующих и дополняющих централизованный механизм планового управления, и предложил подробную классификацию рыночных отношений в якобы тотально планируемом советском хозяйстве — от «красного» рынка к «черному».

«Система планирования в СССР построена во многом на принципе «силовой игры», объяснял профессор Каценелинбойген.

По всей вертикали, начиная с Госплана и кончая рабочим местом, идет борьба между управляющими и управляемыми за назначение плана. Управляемые пытаются получить как можно меньший план по выпуску продукции и как можно больше включить в план затрат.

Таким образом действующая в СССР система планирования порождала избыток и нехватку отдельных ресурсов. Искусство участников советской экономической системы и заключалось в том, чтобы обменять имеющиеся у них резервные излишки на недостающие.

«К примеру, звонит начальник отдела снабжения данного завода своему знакомому начальнику отдела снабжения другого завода и спрашивает его: «Иван Петрович, нет ли у тебя такого профиля металла тонн этак 10?» На что Иван Петрович отвечает: «Дорогой Евсей Абрамович, конечно, для тебя найдется. Но что дашь мне взамен? Есть ли у тебя, скажем, подшипники такого диаметра?» В ответ следует: «У меня их нет, но я попытаюсь узнать у Виктора Иосифовича и перезвоню тебе».

Это перераспределение осуществляется по подобию рыночного механизма...» — делал вывод профессор Каценелинбойген.

Tolkachi

Оценить масштабы полуформальных процессов снабжения можно, обратившись к докладу «Феномен «толкачей» в советской экономике во второй половине XX в.» экономиста Константина Гулина (Вологодский государственный университет), представленного на XXII Апрельской международной научной конференции НИУ ВШЭ.

В научной литературе термин «толкачи» появился в 1952 году, когда американские социологи, беседуя с так называемыми «перемещенными лицами» из СССР, узнали о феномене «толкачей» — «полутеневых» агентов по снабжению (supply expeditors). Толкачи были призваны обеспечивать и ускорять поставки на предприятия материалов, сырья, комплектующих.

Толкачи были одним из важнейших элементов неформальных хозяйственных связей в сфере распределения и товарного обмена. Их деятельность позволяла поддерживать относительную устойчивость общественного производства в условиях дефицита материальных ресурсов. Одновременно деятельность толкачей позволяла поддерживать мнимую устойчивость советской экономической системы, избегая ее реформирования.

По данным Константина Гулина, к концу 1970-х годов к деятельности толкачей были причастны десятки тысяч человек... Так, по результатам проверки на 33 предприятиях, проведенной в 1976–1977 годах Комитетом народного контроля СМ СССР, выяснилось, что на эти производства тогда приезжали более 204 тысяч человек, причем 70% из них направлялись по вопросам отгрузки сырья, материалов, запасных частей, комплектующих и готовой продукции. За шесть месяцев Горьковский автомобильный завод посетили 34,6 тысячи человек.

От «красного» до «черного»

Однако, писал профессор Каценелинбойген, «другая экономика» в СССР — это более сложное явление, чем организация обмена дефицитными ресурсами между руководителями предприятий, занятыми выполнением плана.

Власти в СССР, объяснял профессор, отдают себе отчет в происходящем в стране и сознательно используют рыночные отношения там, где нужно компенсировать издержки от ошибок произвольного централизованного планирования. А инструментом управления рыночными рисками служит сложная система поощрений и наказаний. Соответственно, степень легальности («цвет») того или иного рынка измеряется мерой поощрения или наказания участвующих в нем людей.

К «легальным рынкам» Каценелинбойген относил «красный рынок» государственной продажи потребительских товаров и «розовый рынок» государственной комиссионной торговли. К «легальным рынкам» в классификации Каценелинбойгена принадлежал и «белый рынок», в рамках которого власти разрешали людям продавать продукты своего труда самостоятельно.

А вот полулегальный «серый рынок» был «рынком по продаже легальных товаров и услуг, полученных из легальных источников, но осуществляемый в нелегальной форме». К этому рынку относились сдаваемые в аренду квартиры, уроки репетиторов, услуги по ремонту и т.п.

«Серым рынком» был и рынок «перераспределения ресурсов между хозяйственными ячейками», производный от плановой системы.

Почему власти закрывали глаза на существование таких рынков?

Потому что издержки от их функционирования для государственной системы управления экономикой были невелики, зато помогали компенсировать провалы официального, «красного» рынка, объяснял Каценелинбойген.

Нелегальные рынки Каценелинбойген делил на «коричневый» и «черный».

К «коричневым» рынкам относились рынки легальных, но дефицитных товаров, которые трудно было приобрести по государственным ценам, — одежда, ковры, импортная мебель, холодильники, легковые автомобили, стройматериалы и т.п. Ну а те, кто не хотел стоять в очереди, могли приобрести такие товары по «завышенной цене» у тех, кто имел к ним доступ без очереди.

Настоящим «черным рынком» Каценелинбойген называл рынок, участие в котором считалось уголовным преступлением. А структуру «черного рынка» он рассматривал с точки зрения меры легальности обращающихся на нем товаров.

Часть товаров в СССР (иностранная валюта, наркотики) не могли быть объектом купли-продажи для частных лиц, и их оборот был нелегальным по определению. Разумеется, «черным рынком» был и рынок товаров, украденных на предприятиях или в магазинах.

Но ключевым элементом «черного рынка» были товары, нелегально произведенные на государственных предприятиях. Действующая в СССР система планирования позволяла предприятиям накапливать резервы, которые могли быть использованы как в целях выполнения плана, так и для производства продукции. Эта продукция, в конечном счете, шла потребителям — правда, деньги за нее получали руководители и работники предприятия. Вот за это санкции были предусмотрены очень жесткие — вплоть до расстрела.

Стена и лазейки

Другим опасным бизнесом была спекуляция в крупных масштабах — дефицитные товары, поступившие в магазин, выкупались, а потом перепродавались с наценкой от 40 до 100 процентов к официальной цене товара. За это тоже наказывали серьезно.

Какую долю «вторая экономика» занимала по отношению к официальной?

Как писала экономист Татьяна Корягина в своей знаменитой статье «Теневая экономика в СССР» («Вопросы экономики», 1990, № 3), доля теневого сектора советской экономики к исходу 1970-х годов составляла 30% ВВП, в нем было занято 18–20% всей рабочей силы, а уровень доходов в 8–10 раз превышал средний доход по стране. Легальная, но скрытая от государства экономика, заключающаяся в работе на частных участках, занимала около 10% рабочего времени в экономике СССР. К концу 70-х годов 30% всех доходов населения были получены за счет теневой экономики.

В то же время такой авторитетный исследователь, как Гирш Ханин, в своей фундаментальной работе «Экономическая история России в новейшее время» (Новосибирск, гос. техн. ун-т. — Новосибирск, 2008) более сдержан в оценке масштабов теневого сектора экономики СССР.

Надежных данных, позволяющих оценить долю теневой экономики в ВВП

СССР, нет, подчеркивает Ханин. Что касается динамики этой доли, то несомненно ее нарастание. В конце 70-х годов она охватила уже подавляющее большинство районов СССР и большинство отраслей экономики, хотя и в разной степени.

Вывод западных экономистов, в частности Грегори Гроссмана, который ввел в научный оборот термин «вторая экономика», состоял в том, что доля теневой экономики в конце 70-х годов составляла по отношению к ВВП 7–8%. На эту (или большую) величину необходимо увеличить официальные оценки советского ВВП этого периода, подчеркивал Гирш Ханин. Однако дать более обоснованную оценку не представляется возможным.

Советские миллионеры

Но Гирш Ханин обращает внимание на другое важное обстоятельство. Теневая экономика в широком смысле явилась мощным средством в перераспределении доходов в пользу занятых в ней лиц. Благодаря этому в СССР сформировалась многочисленная категория богатых людей, зачастую «советских миллионеров».

В докладной записке правления Гострудсберкасс СССР от 7 марта 1973 года

(15-й архивный выпуск ЦБ РФ «Вопросы денежного обращения») говорится:

«К началу 1972 года из общего остатка сбережений на вклады свыше 1000 рублей приходилось 34,9 млрд рублей, или 65,6%. Вкладчиков, имевших такие сбережения, насчитывалось 17,1 млн или 20,2% от общего их количества». (1000 рублей в 1972 году — это было восемь-девять средних ежемесячных зарплат по стране.)

А в докладной записке от 4 февраля 1970 года подчеркивалось, что:

«Держателями вкладов является сравнительно небольшая часть населения, имеющая повышенные доходы... у отдельных групп населения, в частности у лиц с высокими заработками, а также у лиц, имеющих нетрудовые доходы от спекуляции, хищений, перепродажи товаров, сосредоточены крупные суммы наличных денег».

«Кооператив нищих»

Как теневая экономка влияла на экономику СССР в целом? Советские ученые-экономисты долгое время не замечали этот феномен или им не разрешали его обсуждать, пишет Гирш Ханин. Но к настоящему моменту в научной литературе сложились две точки зрения по этому вопросу.

Согласно первой из них, теневая экономика играла скорее негативную роль, так как дезорганизовывала советскую «плановую» экономику. Хотя сторонники этой точки зрения и признают, что спрос на товары и услуги теневой экономики был вызван недостатками советского планирования.

Сторонники другой точки зрения настаивают, что теневая экономика оказывала благотворное влияние на советскую экономику, благодаря своей гибкости поддерживая ее существование.

В 1982 году экономист Лев Тимофеев опубликовал (разумеется, не в СССР) серию очерков «Технология черного рынка, или Крестьянское искусство голодать». В этой книге он очень ярко описал процесс взаимодействия легальной и нелегальной экономики:

«Чем дольше длится относительно спокойное время вне войны, революций и массовых репрессий, тем четче наша социально-экономическая система проявляется как чудовищных размеров и размахов черный рынок...»

Иногда кажется, что черный рынок — все это искусство дышать в петле запретов и ограничений, вся эта простодушная хитрость, этот кооператив нищих — нами придуман, что мы тут обманули советскую власть: нам — колхоз, а мы приусадебное

хозяйство; нам — дефицит и распределение по талонам, а мы — взятку и товары через заднюю дверь; ... нам — бесплатно плохого врача в конце длинной очереди больных, а мы — с подарком и без очереди к хорошему...

Словчили? Дудки! Когда надо, власти и приусадебное хозяйство прижмут запретами и налогами (так было!), ...и за подарки врачу сроки давать будут.

Раз терпят, значит, всем выгодно. Раз терпят, значит, без этого и власти не удержатся. Нас тут отпустили слегка, чтоб вовсе не примерли, но на вожжах держат.

Черный рынок — не лазейка, не потайная дверца в стене, которую мы хитро пробрили. Черный рынок — и лазейка, и сама стена...»

Но как могли выглядеть такие лазейки в стенах? Характерные примеры можно увидеть в советских детективных фильмах, большинство которых было посвящено разоблачению махинаций различных дельцов теневой экономики.

В 1987 году в СССР вышел фильм «Разорванный круг», последняя картина Вениамина Дормана, знаменитого советского детективщика.

Фильм был, как тогда говорили, про «советскую мафию».

Пружина сюжета — частное расследование, которое устроили сотрудники швейной фабрики, — убит ее директор, и его доверенные люди знают, что из его квартиры похитили 50 тысяч рублей. И начинают выяснять — кто мог это сделать?

А откуда деньги?

От «расхищения социалистической собственности», которое руководители фабрики и организовали.

Но самое интересное, что, по большому счету, никто ничего у государства не крал.

Государство в любом случае свое получило.

Просто технолог фабрики придумал, как из куска ткани выкроить четыре рубашки вместо трех, а реализовать «дополнительную продукцию» было «делом техники».

Но почему за такие изобретения советская власть наказывала строже, чем за убийства?

В фильме есть такая фраза: «Раньше вы рубли «до полочки» сшибали, а теперь сотен не считаете!»

Дело было не в «хищениях».

Такие предприятия разрушали монополию власти на установление цены труда.

И этого власть не простила.

Деятельность подпольного производителя товаров, по мнению власти, представляла угрозу — и не просто потому, что позволяла заработать большие деньги, а потому, что подрывала монополию влас-

ти на установление цены на труд: «В СССР нет механизма борьбы за увеличение зарплаты», писал Каценелинбойген, а деятельность «предпринимателей», в сущности, и формирует такой механизм, чего власти допустить не могут.

Монопольная возможность установления цены труда — вот что было главным рычагом управления экономикой СССР.

Именно об этом и писал Лев Тимофеев, рассуждая о том, как власть толкает людей в «черный рынок», потому что не хочет платить на «красном рынке»:

«Вот где начинается «черный рынок»! ... С того, что крестьянина вынуждают продавать обществу свой сверхурочный труд, тогда как его труд в колхозе попросту отнимается почти задаром... Вот где самая главная «купля/продажа» на черном рынке: не морковь продается..., но труд и жизнь крестьянина...»

И промышленный рабочий или строитель за восемь часов ежедневного труда, оплаченного по существующим расценкам, не может заработать достаточно, чтобы прокормить семью и существовать самому. Чтобы купить мясо через заднюю дверь магазина или сапоги у спекулянта, он вынужден оставаться в цеху сверхурочно или, выйдя из цеха, искать заработок на стороне...» — писал Лев Тимофеев.

Таким образом, «вторая экономика» в СССР представляла собой своеобразный социальный и экономический демпфер — не имея возможности выполнить свои обязательства о скором построении общества всеобщего благосостояния и изобилия, власть вынуждена была до определенной границы закрывать глаза на то, как люди самостоятельно решают свои материальные проблемы, балансируя на границе легальных и нелегальных рынков.

Собственно, суть этого негласного общественного договора была выражена в хлестком анекдоте о шести парадоксах социализма: «Нет безработицы, но никто не работает. Никто не работает, но план выполняется. План выполняется, но в магазинах ничего нет. В магазинах ничего нет, но все всё достают. Все всё достают, но все всем недовольны. Все всем недовольны, но все голосуют «за!».

Однако акулы «второй экономики» могли жить только в океане системы централизованного распределения, компенсируя ее ошибки. И не случайно практически никто из королей подпольных рынков в СССР не смог повторить свои успехи в системе, сложившейся после распада СССР. Но это уже другая история.

Дмитрий Прокофьев

Gettyimages

Хартия отрешенных

ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ ДИССИДЕНТЫ СТАВИЛИ
БОРЬБУ ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА ВЫШЕ
БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ. И ПОБЕДИЛИ

Окна пражской общаги Карлова университета, где я учился на журфаке во второй половине 70-х, выходили на Бржевновское кладбище при монастыре монахов-бенедиктинцев. Нас, студентов, больше интересовал запущенный монастырский сад, отделявший общежитие от погоста (диалектика!). В саду, среди деревьев, можно было легко укрыться от посторонних глаз с доверчивыми подружками из расположенного по соседству женского общежития (наши жилища были разде-

лены по гендерному принципу). Жизнь в корпусах текла плавно. Но однажды...

«Паточку хоронят!!!» — проорал на весь этаж мой сосед Иржи Грабовский. Никто толком не понял: кого хоронят-то? А фрондирующий Иржи знал: хоронили философа Яна Паточку. Шел, как пишут в скверных романах, 1977 год — год «выхода на авансцену» Хартии-77, диссидентского движения чешских интеллектуалов, которых коммунистическая власть, сидевшая на оккупационных штыках образца 68-го, боялась больше, чем всех «подрывных радиоголосов», вместе взятых.

Ян Паточка «принимал роды» Хартии. Его имя опасались произносить даже в кругу близких людей. На всякий случай...

Бржевновское кладбище

Чешский философ и правозащитник Ян Паточка изучал философию, славянскую и романскую филологию в Карловом университете, получил степень доктора наук в 1931 году, затем учился в Париже, Берлине

Виталий Ярошевский

и Фрайбурге, где встретился с Мартином Хайдеггером.

В 1934 году вернулся в Чехословакию, преподавал, переводил Гегеля и Шеллинга. В 1944-м нацисты бросили Паточку в тюрьму.

Вместе с Вацлавом Гавелом, Зденеком Млынаржем, Иржи Гаеком и Павлом Когоутом «в первых рядах» подписал правозащитный манифест «Хартия-77». Это было в январе. А 3 марта его задержали. Допрос в полиции длился 11 часов. Умер от кровоизлияния в мозг 13 марта 1977 года. Весна, не успев начаться, пахнула могильным холодом...

Яна Паточку похоронили на Бржевновском кладбище в Праге. Неподалеку — могила Карела Крыла, «поэта с гитарой», которого чехи сравнивали с Владимиром Высоцким и Бобом Диланом.

В 1969 году в марте вышел дебютный альбом Крыла «Братишка, закрывай ворота!». Заглавная песня была написана в ночь на 21 августа 68-го — в ночь вторжения. В январе 1969 года Крыл пел на концертах памяти студента Карлова университета Яна Палаха, совершившего акт самосожжения в знак протеста против советской оккупации. В годы «нормализации» (1969–1989) жил в Германии, работал в редакции радиостанции «Свободная Европа».

Ян Паточка

30 ноября 1989 года Крыл вернулся домой. Концерты после двадцатилетнего перерыва прошли с аншлагом.

Первый раз «живьем» я услышал его в ноябре 1989-го на Вацлавской площади

при огромном стечении народа. Помню, как свободно пела площадь под гитару Крыла, какой решимости была полна, каких надежд...

Он умер в Мюнхене 3 марта 1994 года — сердечный приступ. Прощались в Праге. С последним поклоном пришли четыре тысячи человек.

«Кто посещает наше старое кладбище на склоне холма, возвращает себе умиротворение», — писал поэт Ярослав Сейферт, первый и единственный чешский лауреат Нобелевской премии по литературе. Он прожил в пражском районе Бржевнов 48 лет.

В 1920-е годы Сейферт — один из лидеров чешского авангарда. Как и многие соратники по «левому фронту», связывал надежды на «светлое будущее человечества» с Советским Союзом. А в 1929-м вышел из КПЧ в знак протеста против «сталинского стиля» руководства.

В 1968 году возглавил Союз писателей Чехословакии. В 1977-м подписал Хартию.

Хартисты

После Бархатной революции в архивах чехословацкой госбезопасности были обнаружены отчеты о подготовке операции «Норберт». Это был план интернирования «враждебных элементов» в случае «чрезвычайной ситуации». Документы датированы 1987 годом. Хартии к этому времени исполнилось 10 лет, а «нормализатора» Густава Гусака на посту генсека ЦК КПЧ сменил бесцветный партаппаратчик Милош Якеш. До Бархатной революции оставалось два года — рукой подать.

В СССР меж тем бушевала перестройка, ее волны накатывались на ЧССР и подмывали «основы». В тихом чехословацком «омуте» все закипело, и в этом кипении неожиданно растворилась всеобщая апатия. И чем усерднее власть пыталась вытеснить на обочину общественного интереса независимые инициативы, тем решительнее они создавали альтернативное пространство. Диссиденты назвали это явление «островками позитивного отклонения». Первый раз явление заявило о себе в начале 80-х.

Ежегодно в июле, на «берегах» лесного пруда, в заброшенном пионерском лагере (два деревянных дома) близ южночешской деревеньки Горносин собиралась компания молодых людей — с детьми и собаками. Жили в палатках. За несколько лет группа из сотни душ превратилась в «биржу» для обмена самиздатом, петициями и письмами протеста.

Одновременно обрели дыхание другие неформальные инициативы — например, движение католиков-мирян. Их петицию за отделение церкви от государства подписали более 600 тысяч верующих. Лидер движения Аугустин Навратил «по этому поводу» был помещен в психбольницу.

И все они (см. выше) поддерживали Хартию-77, которая появилась на свет 6 января 1977 года. В этом манифесте было сформулировано кредо чехословацких правозащитников: политика вторична, первичны — права человека.

Возглавили движение «Хартия-77» философ Ян Паточка, драматург Вацлав Гавел, политик Иржи Гайек.

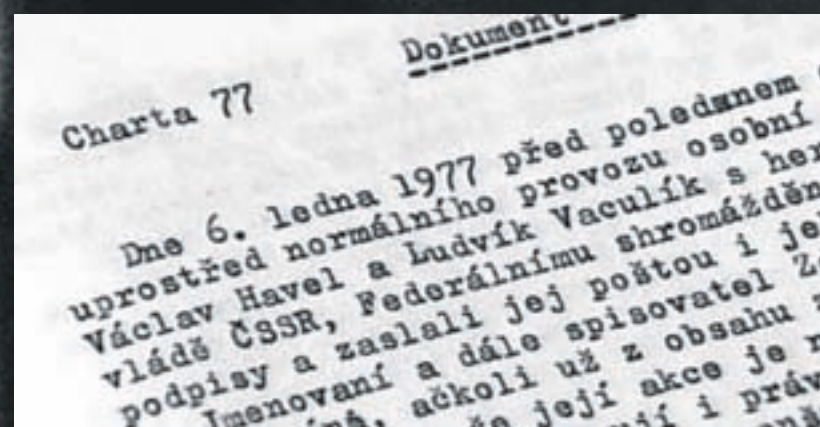
Гайек в 1968 году занимал пост министра иностранных дел ЧССР. В августе с трибуны ООН он назвал «интернациональную помощь» (вторжение в Чехословакию войск Варшавского договора) «оккупацией». И в этом же году Гавела уволили из театра.

В январе 1977-го генеральный прокурор ЧССР заявил, что Хартия призывает к «антиконституционной деятельности, подрывающей социалистический строй». Гавела и других активистов спустя два месяца арестовали. К тому времени Хартию подписали 240 человек. К началу апреля каждый третий подписант был уволен с работы или обвинен в преступлениях против республики.

Гавела приговорили к 14 месяцам заключения условно.

Но диссиденты и не думали сдаваться. В апреле 1978-го Гавел объявил о создании «Комитета защиты несправедливо преследуемых» (VONS). Ответ власти не заставил себя ждать: уже в 1979 году многие сторонники этой правозащитной организации были обвинены в попытке свержения существующего строя и арестованы. Был арестован друг Гавела, чешский поэт и музыкант Иван Мартин Ироус (по статье «преступления против социализма»). Он подписал Хартию и играл в запрещенной рок-группе The Plastic People of the Universe. Кумирами чешских музыкантов были Фрэнк Заппа и the Velvet Underground. Идеологические соглядатаи считали их «стиль» опасным для сонного чехословацкого общества, потому что он обещал свободу и побеждал страх...

Хартия отрешенных

Гавел и другие

«Вступление в спор с властями в нашей стране означает, что помимо меня лично в этом участвует вся моя семья до третьего поколения и все мои друзья, которые не успели публично от меня откреститься», — писал знаменитый хартист, католический активист и математик Вацлав Бенда.

Власть их отрешала не только от общества, но и от самой жизни. Тщетно! Не отступая и не сдаваясь, чешские диссиденты сознательно уходили на «обочину бытия», где легче было затеряться в повседневности. Работали кочегарами или уборщицами, как писательница Петрушка Шустрова, мыли окна, как кардинал пражский Милослав Волк. Архиепископ рассказывал, что в промежутках между мытьем витрин исповедовал верующих в каком-то дворе, сидя на перевернутом ведре.

И вообще чешская оппозиция жила по «законам» большой семьи. В Праге это был архипелаг из нескольких десятков квартир, которые служили местом встреч и пристанищем для всех, кто нуждался в тепле и убежище.

Неудивительно поэтому, что чешский путь к свободе — это, в том числе, истории сильных женщин. Анна Шабатова, например, была инициатором польско-чешских диссидентских встреч. Летом 1978 года на границе Польши и Чехословакии встретились лидеры польского Комитета защиты рабочих (KOR) и Хартии-77 — Яцек Куронь и Вацлав Гавел.

Но и «охранка» не дремала. В сентябре 1978 года правозащитники сообщили о деле писателя Иржи Груши. Поводом для ареста стала публикация в Канаде его романа «Вопросник». Важно: именно арест Груши и разгон группы The Plastic People of the Universe в сентябре 1976 года подтолкнул чехословацких диссидентов к созданию Хартии.

Иржи Груша был арестован по обвинению в «разжигании ненависти и подстрекательстве к враждебным действиям». В ноябре 1978-го освобожден и вскоре эмигрировал в Канаду.

С его уголовным делом был связан арест другого диссидента, Павла Рубалу. Инженер по образованию, он смонтировал в своей квартире несколько печатных станков. На них печатали запрещенные

книги, в том числе роман «Вопросник». Подпольное издательство полиция обнаружила во время массовых обысков в Праге накануне визита Брежнева летом 1978 года. Рубалу обвинили в подстрекательстве к враждебным действиям.

В декабре 1978-го были отправлены за решетку агроном Алеш Махачек и физик-ядерщик Владимир Лаштувка, подписавшие Хартию. Ученых осудили на три с половиной года, обвинив в подготовке мятежа. После освобождения в 1980 году Махачека выслали из страны, а Лаштувка остался и «ушел в кочегары».

В сентябре 1979 года Чехословакию накрыла очередная волна обысков. Были арестованы 11 католических священников — за производство и распространение религиозной литературы. Священников приговорили к различным срокам тюремного заключения — от 20 месяцев до трех лет.

19 мая 1979 года были вновь арестованы 10 руководителей «Комитета защиты несправедливо преследуемых» (VONS). После нескольких обращений правозащитников к руководителям ЧССР власти освободили четверых. В октябре шестеро оставшихся, в их числе Вацлав Гавел, были

осуждены по обвинению в подрывной деятельности. Только в 1983 году, когда здоровье Гавела, приговоренного к четырем с половиной годам тюрьмы, серьезно ухудшилось, его поместили под домашний арест.

**Вспоминает Ян УРБАН,
один из лидеров Хартии-77:**

«Нас, разношерстных хартистов, — либералов, католиков, интеллектуалов, левых радикалов — объединял общий враг. Но никто не верил в скорое падение режима, в чем была наша слабость. Мы не знали, чего хотим, и в этом смысле не были политической оппозицией. Хартия скорее занималась правозащитной деятельностью: сочиняла петиции, мониторила проделки власти, была таким зеркалом для тоталитарной системы. Кого по-настоящему боялся режим — так это бывших коммунистов времен Пражской весны, которые в феврале 1989 года объединились под крышей клуба за социалистическую перестройку «Возрождение» и объявили себя приверженцами Горбачева.

Сам Горбачев приехал в Прагу в 1988 году. Наши ястребы его атаковали: тут у нас социализм рухнет, а вы молчите... На упреки Горбачев отвечал в том духе, что происходящее в стране — внутреннее дело чехов и словаков, и вообще надо искать возможности для диалога с оппозицией, таково требование времени. Содержание перепалки просочилось за стены Пражского Града. Для диссидентов это был глоток воздуха и ясный сигнал: надо действовать. А как?

В ноябре 1989 года я написал аналитическую записку о том, что мы малоактивны, что у нас нет контактов с рабочими и студентами, и надо это как-то менять. Я предложил пошаговый план действий — вплоть до очередных парламентских выборов в июне 1991 года. Я настаивал, чтобы в каждом избирательном округе был кандидат от Хартии, любой ценой. 15 ноября состоялась встреча шести наиболее влиятельных хартистов, в ней участвовал и Гавел, естественно. Мои предложения были отвергнуты единогласно: слишком рискованные, наивные и бессмысленные. Не подумайте, что мои товарищи испытывали страх, скорее это была интеллектуальная недостаточность, неразвитое воображение. Я в свое время опросил 40 активистов Хартии-77, и мой главный вопрос был такой: можете вспомнить хотя бы одну нашу встречу, на которой бы говорилось о том, чего мы хотим вместо коммунизма? Ни один не вспомнил.

С другой стороны, нельзя забывать, что мы жили в политическом гетто и действительно не видели «света в конце тоннеля». Например, моим единственным страстным желанием было причинить как можно больше вреда режиму, а дальше — как получится. Показательный пример нашего самочувствия в то время: самиздатовскую книгу Гавела «Сила бессиль-

ных» здесь восприняли как призыв к пассивности — мол, правда и нравственность все равно победят, поэтому достаточно жить по правде, остальное как-то само произойдет. А поляки вычитали в ней призыв к активному сопротивлению: жить по правде для них означало сплотиться и противостоять режиму. Один из лидеров «Солидарности» — Збигнев Буяк — так и написал в предисловии к польскому изданию «Силы бессильных»: «Для нас эта книга была как сигнальная труба, которая зовет в атаку...»

У нас же никакого плана «атаки» не было, и режим стоял как утес. Его легитимность держалась на советских танках «образца 68-го года». И стоило Горбачеву отобрать эту легитимность, как старцы из президиума ЦК КПЧ запаниковали, но из танков не вылезли. А мы не знали, как их оттуда выкурить. Задумайтесь: за два дня до выступления студентов диссиденты не знали, как отодвинуть коммунистов от власти, хотя ясно понимали — дальше так продолжаться не может. Это был не политический бунт, это был бунт характеров.

В августе мне позвонил Адам Михник: «Хочу приехать в Прагу». Я ему говорю: «Тебя сюда не пустят». Он рассмеялся: «Послушай, мы же победили на выборах, у меня дипломатический паспорт». В Праге Адам хотел увидеть Вацлавскую площадь. Мы по ней гуляли в сопровождении восьми агентов госбезопасности. Вид у площади был еще тот: на каждом фонарном столбе светились красные звезды, стены — в коммунистических лозунгах типа «С Советским Союзом на вечные времена...». Адам, глядя на этот паноптикум, хохотал до слез. И вдруг сказал: «Спорим, года не пройдет, и ни одной красной звезды здесь не будет». Я ответил: «Прага — не Варшава». Он возразил резко: «Неужели ты не видишь — всё, конец!» Через четыре месяца мы пришли к власти».

Многие узники совести после Бархатной революции ноября 89-го заняли высокие государственные посты. Вацлав Гавел до 1993 года был президентом Чехословакии, а после ее распада — первым президентом Чехии. Иржи Гайек с 1990 по 1992 год работал советником председателя Федерального собрания Александра Дубчека. Писатель Иржи Груша с 1990 года служил послом в ФРГ, с 1997 года — министром образования Чехии, а с 1998 по 2004 год был послом в Австрии. Петрушка Шустрова стала заместителем министра внутренних дел, руководила люстрацией сотрудников бывшей службы госбезопасности (СТБ), отвечала за декоммунизацию Чехословакии.

**Из моей беседы
с Петрушкой ШУСТРОВОЙ,
октябрь 1991 года:**

«Федеральное министерство внутренних дел после его вывода из-под контроля

компартии считало своей важнейшей задачей ликвидацию структур госбезопасности (СТБ) — тайной службы, которая работала против собственных граждан. Для этого были созданы проверочные комиссии. Они проверяли каждого сотрудника тайной полиции. Следующая стадия проверки — так называемые гражданские комиссии. Они, в свою очередь, выносили вердикт, может ли сотрудник контрразведки выполнять и дальше свои обязанности в системе нового МВД.

В общей сложности в штате тайной полиции насчитывалось приблизительно семь тысяч сотрудников. Думаю, мы бы добились большего эффекта, если бы уволили их всех сразу, скопом».

В конце 70-х в Чехословакии началась операция Asanace («Ассенизация»). Ее ход контролировал лично министр внутренних дел ЧССР Яромир Обзина (после смены власти в 1989 году находился под следствием до своей смерти в 2003-м). Цель — заставить диссидентов и вообще не лояльных режиму граждан под угрозой физического насилия уехать из страны.

После оккупации-68, в годы «нормализации» (1969–1989) Чехословакию покинули — вынуждены были покинуть — 300 тысяч человек.

**Площадь начинает
и выигрывает**

Начиная с 1988 года Прагу потряхивало от уличных протестов оппозиции. Они были немногочисленными, но организованными и яростными — как и реакция коммунистической власти: водометы, дубинки, задержания, аресты... Скорый на руку суд, сроки, посадки...

1989-й начался с «Недели Палача». Студент философского факультета Карлова университета Ян Палах 16 января 1969 года совершил акт самосожжения на Вацлавской площади в центре Праги, протестуя против советской оккупации.

В двадцатую годовщину трагедии оппозиция вывела людей на площадь. Реакция властей была ожидаемо жесткой: например, в феврале Гавела приговорили к девяти месяцам лишения свободы. Но международное давление на Прагу было такой силы, что режим дал слабину, и Гавел оказался на свободе досрочно — в мае. А в июне написал петицию «Несколько фраз». За короткое время ее подписали 40 тысяч человек.

Хартия отрешенных

Оппозиция сформулировала жесткие требования: выпустить на свободу политзаключенных, гарантировать свободу слова, собраний и вероисповедания, отменить статью четвертую Конституции ЧССР о «ведущей роли» компартии, привлечь к уголовной ответственности партийных и государственных руководителей, участвовавших в подготовке вторжения армий Варшавского договора в Чехословакию в августе 1968 года... Разумеется, режим на диалог не пошел, потому что это означало бы его самоликвидацию. Реакция власти была предсказуемой: началось следствие «по делу о петиции». В конце октября оно было передано в суд. И тут произошло невероятное: судьи, «правильно» оценившие обстановку в стране, отказались его рассматривать.

До «проклятой пятницы» оставалось чуть более двух недель...

28 октября, в День образования Чехословакии, силы правопорядка разогнали в Праге студенческую демонстрацию. Вечером 17 ноября студенты вновь вышли протестовать. Колонну демонстрантов (почти пять тысяч человек) блокировали в центре города, на небольшом участке Национального проспекта. Некуда бежать... Спецназ против детей. 19 часов 30 минут пражского времени, пятница.

«Бунтовщикам» предложили разойтись. Примерно половина ушла, оставшиеся сели на мостовую и зажгли свечи.

Операция «Рассеивание» началась в 20 часов 50 минут. На проспект к этому времени были стянуты внушительные силы пражского Корпуса национальной безопасности (629 человек), в том числе «белые каски» (что-то вроде наших «космонавтов»), и полк быстрого реагирования МВД (что-то вроде «краповых беретов», 940 человек).

«Белые каски» построились в «улочку». («Улочку», кстати, «практиковали» эсэсовцы в концлагере Терезин. Насколько мне известно, никто из узников не прошел этот «тоннель» до конца.)

Пражских студентов тоже загоняли в «улочку» и били.

Ложь — «символ веры» нечистоплотных политиков. На следующий день газеты вышли с бодрыми отчетами о неудавшейся попытке нарушить общественный порядок. Телевизор вещал о «подрывных элементах» и «закулисе, которая манипулирует молодежью»... А пражские клиники тем временем принимали «нарушителей порядка»: переломы конечностей, сотрясение мозга, кровоизлияние в брюшную полость, травматический шок...

18 ноября я, корреспондент ТАСС в Праге, пришел на место «рассеивания». Горели свечи, расплавленный воск стекал ручейками на пятна засохшей крови. Случайные прохожие сбивались в кучки, о чем-то быстро переговаривались и шли на Вацлавскую площадь (это недалеко). Там, у памятника Святому Вацлаву, стояли два десятка человек и обращались к изрядной группе зевак: «Не бойтесь, присоединяйтесь...» Зеваки держали дистанцию и присоединяться не спешили. Тогда я не сомневался, что все закончится, не начавшись. Я ошибался. Город взорвался на следующий день — 19 ноября...

Ежедневно я наблюдал, как толпа на Вацлавской площади превращается в грозную силу, а стихия протеста с обвальной скоростью обретает силу гражданского неповиновения.

Я видел, как людей покидал страх, будто им кто-то подсказал, что есть еще и 11-я заповедь — «Не бойся!». 20 ноября на Вацлавской площади было уже 300 тысяч пражан. Кроме привычных революционных лозунгов хлопали на ветру растяжки нового содержания: «Рабочие принимают эстафету из рук студентов» и «Передайте Горби, что Советский Союз наконец-то наш образец» (известное заклинание послевоенного коммунистического президента Клемента Готвальда, «подправленное» демонстрантами). Стихийные митинги с этого дня обрели драматургическую завершенность: ораторов сменяли «запрещенные» барды

и рок-музыканты, музыкантов — артисты... Действо продолжалось недолго — минут 40. После чего народ мирно расходился, чтобы вернуться на следующий день, в это же время. Сценарий написал Вацлав Гавел.

21 ноября он впервые обратился к людям на площади. В этот же день в Прагу вошли отряды Народной милиции («вооруженный кулак партии») числом до 20 тысяч бойцов. И самое тревожное: прошелестел слух, что части Центральной группы советских войск в ЧССР идут на Прагу.

Рассказывает Ян УРБАН:

«Вспоминаю одно из подпольных собраний хартистов — интеллектуалы, католики, бывшие коммунисты, революционная молодежь, даже троцкисты... Человек двадцать, гремучая смесь... Мы кричали, ругались между собой. Все это время — часа три — Гавел сидел молча, склонившись над мусорным ведром, беспрестанно курил и стряхивал в ведро пепел. Потом, когда мы замолкли, наоравшись до темных кругов перед глазами, он взял слово и в течение пяти минут сформулировал то, к чему мы не приблизились даже после трех часов ругани. Гавел предложил готовое коммюнике, которое можно было сразу положить на бумагу. Причем это был документ здравого компромисса, учитывающий разнонаправленность наших взглядов: как поддержать «запрещенных» рок-музыкантов в суде, защищать права цыган, добиваться освобождения политзаключенных... Словом, как действовать тактически.

19 ноября, при большом стечении народа, мы встретились в театре «Чиногерни клуб» в центре Праги. Кто-то крикнул: «Зачем мы вообще нужны, если не можем защитить наших детей?!» Но главный вопрос звучал иначе: что нужно сделать, чтобы их защитить?

Признаюсь, поначалу мы не поспедали за событиями, площадь тащила нас за собой, а должно было быть наоборот: чтобы у толпы появился лидер, чтобы протест прирастал людьми каждый день. С лидером было ясно. А как собрать людей, и жела-

тельно как можно больше, и желательно не только пражан? Никакого интернета, никаких социальных сетей не существовало. Вот тогда мы и придумали «тройки» — актер, диссидент, студент... Актеры были узнаваемы и в провинции; диссидентам было что сказать о целях оппозиции, а студенты знали, на каком языке разговаривать с молодежью. «Тройки» сформировались быстро, и мы начали веером рассылать их по

Эту новость сообщили людям на Вацлавской площади. Я помню, как она выдохнула...»

Вспоминает Ян РУМЛ — активист Хартии-77, после революции — министр внутренних дел республики:

«21 ноября «Гражданский форум» начал переговоры с властью. На первую встречу с председателем правительства Адамцем

Гавел... Главной его особенностью, с моей точки зрения, была нездешняя, бескомпромиссная порядочность. Люди знали, что «этот писатель» их не бросит ни при каких обстоятельствах. И еще они понимали: если Гавел не желает сводить счеты с теми, с кем их следовало бы свести, — значит, так и надо.

24 ноября чрезвычайный пленум ЦК отправил руководство компартии в отставку».

Послесловие

29 ноября 1989 года чехословацкий парламент отменил статью Конституции о ведущей роли компартии; 10 декабря президент Гусак принял присягу нового правительства и покинул Пражский Град; 29 декабря республику возглавил Вацлав Гавел...

«Он заражал народ своим фанатизмом надежды, не смешивая его с ненавистью», — слова, сказанные о другом бунтаре другого века, «сидели» на Гавеле, как отлично сшитый костюм. Хотя костюмы он не жаловал, отдавая предпочтение свитеру и джинсам даже после того, как на исходе 1989 года, сразу после Бархатной революции, вошел в Пражский Град девятым президентом Чехословацкой Республики. Одним из первых распоряжений глава государства установил для чиновников президентской администрации «день в свитерах», который приходился на среду — середину недели, когда люди из «команды» могли отдохнуть от протокола, официоза и бюрократической рутины, но не от работы, конечно. Это не причуда диссидента и писателя-абсурдиста, это потребность дышать в стенах, где, в его понимании, тогда не хватало воздуха.

Из моей беседы с Вацлавом Гавелом:

«Таково уж устройство любого тоталитарного режима: стоит кому-нибудь приоткрыть хотя бы форточку, и в затхлое, задраенное помещение непременно начнет поступать свежий воздух. Кстати, мы это могли наблюдать во времена правления Горбачева».

Из первых хартистов — Паточка, Гавел, Млынарж, Гайек — в живых уже нет никого. С их уходом иссякло время крупных политических фигур. На авансцену суетно выдвинулись игроки, у которых не было биографии. Точнее — судьбы.

Виталий Ярошевский

Горбачев в Праге. 1987 год

республике, предварительно созвонившись с нашими «связниками» в городах и весях, чтобы они заранее определились с местом и временем встреч, подтянули народ.

Вечером 20 ноября я получил достоверные сведения о том, что против гарнизонов Центральной группы войск готовятся провокации. Позвонил в советское посольство, трубку снял дежурный дипломат (посла якобы не было на месте). Я сказал, что [оппозиционное движение] «Гражданский форум» знает о готовящихся провокациях и сделает все, чтобы их предотвратить, но если все-таки что-то случится, то это дело рук госбезопасности. Я попросил передать эту информацию советскому руководству. Часа через два у меня зазвонил телефон, тот же самый дипломат сообщил, что моя информация дошла до адресата, советским частям отдан приказ оставаться в местах дислокации и на провокации не поддаваться. Думаю, этим отдавшим приказ «адресатом» был Верховный главнокомандующий Вооруженными силами СССР Михаил Горбачев.

Гавела не пустила охранка, и он сказал мне: «Иди ты». А я что? Я водитель, который привез его на переговоры. К тому же и в страшном сне мне не могло привидеться, что буду сидеть за одним столом с коммунистами и о чем-то с ними договариваться. Но произошло. Тогда у нас было единственное требование: дайте гарантии, что не будет насилия. Адамец гарантии дал.

В дальнейшем требования оппозиции стали гораздо жестче: освободить политических (мой отец, например, тогда сидел), сформировать коалиционное правительство, провести досрочные выборы президента, ликвидировать «тайную полицию», отменить цензуру, привлечь к уголовной ответственности тех, кто отдал приказ подавить выступление студентов, и тех, кто этот приказ выполнил...

Было интересно наблюдать, как коммунистические начальники начинают торг, но не о «будущем социализма», а о собственной безопасности. Это выглядело примерно так: вот вам свобода, но обеспечьте нам неприкосновенность. Хотя, должен сказать, площадь и не помышляла о мести. К тому же —

СМЫСЛОВАЯ НАГРУЗКА

ГОРБИ
GORBY

Динамика раскола

IN MEMORIAM

ИДЕТ ВОЙНА ХОЛОДНАЯ,
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Нам в «Горби» так и не удалось дождаться от Александра Рубцова, яркого, прозорливого аналитика и нашего друга, обещанного текста, написанного специально для недавно созданного журнала – он тяжело болел. А 8 декабря его не стало. Смириться с тем, что он никогда не станет нашим автором, невозможно. Потому мы решили опубликовать на наших страницах один из его недавних блестящих текстов. Эту статью Саша Рубцов написал в конце февраля 2021 года. Тогда же она была опубликована в «Новой газете». Несмотря на то, что она была создана почти три года назад, ее актуальность поражает.

**Александр
Рубцов**

Когда совпадают предчувствия очень разных людей, этим коллективным интуициям трудно не доверять. Судя по всему, мы и в самом деле «попали в историю» (Дмитрий Травин) — большую и опасную. Одни углубляются в дневники 1917 года, другие перечитывают «Анатомию революции» Крейна Бринтона, хроники гражданских войн, террора и репрессий... Когда не хватает дистанции с настоящим, меняют оптику времени: длинный фокус с сильными диоптриями открывает другие горизонты. Загляните в прошлое — и вы увидите свое будущее.

Петр САРУХАНОВ

Уроки восстаний

Однако надо еще продрасться через дебри оперативной аналитики — социологии цифр, политологии слива и исклю-

зива. Конспирология тем более податлива на провокации. Хватило двух подозрительно своевременных выкриков — партийца и режиссера, чтобы полемическая пурга замела крыши, как никогда за всю историю наблюдений.

В здравом смысле особенно подкупает отчаянная решимость оценок и выводов. Эти упражнения забивают головы потоком «очевидности» с постоянным рефреном «на самом деле». В мелькании мгновенных снимков «истина» опознается до всякого анализа, из уже занятой позиции. Но здравый ум обычно подводит нетвердая память. Разглядывание в упор искажает больше, чем виды через призму исторических параллелей и иносказаний. При всей условности аналитических метафор это строгая техника: она не скрадывает, а проявляет, «иллюминирует» накал конфликтности. С такой подсветкой видно, как страна все более вписывается даже не в «белорусский сценарий», а в куда более рискованную драматургию. Россию давно соблазняют возвратом в осветленный, дезодорированный СССР — без довоенных кошмаров, будто заново рожденный Великой Победой.

Но сейчас активная ретроспекция уходит еще дальше назад, к истории довоенных репрессий и чисток, политических процессов и убийств.

Страну опять наводняют иностранные агенты в самом прямом смысле этой криминализации; повсюду рыщут враги народа и изменники Родины, продавшиеся не тем спецслужбам. Триумфы правления опять вызывают обострение классовой борьбы, саму породу несогласных уничтожающей как класс, который не сдастся.

Считается, что революции 1917 года спровоцировала политическая неповоротливость царизма. Хуже только поворотливость назад — попытки воссоздать в XXI веке «Россию до декабристов», заново воспитав поротое поколение. Но за решимостью «не миндальничать» стоит не столько наступательный порыв, сколько ужас перед собственными паническими атаками. В иллюзиях расчета проступают травмы и страхи, типовые психические защиты. Чистая «психоистория» по Демозу — деструктивная и рискованная, в том числе в плане задач самосохранения режима.

Строго говоря, царизм подвел империю даже не столько к революции, сколько к Гражданской войне, в которой Октябрьский переворот был лишь детонатором. Но побоища с рейдами конармии, тачанками Махно и психическими атаками каппелевцев остались в прошлом. Столыпину нужны были «20 лет покоя, внутреннего и внешнего». Но даже если сейчас просидеть 20 лет на штыках и на

пороховой бочке, мы в итоге и в самом деле «не узнаем нынешней России» — того, что останется. Вялотекущий кризис на фоне подавленного гражданского конфликта убивает не великими потрясениями, но хроникой регулярных. Все как в обычной физиологии: привычно повышенным давлением эта политическая гипертония незаметно разрушает «целевые органы» начиная с мозга и зрения. Сила взаимного отторжения растет по экспоненте, и раскол в данной конфигурации уже выглядит необратимым.

Страна, в которой люди так ненавидят и боятся друг друга, обречена по факту.

Ритуалы и правила

В гражданских конфликтах нет регламента объявления войны, но у нас линия фронта с внешним врагом прочерчена внутри государственной границы. Плацдармы неприятеля, действующего через иностранных агентов, дислоцированы прямо в столицах. Поэтому: на войне *comme a la guerre*. Послы и посольства отозваны, оставлены лишь каналы оперативной коммуникации. Нормальные контакты с оппозицией заморожены до начала переговоров о полной и безоговорочной капитуляции, а это уже вряд ли. В гражданских конфликтах нет писаных норм обращения с мирным населением и пленными. Эти правила и в обычных войнах в основном распространяются на живую силу противника. Со своими даже в мирное время можно не стесняться, будь то маккартизм в США или искоренение диссидентства в СССР. Фабрикация дел, избиения, пытки, карательная психиатрия и моральное издевательство — обычная практика точечного нелетального террора, постепенно переходящего в террор фронтальный и системный, включая летальный. Знаком времени становится слово «концентрация». Уже сейчас сосредоточение «космонавтов» и спецтехники на нынешнем политическом космодроме кратно превышает все прошлые опыты.

Суровый климат и природный гуманизм не позволяют нам держать людей на стадионах, однако если состыковать все эти автозаки, ИВС, КПЗ и пр., мы получим нормальный лагерь с миссией типично концентрационной.

Динамика раскола

Если не хуже: в условиях пандемии иногда хватает и этого сжатия, без газа. Власти по якобы медицинским показаниям запрещают митинги (хотя плотность толпы в них меньше, чем в метро), но непринужденно прессуют людей еще до выяснения меры вины и самой причастности. Убийственный аргумент: сами вышли. Осталось распылять вирус над скоплениями всех не вписавшихся в эпидемиологические запреты. Войны объявляют как прямым текстом, так и знаковыми умолчаниями. «Президента всех россиян» в России больше нет даже в риторике. Теперь предел мечтаний — гордая слава «маршала победы», над своими и безоружными.

История войн...

На этом фоне даже «лихие 90-е» выглядят не так воинственно — при всех известных срывах. Хотя радикалы войну с «оккупационным» и «фашистским» режимом Ельцина тут же объявили «народной» и «священной», симметричного ответа не было. Свободу политического самовыражения Ельцин считал главным завоеванием и ради этого был готов терпеть что угодно. Относительны даже прямые боестолкновения того периода. Эпизод, вошедший в анналы как «расстрел парламента», был именно метафорой, незаметно приобретшей буквальный смысл, как если бы депутатский корпус и в самом деле всем списком поставили к стенке. Но постепенно метафора бессознательно материализуется и начинает восприниматься практически буквально. Танкисты на мосту в 1993-м могли рапортовать, что в ходе съемок триллера с обстрелом Белого дома ни одно депутатское живое существо физически не пострадало. Более того, «расстрелянный» парламент еще долго пил соки из президентской ветви, пока к середине 2010-х парламента в России, по сути, не стало — без всяких расстрелов.

На фоне нынешних реалий иначе выглядит даже постсталинский период. Оппозиция как таковая тогда только отслаивалась и боролась не столько с режимом, сколько с его конкретными деяниями. Одновременно это была борьба с реакцией в самой власти в защиту сил доброй воли, здоровых и прогрессивных. Инакомыслящие философы тоже были марксистами не за страх, а за совесть. Даже фронда пыталась цивилизовать власть через глобальные проблемы.

Петр САРУХАНОВ

Этот парадокс апологетически-критической включенности отличал и культуру. При всех зверствах идеологии и цензуры советское искусство (кино, монументализм и пр.) производило и добротную середину, и подлинные шедевры в конфликтном напряжении, но не в войне с системой. Сейчас разлом проходит одновременно по линии политики и качества. Прикормленный офицоз не может прыгнуть выше широкоформатных аналогов компьютерных игр — побеждалок с мячиками и стрелялок с танками. Монументальная скульптура и вовсе то смешит, то пугает неподготовленных.

И наконец, собственно политика. Уже в зрелом СССР образ внутреннего врага не так культивировали в качестве объяснительного принципа всех бед. Диссидентов удобнее было удалять из расклада как душевнобольных. В долгой истории гражданской войны в России всего XX — начала XXI века был и период деэскалации. Колчак, Врангель или Навальный даже в шутку не могли бы заявить, что их разногласия с властью «чисто стилистические». Еще труднее представить себе нового Сахарова не просто на трибуне Съезда народных депутатов, но и в трансляции центрального телевидения в пикировке с президентом.

...и войны с историей

Во всем этом нет ни капли забывчивой ностальгии по эскимо за 11 копеек. Но надо понимать, что исторические сравнения всегда работают в обе стороны: они правят образы и будущего, и самого прошлого. И это надо контролировать. Дело не в реабилитации игристой советской диктатуры, а в понимании, откуда и куда мы движемся сейчас и как далеко зашли.

Книге Эриха Соловьева «Прошлое толкует нас» не зря предпослан эпитафия из Гельвеция: «Всякая новая мысль — это новое сравнение». Или — удаление старых сравнений. В идеологии умолчание часто важнее того, что говорится. Не зря из нашего идейного обихода напрочь исчезли революции 1905 и 1917 годов, действительно взорвавшие страну и изменившие ход мировой истории. Теперь эта тема токсична, ее боятся и стесняются, хотя подражающая самодержавию власть и пытается спасти себя под лозунгом «Мы пойдем тем же путем!». В отличие от тоталитарного канона, новая свободная Россия методично стирает из коллективной памяти все свя-

занное с борьбой против угнетения и диктатора, с самой историей российской свободы. Народные войны и их вожди признаны идеологически несуществующими. После тотальной зачистки в отечественном пантеоне осталась лишь особая порода реабилитированных злодеев — бывший образцовый греховодник кн. Владимир с политическими садистами Иваном IV и Сталиным. Плюс Махатма Ганди, с которым уже не поговоришь, и это удобно (а то бы он ответил). Зато это история без диссидентства Пушкина, Герцена и Толстого, без европеизма Петра I и Екатерины II, без анархизма Бакунина, марксизма Плеханова и либерализма Б.Н. Чичерина... XX век России вообще без Ленина — это смело!

Диагноз тот же: страх перед будущим вытесняет из оперативной памяти все о дворцовых интригах и переворотах, подушках и табакерках, о революциях и гражданских войнах, о внутренних репрессиях и номенклатурных чистках, выборочных и секторальных. Забыть, чтобы больше не случилось в кошмарах как вновь случившееся. И не подсказывало лишнее кому попало.

По тем же причинам из политической памяти вытесняются хрущевская оттепель и даже умеренность брежневского застоя, антикоррупционный дух андроповщины, горбачевские ускорения, перестройки с перезагрузками и разрядками. Исчезла нормальная аналитика реформ 90-х, сама память о небывалой в биографии страны ельцинской свободе. Зачищаются даже старты институциональных реформ начала 2000-х, лозунги модернизации и «смены вектора». Не вышло в идеологии с махровым традиционализмом и агрессивной моралистикой... и уже пора искать достойную смену нанотехнологиям, искусственному интеллекту и поголовной цифровизации.

«Унесенные нефтью». Гражданский мир как неподвижность

Все эти начинания и провалы, затмения и просветления выглядят так, как если бы идеология официоза постоянно находилась в состоянии войны с самой собой. Диалектика «отрицания отрицания» воспринята буквально, как руководство к действию. Но срабатывает и другое правило: вычеркнутые слова остаются. Или так: пытаться забыть человека, которого ты знал, равносильно тому, чтобы вспомнить человека, которого ты никогда не видел. Отсюда это ощущение идеологической шизофрении. В наших устоях принято сводить гражданские войны к конфликтам власти

и оппозиции, то есть к голой политике. Все гораздо глубже. «Материальный» пункт раскола — отношение к проекту «смены вектора развития с сырьевого на инновационный», снятия с «нефтяной иглы», преодоления зависимости от экспорта сырья и импорта товаров и технологий. Выход из колеи ресурсного социума — главный посыл всех российских цивилизационных стратегий десятилетней давности — сейчас стыдливо торпедируется. Что понятно: еще опыт институциональных реформ начала 2000-х показал, что попытки трансформировать институциональную среду, жестко ориентированную на перераспределение сырьевой ренты, тут же выливаются в подлинную войну за государство. Слишком многие в бизнесе и «вертикали» оказываются без основ существования.

Если не какой-нибудь маловероятный при нынешнем правлении героический прорыв, «партия нефти» в этой войне всегда будет побеждать «партию реформ», и так будет до самого обвала сырьевой экономики, когда несырьевая альтернатива вдруг понадобится сразу и в готовом виде, то есть когда будет уже поздно. Поэтому холодная гражданская война сейчас — это еще и война за будущее, которого страна может просто лишиться. Если не уже.

Исторические аналоги часто работают по принципу «чем дальше назад, тем глубже по смыслу». Прообразы нынешнего конфликта проступают в нашей Гражданской войне и в... войне Севера и Юга в Америке 1862–1865 годов. «Энергетической сверхдержаве» не мешает помнить, что тогда Конфедерация тоже мыслила себя именно прогрессивной сырьевой державой, производящей хлопок как основу экономики и цивилизации в противовес вторичности отсталых промышленных штатов Севера. Исход конфликта известен — в отличие от нас, до сих пор импортирующих всю отечественную современность и цивилизованность на деньги от сырьевых продаж.

Нефтедобывающей цивилизации также не мешает помнить, как целую «цивилизацию маиса» (майя) погубили затяжные засухи, а относительное пересыхание потока нефтедолларов подорвало базис коммунистической цивилизации в СССР и мире.

Хлопок и рабство, нефть и холопство, впитанное Россией еще со времен экспорта льна, пеньки, леса и меда, — все это вещи взаимосвязанные. Не всегда видно, что гражданская война в России идет именно за выход из этой колеи, превратившей само население в род возобновляемого ресурса. Но зато очень хорошо видно, что это война политической реакции против «креативного класса», без которого немислима не только несырьевая альтернатива, но и сама сырьевая экономика XXI века, включая разведку, добычу, транспорт, сервис и маркетинг.

У нас же большая политика строится по лекалам времен, когда нефть черпали ведрами из открытой ямы.

Сейчас власть должны бы пугать обе эти фракции: не только обновленческая, но и реакционная, фиксированная на «стабильности любой ценой». И то и другое раскачивает лодку, но в разных длительностях. Тупая реакция в итоге лодку просто переворачивает. Это проблема хронополитики — политики скорости. Уже буквально навяз в зубах образ Алисы и Черной Королевы, бегущих «изо всех сил», чтобы остаться на месте.

Но в состоянии ступора власти ближе другая символика — знаменитая Мраморная ладья, озерный павильон ансамбля Летнего дворца в Пекине. Называется «Корабль Чистоты и Мира», никуда не плывет, но и не тонет, как все самое ценное. Канцлер Вэй Чжэн, славный своими честными советами, однажды сказал императору Тай-цзуну: «Воды, которые несут лодку, могут и поглотить ее» (речь шла о взаимоотношениях народа и императора). Ответный жест в камне стал символом стабильности империи и династии Цин. Здесь всё как мы любим в нашем российском карго: деревянная надстройка покрашена под мрамор, по бокам — имитация паровых гребных колес. Императрица Цыси, любившая здесь обедать, спустила на это чудо деньги, собранные на строительство военно-морского флота (30 млн лян серебра — 937 500 кг). Нам должна быть особенно мила эта китайская стабильность: сиди в роскошной недвижимости и жди, когда на самолете пролетит труп твоего врага.

История все же учит. Становится понятнее, что должно в природе повториться, а что вряд ли, хотя казалось бы. Избавляет от наивных ожиданий, что режим падет завтра, но и напоминает, как в одночасье вопреки всем ожиданиям буквально на наших глазах падали несокрушимые твердыни. Это к особой логике рисков с неприемлемым ущербом. Можно утешать себя тем, что в ближайшее время гражданский конфликт по-настоящему в России не рванет, но на такие шансы не имеет права закладываться никакая сколько-нибудь ответственная политика.

И наоборот: чем строже и тревожнее прогноз, тем ближе национальные стратегии к тому, чтобы начать двигаться в правильном направлении. Или хотя бы сесть по направлению движения. Цена вопроса — будущее страны, прямо сейчас определяемое на основе правильного или ложного исторического выбора в условиях жесткого цивилизационного вызова. Гражданские конфликты менее всего способствуют адекватности таких решений.

ГОРБИ
GORBY

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ «ГОРБИ»

Валентин БЛОХ

Заморозки «Оттепели»

СРЕДИ САМЫХ ВАЖНЫХ ИЗДАНИЙ
ГОДА — МЕМУАРЫ ХУДОЖНИКА
МИХАИЛА ШЕМЯКИНА
И ДВУХТОМНИК КРИТИКА
СЕРГЕЯ ЧУПРИНИНА
О ХРУЩЕВСКОЙ ОТТЕПЕЛИ.
КАЖДАЯ ИЗ НИХ
ДЕМИФОЛОГИЗИРУЕТ
И ОЧЕЛОВЕЧИВАЕТ ИСТОРИЮ

Майя
Кучерская

Михаил ШЕМЯКИН.
**Моя жизнь:
до изгнания.**
М.: АСТ, Редакция
Елены Шубиной, 2023

«Моя жизнь: до изгнания» — воспоминания Михаила Шемякина, знаменитого художника и скульптора, в прошлом петербуржца, последние много лет парижанина, отметившего в этом году 80-летний юбилей, — больше всего хочется назвать романом воспитания или историей взросления, портретом художника в юности.

В самом деле, все начинается как традиционный роман воспитания — с рассказа о детстве и юности, с истории отца и матери.

Отец — красногвардейский вояка, кабардинец, джигит, славный наездник, дебошир и скандалист, под пьяную руку не раз грозивший убить мать нашего героя, красавицу и актрису. Впрочем, когда-то на глазах отца революционеры убили его собственных родителей. С тех пор он повсюду возил с собой три репродукции: портрет Наполеона с Жозефиной, автопортрет Арнольда Бёклина со Смертью за его спиной и «Апофеоз войны» Василия Верещагина. «Пристальное вглядывание в лик Смерти проявилось у него в раннем возрасте», — комментирует Шемякин, но на самом деле пишет и о себе самом.

Он едва не погиб, не успев родиться, — сани с матерью на сносях, которую везли

с линии фронта в Москву, опрокинулись и тут же были раздавлены, но мать, по счастью, вылетела в снег и спаслась. И после появления на свет смерть недобро усмехалась ему постоянно — и дома, в праздники, когда отец с ножом гонялся за мамой, и в разрушенном послевоенном Кенигсберге, куда отправили служить боевого офицера. В подвале одного из домов мальчишки обнаружили трупы покончивших с собой немецких офицеров. Незадолго до этого крошечная девочка-немка умерла прямо на руках у своей плачущей матери. И немецкая повариха, желавшая отомстить за смерть родных, накормила русских детей в интернате кашей с толченым стеклом. Не говоря уже о том, что кто-то из мальчиков постоянно взрывал очередную найденную в развалинах железку.

А однажды ночью комната, в которой ночевали мать и сын, навестили крысы и начали уничтожать лежавшие на столе съестные припасы. Яйца переносились в нору так: одна крыса, лежа на спине, обхватывала яйцо, а другая тащила ее за хвост в угол, как живые санки с ценным грузом. Можно посмотреть, как это было: крысиный поход изображен на картинке — специально для этого издания Михаил Шемякин нарисовал 150 графических иллюстраций. Полно, возможно ли такое? Что на это скажут зоологи? И не фантазия ли перед нами? Не знаем. Знаем лишь, что из послевоенного детства крысы прошмыгнули и в мир балета «Щелкунчик» в Мариинке, который Шемякин оформил и поставил спустя много лет. В балете появилось целое крысиное общество, затем в Петербурге вышел чайный сервиз «Крысята-воришки», а русские музыкальные критики прозвали художника Королем крыс.

Вымысел и реальность сливаются, переплетаются, делаются неотличимы. Автобиографическая проза Шемякина напоминает мир его живописи, сновидческий, гофмановский, светящийся жутковатой магией, — и непонятно, что на что здесь повлияло: художник глядит на далекое прошлое сквозь призму своих поздних эстетических прозрений или, напротив, его фантастический мир родился из детских и юношеских впечатлений.

Соцсети

Сервиз
«Крысята-воришки»

Заморозки «Оттепели»

Н и на кого не похожего, странного, упрямо ищущего свой стиль в живописи, однажды пробужденного к творчеству полузапрещенным Ван Гогом Михаила Шемякина изгоняют из художественной школы в Ленинграде, куда он с триумфом поступил. Затем по приказу заботящейся о безопасности советских граждан организации отправляют в «дурдом» на принудительное лечение, где его ждут соответствующие испытания: уколы серой, инсулиновый шок, но самое страшное — сеансы «изгнания инакомыслия»: пациента прикручивали к операционному столу, над головой включали гигантский зеркальный отражатель, «испещренный неоновыми лампами различных геометрических форм», подключали к электродам и оставляли наедине с голосом в наушниках, который проклинал импрессионизм, абстрактную живопись и восклицал назидательно: «Мать! Мать Отчизна! Родина! Родина!! Родина!!!», а затем громил «Ван Гогена» и «Пы-пы-кассо». Кажется, только смех избавил юношу от безумия.

Именно здесь, в психиатрической лечебнице, роман воспитания незаметно истончается и исчезает, оборачиваясь эпосом о советской России 1960-х. Повествователь окончательно превращается в глаза, то есть в подлинного художника, он внимательно вглядывается в череду лиц, в окружающих его людей.

Книга Шемякина — это еще и длинная галерея портретов. Здесь и соседи по коммуналке, и безумцы из психиатрической больницы: человек, вообразивший себя танком,

шахматный гений, одержимый сексуальными фантазиями, миллиардер, уверенный, что владеет фабриками, заводами, самолетами и пароходами всего мира. После долгожданного освобождения из больницы, ставшего возможным благодаря хлопотам матери, молодой художник больше не в состоянии рисовать: ему слишком страшно. А без препаратов, которыми его пичкали в больнице, он испытывает настоящую ломку.

И тогда соседей по палате сменяют странники и юродивые — в горах Армении и под Сухуми, а затем в Печорах, куда наш герой отправился исцелиться от накрывшей его абстиненции. В пути он встречает множество дивных персонажей, например, мудрого и бесстрашного наместника Печерского монастыря, художника и бывшего фронтовика отца Алипия. Но в конце концов герой возвращается в Петербург, богемный, густонаселенный художниками, философами, поэтами, карликами,

девушкой-инвалидом с ангельским лицом, молодой прекрасной дворничихой, а еще здесь живут художник Илья Кабаков, актер Игорь Дмитриев, чинарь и философ Яков Друскин, пиит Константин Кузьминский, Булат Окуджава, Олег Григорьев, Владимир Уфлянд и даже Иосиф Бродский.

Но ни петербургские хеппенинги, ни долгие ночные прогулки, ни дружеские попойки все-таки не спасали от давления системы и даже от прямых покушений: дважды Михаил Шемякин чудом избежал гибели. Краткое закончившееся разгромом участие в выставке сменило оформление оперы «Нос», которая продержалась на сцене ровно один вечер; работа такелажником в Эрмитаже, труд чернорабочего много где — несмотря на то, что все еще тянулась оттепель, места молодому художнику не находилось.

Его друг, актер Игорь Дмитриев, пытавшийся ему помочь и посетивший многие кабинеты, вернулся с печальным итогом: «Дорогой мой, талантливый мой! Я обошел за эти два месяца всех, кого знал, был в разных и важных местах, думая, что тебе мерещатся преследования и гонения, но убедился в том, что эта страна тебя биологически отвергает. Ты чужой! И как мне ни тяжело тебе это сказать и даже думать об этом, но ты должен покинуть ее!» И, милая душа, дорогой мой Игорь обнял меня и заплакал; признаться, и из моих глаз полились слезы».

В 28 лет Михаил Шемякин был выдворен за пределы СССР — во Францию, в Париж. Что внезапно обернулось актом милосердия. Он оказался спасен. Для новой жизни, для занятий творчеством, для мировой славы. И для того, чтобы однажды оглянуться назад и написать эти пестрые воспоминания, в которых нет ни гнева, ни проклятий, ни упреков гонителям, есть только изумление бесчисленностью человеческих лиц и типов, любопытство к разнообразию жизни и благодарность, что все сложилось именно так. Только дочитав эти объемные мемуары до конца, понимаешь, что признание, сделанное автором в начале, совершенно искренно: «Это записки человека, благодарного своей Судьбе».

Иллюстрация М. Шемякина к песне В. Высоцкого «Охота на волков»

Сергей ЧУПРИНИН.

Оттепель.

Действующие лица.

М.: Новое литературное обозрение, 2023

Оттепель. События.

М.: Новое литературное обозрение, 2022

Два тома «Оттепели» маэстро и мэтра критического цеха Сергея Чупринина — труд энциклопедический, каждая из книг — в тысячу с лишним страниц длиной. В первой части («События». — Ред.) дана хронология оттепельной эпохи; от смерти Сталина, в марте 1953-го, до ввода советских танков в Прагу в августе 1968-го — с цитатами из дневников, мемуаров и документов. Во второй («Действующие лица». — Ред.) в расставленных декорациях начинают действовать участники оттепельных процессов — поэты, писатели, филологи, редакторы, переводчики, чиновники общим числом 358.

Вообще-то выпуск энциклопедии — труд коллективный, даже гению освоить такое количество информации, дат, имен и событий не по силам, но Сергей Чупринин ухитрился. Хитрость заключается в том, что том «Действующие лица» никак не энциклопедия, не сборник мелким шрифтом набранных сухих и информативных статей, нет.

Перед нами — изысканная коллекция в свободной манере написанных и увлекательных эссе, тем не менее весьма информативных, но отнюдь не сухих. Ни одного из своих героев Сергей Чупринин не загоняет в энциклопедическую матрицу,

он просто рассказывает о них их истории. Со своей то теплой, то ироничной интонацией: «То, что черт догадал его родиться в России с душой и талантом, О. понимал как личное несчастье» — так начинается статья про автора «Трех толстяков», Юрия Карловича Олешу (1899–1960).

«Молодость, видимо, и в самом деле легкомысленна и влюбчива, так что Л., еще не закончив учебу на отделении критики Литературного института, успела дважды побыть замужем» — этим рассуждением открывается статья о Евгении Семеновне Ласкиной (1914–1991), сегодня почти забытой, служившей редактором журна-

ла «Москва». Это благодаря ей здесь появились одна из первых в СССР публикация Ходасевича, а также тексты Заболоцкого, Шаламова, Слуцкого, Липкина, отчасти и «Мастер и Маргарита» Булгакова. Когда тебе в первых строках сообщают о чьих-то замужествах (вторым мужем Ласкиной был Константин Симонов), невольно расслабляешься и оказываешься не в библиотеке, не в аудитории, а внезапно за дружеским столом, за которым Сергей Иванович, сам свидетель жизни тех, о ком пишет, а многих и собеседник, внимательно поглядывая на тебя, рассказывает. Улыбаясь, огорчаясь, изредка — брезгливо морщась.

В предуведомлении к тому Сергей Чупринин напоминает, что это «книга для чтения». Так и есть. И чтения захватывающего, потому что сквозь краткие биографии попавших сюда героев — Федора Абрамова, Василия Аксенова, Маргариты Алигер, Сергея Бочарова, Виктора Дубакина, Владимира Дудинцева, Виктора и Всеволода Некрасовых, Станислава Рассадина, Михаила Светлова, Андрея Синявского, Константина Федина, Геннадия Шпаликова, Ефима Эткинда — всех не назовешь — проступает лик эпохи.

Страшный лик. Потепление потеплением, весна весной, но не слишком уютная это весна, с морозами и ледяными бурями.

Несмотря на возвращение репрессированных, на неслыханные прежде издания, альманах «Литературная Москва», например, история которого вошла в прилаживающуюся к двум томам книгу статей того же автора «Оттепель как неповиновение» (М.: НЛО, 2023), на немислимые прежде выставки (Роберта Фалька или Анатолия Зверева), невозможные еще недавно спек-

такли, концерты, публикации сборников Ахматовой и Мандельштама, невзирая на все эти благие изменения, в центре всех процессов неизменно остается борьба литераторов с государственной машиной, их отчаянное противостояние молоху идеологии.

Мы отвыкли, мы забыли, Чупринин напоминает: за каждой шумной оттепельной публикацией «Одного дня Ивана Денисовича» ли, «Теркина на том свете» или «Не хлебом единым» стояли изнурительные сражения с монстром Главлита (цензурный орган в СССР), с идеологической комиссией и прочими отделами ЦК КПСС, с потоками доносов, разгромных статей в печати, закрытых и публичных партийных проработок и прочей смертноснй дребедени. Сколько уничтожавших литературу и ее создателей решений было принято, и не анонимных, сколько в этой борьбе пало жертв, сколько текстов так и не пробилось к читателю, а попутно судеб было сломано — об этом дает свои свидетельские показания Сергей Чупринин. Не забыв рассказать и о том, сколько смелых, порядочных, профессиональных людей скрывалось за историями побед. Например, автор знаменитой «Гренады» Михаил Светлов, сказавший Варламу Шаламову при встрече: «Я, может быть, плохой поэт, но я никогда ни на кого не донес, ни на кого ничего не написал». «Я подумал, — добавляет Шаламов, — что для тех лет это немалая заслуга — потрудней, пожалуй, чем написать «Гренаду». Или критик Андрей Турков (1924–2016), просветитель, написавший десятки книги о любимых авторах: Заболоцком, Твардовском, Луговском, Чехове и Блоке, умных и познавательных. Да, «Оттепель» Сергея Чупринина — это еще и Человеческая комедия, рассказанная на обширном литературном материале, в которой соединяется честность и ограниченность, славолубие и благородство, мужество и трусость — чего стоит судьба того же Александра Фадеева или, напротив, Евгения Евтушенко и Андрея Вознесенского.

Эпоха оттепели давно в прошлом, и один за другим уходят ее живые свидетели. Сергей Чупринин бережет для нас эту исчезнувшую жизнь и ее участников, храня верность главному призванию любого историка литературы: противостоять мифологизации, романтизации, а значит, забвению и деформации фактов. Благодаря фундаментальным работам Чупринина вдохновенные лица поэтов из «Заставы Ильича» Марлена Хуциева дополнились плотной и разномастной толпой совсем иных образов и лиц того мучительного, но все-таки счастливого времени.

Майя Кучерская

Бремя Андропова: ДВИЖЕНИЕ ВВЕРХ

ИСТОРИК **НИКИТА ПЕТРОВ**
НАПИСАЛ ПЕРВУЮ
ПО-НАСТОЯЩЕМУ НАУЧНУЮ,
ОСНОВАННУЮ, В ТОМ ЧИСЛЕ,
НА БОЛЬШОМ МАССИВЕ
АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ,
БИОГРАФИЮ **ЮРИЯ
АНДРОПОВА**

(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ
(ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН,
РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ)
НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ
АГЕНТОМ КОЛЕСНИКОВЫМ
АНДРЕЕМ ВЛАДИМИРОВИЧЕМ
ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА
КОЛЕСНИКОВА АНДРЕЯ
ВЛАДИМИРОВИЧА.

Андрей
Колесников

Человек-загадка, вокруг которого было выстроено множество мифов, от якобы его еврейского происхождения до обширных реформаторских планов. Ничего этого в личной истории одного из последних советских генсеков не присутствовало, из фактов, изложенных в книге, следует только одно: ключевой мотивацией Андропова на протяжении всей его очень непростой карьеры было последовательное движение вверх, к позиции первого лица огромной империи. Драматургия судьбы этого человека сложилась так, что совсем вскоре после того, как он добрался до вершины, его настигла смерть. Власть и смерть восторжествовали в своем, как бы сказали марксисты, диалектическом единстве.

Юрий Андропов был абсолютно ортодоксальным марксистом-ленинцем, совершенно не собиравшись разжимать идеологические клещи, в которых позднее Политбюро вместе с КГБ держало страну, не говоря уже о том, что в его планы не входило ослабление пружины репрессий. Просто к политическим противникам строя добавились те, кто смазывал чистый моральный облик воображаемого советского человека, — коррупционеры, разложившиеся люди, в том числе в самой власти, нарушители дисциплины. Никакого плана преобразования страны у Андропова не было, он верил в силу ужесточения режима, в том числе идеологического и дисциплинарного. Хотя, надо признать, делал попытки глубже понять советское общество и задумывался об оживлении

экономики — недаром в ЦК появился молодой секретарь Николай Рыжков и в аппарате Центрального комитета был учрежден Экономический отдел. В период же перехода Андропова из КГБ в секретари ЦК к нему зачастили его давние, первой половины и середины 1960-х годов, подчиненные — интеллектуалы Георгий Арбатов, Федор Бурлацкий, Александр Бовин. Он их ценил, но в то же самое время, когда надо было, удалял от себя. Симптоматична характеристика, данная Юрием Владимировичем Георгию Арбатову, — он коммунист, но не большевик.

Готовность работать с людьми с нелинейным мышлением, попытки понять устройство страны сочетались с удивительной примитивностью в стремлении во что бы то ни стало задавить любую крамолу. Как самым прямолинейным образом, то есть арестами, так и методом профилактики — тысячи людей прошли через малоприятные беседы с чекистами. Андропов холил, лелеял, расширял, продвигал «пятку» — 5-е управление КГБ, боровшееся с идеологическими диверсиями. Никита Петров полностью приводит текст речи Андропова при прощании с коллективом КГБ в те дни, когда он переходил на работу секретарем ЦК по идеологии, по сути готовился стать преемником Леонида Брежнева. Это бессвязная речь, в которой главными врагами обозначены «длинноволосые поэты-диссиденты». Возможно, Андропов и выделялся среди других членов руководящего ареопага лошеной внешностью и интеллектом, но только на их фоне, представлявшем собой иной раз результат отрицательной селекции. Среди них интеллектуальным гуру мог смотреться даже сухарь-охранитель Михаил Сулов, чья смерть в череде кончин геронтократов, начавшейся в 1982-м, открыла вакансию для Андропова. Открыла настолько поздно, что сам Леонид Ильич беспокоился о здоровье своего преемника «Юры» — а вдруг наследник отойдет в мир иной даже раньше одряхлевшего вождя.

Юрий Андропов был, безусловно, морально травмирован на всю жизнь и тем, что чудом избежал ареста на заре своей

Брежнев и Андропов

комсомольско-партийной карьеры (о чем он доверительно лично сообщил Петру Якиру и Виктору Красину, которых склонил к предательству друзей-диссидентов), и венгерскими событиями 1956 года. Не допустить угрозы строю, причем любой ценой, — таким был его основной мотив работы в КГБ, а вовсе не мифологические реформаторские начинания.

Было, пожалуй, два периода, когда он оказался готов активно работать и формулировать новые идеи, — период руководства отделом ЦК по связям с соцстранами в 1960-е (так называемый «Отдел», без дальнейшего уточнения длинного названия) и первые несколько лет пребывания в КГБ. Потом Андропов «потух», стал нездоров (считал, что его отравили) и очень осторожен: просто плыл по течению с главной целью — не вызвать раздражения Леонида Ильича. Ему он был абсолютно предан, хотя в последние годы карьеры, возможно, теряя терпение, ждал физического конца вождя партии.

Время Андропова: движение вверх

Возвращение Андропова в ЦК в качестве явного преемника не означало, что он обязательно победит в аппаратной борьбе — поначалу он и вовсе мог опираться лишь на молодого секретаря Михаила Горбачева, к восходящей карьере которого тоже приложил руку (впрочем, как и Брежнев). Вел себя сравнительно умело, но чрезмерно осторожно, за что получил даже нагоняй от Леонида Ильича, который порекомендовал Юрию Владимировичу смелее брать на себя рычаги управления, что он в результате и сделал, почти физически отодвинув Черненко от ведения заседаний секретариата ЦК. А уж когда Брежнев умер, Андропов мешкать не стал — определенную роль сыграл и тот факт, что он первым из высшего ареопага оказался у тела скончавшегося генсека.

Жесткость Андропова отразилась в народном фольклоре, как и манипуляции с ценой водки — пожалуй, это то, чем он запомнился в обыденном народном сознании, а никак не надеждами на реформы. Его знаменитая статья, опубликованная весной 1983 года в журнале «Коммунист» — «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР», демонстрировала проблески нестандартного мышления, но ведь поначалу она вообще-то готовилась для Брежнева. Фраза Юрия Андропова, которую во всех источниках редуцируют до «Мы не знаем общества, в котором живем», на самом деле звучала так: «Если говорить откровенно, мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок». Здесь

можно увидеть и экономический детерминизм, и веру в то, что, поглубже изучив социально-экономические процессы, можно усовершенствовать социализм.

Судьба Андропова, как к нему ни относись, трагична. Человек, скрывавший свое происхождение, — его дед, причем не кровный, носил фамилию Флекенштейн, при этом был не евреем, а немцем. Человек, выживший в период репрессий. Несколько жен, семейные сложности, один из сыновей, рано умерший от чрезмерного употребления спиртного, на похоронах которого отец не появился. Страна, чья устойчивость как раз в тот момент, когда он вскарабкался на вершину, начала стремительно разваливаться. «Не помогли

стране громкие лозунги типа «Не потерять набранного темпа, сохранить настрой на дела!» — пишет Никита Петров. — Без системных преобразований у страны не было шансов. Но еще хуже — упрямство и нежелание вести серьезный диалог с Западом. История размещения в Европе американских ракет средней дальности «Першинг-2» тому наглядный пример. Не вняв разумным предложениям западных лидеров, Андропов взвинтил ставки, что привело к очередному витку гонки вооружений, разорительному для страны и поставившему мир на грань войны».

А миф об Андропове-преобразователе остался. И о честном КГБ. Впрочем, едва ли Юрий Владимирович был бы доволен своими наследниками.

Андрей Колесников

Мы предлагаем вниманию читателей фрагмент из книги Никиты Петрова «Время Андропова», вышедшей в издательстве РОССПЭН в серии «Страницы советской и российской истории». Действие этой главы разворачивается в самом начале переломного 1982 года, когда умер Брежнев и Андропов стал руководителем государства.

Никита Петров

Судьбоносный 1982 год. САМОУБИЙСТВО СЕМЕНА ЦВИГУНА

О тремел 75-летний юбилей Брежнева, и наступивший 1982 год вроде бы не сулил неожиданностей. Тем не менее смутное ощущение грядущих больших политических перемен было у всех. Политбюро старело на глазах. Средний возраст его членов перевалил за 71 год. Лидер страны Брежнев был стар или, как шутили в на-

роде, «суперстар». Но и к этому привыкли, он постоянно появлялся на публике и при этом ничего себе, держался. И, однако, все ждали развязки.

Январь открыл счет смертей, взбудораживших общественность и породивших самые невероятные слухи в объяснении событий. Немудрено, ведь советские газеты о многом умалчивали, и пробелы в информации восполнялись активным мифотворчеством масс.

В январе первым событием такого рода стала смерть Семена Цвигуна, о которой газеты объявили 21 января 1982 года. Всем бросилось в глаза отсутствие подписи Брежнева под некрологом, что сразу же вызвало много разговоров. Слух о том, что первый заместитель председателя КГБ Цвигун застрелился, распространился мгновенно. Но почему он это сделал? Здесь версии разнились и множились. Но сначала о том, что на поверхности.

<...>

Позднее сановные мемуаристы из КГБ объясняли, почему Брежнев отказался подписать некролог. Филипп Бобков прямо пишет: «Брежнев был потрясен смертью Цвигуна, но не решился поставить подпись под некрологом самоубийцы». Ему вторит Владимир Крючков, приводя в иных выражениях ту же формулу: «...посчитав неудобным ставить свою подпись, поскольку че-

Брежнев вручает награду Цвигуну

Некролог С.К. Цвигуна
(«Правда». 1982. 21 января)

ловек сам ушел из жизни». Стоит добавить, что наряду с Брежневым «не решились» поставить свою подпись влиятельнейшие и старейшие члены Политбюро Сулов, Кириленко, Громыко, Пельше, Тихонов и другие рангом пониже. Интересно и то, что даже от дочери и зятя Цвигуна скрыли факт самоубийства (сказали, что он поскользнулся на дорожке и, упав, расшибся насмерть). Как пишет Крючков, «решили тогда не ставить их в известность, они узнали об этом позже». В таком случае, как они должны были воспринять этот знак? Цвигун верой и правдой служил Брежневу, много и тепло говорил о нем в семье, а тот даже не удосужился почтить память верно-го соратника.

<...>

САМОУБИЙСТВО СЕМЕНА ЦВИГУНА

Брежнев давал Цвигуну, своему человеку, которого знал еще по работе в Молдавии, особо деликатные поручения. Как вспоминал генерал КГБ Нордман, в начале 1970 года Цвигун стал его спрашивать, кого можно было бы рекомендовать на пост первого секретаря Ставропольского крайкома КПСС. Нордман назвал Горбачева. Цвигун первым делом поинтересовался, не связан ли Горбачев с «группой Шелепина», на что Нордман рассказал известную ему историю, как в 1966 году стоял вопрос о выдвижении Горбачева на работу в КГБ, но

Семичастный на это не согласился и сказал, чтобы больше эту кандидатуру не предлагали. То есть шелепинцы Горбачева отвергли. Цвигун успокоился, а Нордман сделал четкий вывод, что Цвигун выполнял поручение Брежнева, опасавшегося людей Шелепина.

И вдруг потрясшее Брежнева известие о внезапном самоубийстве Цвигуна. Ну хоть бы какую-нибудь предсмертную записку оставил, попрощался бы, объяснил мотивы. Определенно что-то Брежнева неприятно зацепило. Подвел старый друг. Разгадка — в дневниковых записях генсека. Оказывается, Цвигун снабжал Брежнева, страдавшего бессон-

ницей, сильнодействующими таблетками. В дневнике находим короткие записи... 18 января 1982 года Брежнев записал: «Цвигун С.К. — через 7 дней». В декабре 1981 года Брежнев записывает в дневнике фамилию Цвигуна 5-го, 10-го, 14-го, 17-го (с добавлением — «19-го пакет») и 19 декабря. Стало быть, пакет доставлен день в день. Ранее в ноябре — 4-го, 8-го (с пояснением — «завтра в 9 утра»), 9-го, 18-го (с добавлением — «пятница»). Также в журнале приемной генсека зафиксированы телефонные разговоры Брежнева с Цвигуном: в среду, 18 ноября, и 6, 10, 14, 17, 19 декабря 1981 года. Цвигун буквально осаждал Брежнева по телефону и не знал отказа — его всегда соединяли. И удивительна резко возросшая активность их телефонных разговоров — за весь 1980 год секретарями приемной генсека зафиксированы лишь два звонка, тогда как в 1981 году Брежнев, будучи на работе, разговаривал с Цвигуном по телефону более 20 раз. Но и это не все, могли быть звонки и разговоры в нерабочее время — на квартире, даче. Разумеется, эти контакты не фиксировались секретарями приемной. А история с лекарствами давняя. Еще в 1980 году в дневнике Брежнева запись 13 февраля: «Говорил с С.К. Цвигуном — 4 штуки».

Внезапно все закончилось, Цвигун свел счеты с жизнью, ушел навсегда, даже не попрощавшись. Кто же теперь будет ему, Брежневу, надежной опорой, кто, наконец, нужные таблетки принесет? У врачей не допросишься, Андропов снабжает пустышками, и Брежнев, скорее всего, об этом догадывался.

Хотя почему только Цвигун? В обход врачей лекарствами с Брежневым делилось все его близкое окружение. Но откуда у Цвигуна нужные таблетки? И здесь есть

Цвигун и Андропов

Лекарства, выписанные С.К. Цвигуну
осенью 1981 г.

ответ. Два листочка, сохранившиеся в семейном архиве Цвигуна, с названиями назначенных ему препаратов 8-го, а затем 15 декабря 1981 года.

Несведущему человеку эти названия ни о чем не говорят. Но все же надо разобраться. Что это за препараты и от чего. Диагноз, поставленный Цвигуну в 1971 году, был грозным и неутешительным. Но, как вспоминает Крючков, была сделана операция, Цвигуну удалили часть легкого, он пошел на поправку, вскоре восстановив здоровье и обретя хорошую физическую форму. Еще 24 сентября 1981 года Цвигун был внешне здоров и бодр, присутствуя в Кремле на вручении Брежневым золотой медали «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда

Константину Черненко. Как пропустить такое событие, ведь Черненко и Цвигун — старые «молдавские» друзья Брежнева.

Ухудшение здоровья Цвигуна началось осенью 1981 года, причем серьезное и необъяснимое. Он лег на плановую диспансеризацию. Навестив его, родные сразу заметили угнетенное состояние, «блеск в глазах у него потух», он стал слабеть. Утрата общего тонуса и «шальная вегетатика» становились все более выраженными. С ноября 1981 года Цвигун уже не выходил на работу.

Цвигун находился на больничном, потом числился в отпуске, пребывая в санатории «Барвиха». Он слабел и не понимал, что с ним происходит. Между тем назначенные ему препараты — нейролептики и антидепрессанты — явно не от простуды:

вивалан — антидепрессант. Ингибитор обратного захвата норадреналина. Им лечили от депрессии с очень высокой степенью тревожности. Снят с производства в 2006 году;

транксен — противотревожный препарат группы бензодиазепиновых транквилизаторов;

ноотропил — стимулятор когнитивных процессов (память, обучение, концентрация внимания);

циклодол — корректор экстрапирамидных нарушений (расстройства мышечного тонуса), в том числе на фоне терапии нейролептиками. Препарат группы холинолитиков;

сиднокарб — психостимулятор, возможно, назначен для коррекции сонливости, вызванной нейролептиками;

стелазин — антипсихотик группы фенотиазинных нейролептиков;

рогипнол — снотворное группы бензодиазепиновых транквилизаторов.

Коррекция терапии 15 декабря 1981 года в части уменьшения числа препаратов и доз, скорее всего, означала — врачи посчитали, что пациент пошел на поправку и уровень тревожности у него снизился. Они убрали нейролептик, уменьшили дозу антидепрессанта и добавили психостимулятор.

Мотивом самоубийства Цвигуна, по мнению Бобкова, была болезнь: «Он долго боролся с недугом, а когда стало совсем невмочь, решил добровольно уйти из жизни». И о том же пишет Крючков: «Цвигун, конечно, понимал, что серьезно болен, что станет обузой для семьи, которую очень любил, что будет еще хуже, и решил добровольно уйти из жизни». Он же

вспоминает о тяжелом состоянии Цвигуна: «За две недели до кончины у меня был с ним короткий разговор по телефону, по ходу которого он путал мое имя и отчество, затруднялся в ответах, не воспринимал мои слова». А вот это уже, похоже, действие тех самых лекарств, о которых речь шла выше.

История, рассказанная Евгением Чазовым, дополнительно проливает свет на трагизм ухода Цвигуна и возвращает к теме таблеток, которыми тот снабжал Брежнева:

«В самом сложном положении оказался заместитель Андропова С. Цвигун. Брежнев, считая его своим близким и доверенным человеком, изводил его просьбами об успокаивающих средствах. Цвигун метался, не зная, что делать, — и отказать невозможно, и передать эти средства — значит усугубить тяжесть болезни. А тут еще узнавший о ситуации Андропов предупреждает: «Кончай, Семен, эти дела. Все может кончиться очень плохо. Не дай бог, умрет Брежнев даже не от этих лекарств, а просто по времени совпадут два факта. Ты же сам себя проклинаешь будешь».

В январе 1982 года после приема безобидного ативана у Брежнева развился период тяжелой астении. Как рассказывал Андропов, накануне трагического 19 января он повторил свое предупреждение Цвигуну. «Днем 19 января, — пишет далее Чазов, — я был в больнице, когда раздался звонок врача нашей скорой помощи, который взволнованно сообщил, что, выехав по вызову на дачу, обнаружил покончившего с собой Цвигуна».

При этом заметим, принятый Брежневым ативан (он же лоразепам, нейролептик, используемый при нарушениях сна) был получен не от Цвигуна. У Цвигуна в перечне назначенных лекарств такой препарат отсутствует, да и не был он единственным поставщиком. Таблетками Брежнева щедро снабжали его ближайшие коллеги по Политбюро — Черненко и Тихонов. Но если вспомнить пометы Брежнева в своем дневнике, то накануне он договорился и с Цвигуну, который ему что-то пообещал. Вот эта запись от 18 января 1982 года: «Цвигун С.К. — через 7 дней».

Только ли это так мучило Цвигуна? Брежнев ждал, но в конце концов не все так безнадежно, всегда можно найти выход, за семь дней что-то придумать. Да и как-то слабоват этот мотив для самоубийства. Чазов пишет: «Сообщение меня ошеломило. Я хорошо знал Цвигуна и никогда не мог подумать, что этот сильный, волевой человек, прошедший большую жизненную школу, покончит жизнь самоубийством».

САМОУБИЙСТВО СЕМЕНА ЦВИГУНА

Итак, какова полная картина того злополучного дня — 19 января 1982 года. Проследим шаг за шагом, благо Роза Цвигун вела дневник и детально описала всю цепь событий. Она и ее муж — Семен Цвигун в тот день были в «Барвихе». К Цвигуну приехал его помощник Александр Волков. Он привез зарплату и о чем-то говорил с Цвигуном при закрытых дверях. Разговор сильно взволновал Цвигуна, он «сказал жене, что нужно съездить на дачу, узнать, почему там так затянулся ремонт». За два дня до этого они уже были на даче. А в этот день Роза Цвигун «была записана на маникюр и собиралась ехать в город. Но Семен Кузьмич настоял, чтобы они поехали на дачу, и обязательно вместе».

Дальше все развивалось стремительно: «Приехав на дачу, Роза Михайловна пошла в дом. Встретивший Цвигуна сторож Николай пошел за песком, чтобы посыпать дорожки — накануне ударили крещенские морозы, было скользко. Цвигун остался один со своим шофером Павлом Черновым. Далее история известна только со слов шофера: Цвигун неожиданно попросил у Павла его пистолет, немедленно поднес к виску и застрелился. Эти обстоятельства Павел Чернов рассказал прилюдно приехавшим на дачу сотрудникам КГБ во главе с Андроповым, которых шофер сразу же вызвал на место происшествия. К тому моменту на дачу приехал уже и сын Цвигуна Михаил, он слышал этот рассказ, а также ответ Андропова: «Я им Цвигуна не прошу». Кому адресовалась эта фраза, Андропов не пояснял.

Еще до прибытия комитетского начальства по вызову подъехала скорая помощь из кремлевской больницы. Врач тут же известил Чазова, и позже был составлен отчет:

«Усово, дача 43. Скорая помощь. 19 января 1982 г. 16.55. Пациент лежит лицом вниз, около головы обледенелая лужа крови. Больной перевернут на спину, зрачки широкие, реакции на свет нет, пульсации нет, самостоятельное дыхание отсутствует. В области правого виска огнестрельная рана с гематомой, кровотечения из раны нет. Выраженный цианоз лица.

Реанимация, непрямой массаж сердца, интубация. В 17.00 приехала реанимационная бригада. Мероприятия 20 минут не дали эффекта, прекращены. Констатирована смерть.

В 16.15 пациент, гуляя по территории дачи с шофером, выстрелил в висок из пистолета Макаров». И подписи пяти врачей.

Проверка обстоятельств смерти Цвигуна была поручена исключительно сотрудникам КГБ, информация о ней не вышла за стены здания на Лубянке, ее выводы неизвестны.

Какие новости из Комитета мог сообщить Цвигуну его помощник Волков, помимо неутешительных прогнозов по затянувшемуся на восемь месяцев ремонту дачи и комитетских сплетен? Помощник Цвигуна, как и помощники других заместителей председателя КГБ, числился по штату секретариата КГБ, связи имел обширные, получал и знакомился по принадлежности с входящей и исходящей корреспонденцией, а от коллег мог знать и много больше положенного. Возможно, Волков узнал о том, что в этот

Почетный караул у гроба Цвигуна

Похороны Цвигуна на Новодевичьем кладбище

день — 19 января в ЦК отправили письмо с предложением ввести дополнительную должность первого заместителя начальника 5-го управления КГБ и повысить генерала Ивана Абрамова до первого зама «пятерки». Этот сигнал Цвигун должен был прочитать безошибочно. Значит, вся цепочка Виктора Чебрикова, курировавшего 5-е управление, поднимется на одну ступень выше. Теперь начальнику «пятерки» Бобкову — прямой путь в заместители председателя КГБ. А Чебриков? Ну понятно, он как раз метит в первые замы к Андропову. А что же с ним, с Цвигуном? Вероятнее всего, Волков уловил и передал все те глухие сигналы, да и вполне очевидные признаки неминуемой отставки Цвигуна в силу болезни.

Несколько лет назад внучка Цвигуна Виолетта Ничкова говорила с Волковым и расспрашивала, о чем тогда, 19 января, он разговаривал за закрытыми дверями с Цвигуном. Увы, Волков ничего существенного не вспомнил. Он даже не помнил о том, что Цвигун разволновался в ходе их беседы.

Хоронили Цвигуна «узким кругом». Те же, кто подписал некролог, встали и в почетный караул у гроба, выставленного в клубе Дзержинского на Лубянке.

Андропов, Черненко... На Новодевичьем кладбище из членов Политбюро был лишь Андропов.

За спиной у временно покинувшего из-за болезни свой пост Цвигуна развернулась нешуточная закулисная борьба за кресло первого заместителя председателя КГБ. Претендентов было два — Чебриков и Цинев. Первый был фаворитом Андропова, второй поддерживался авторитетом Брежнева. Победили оба. Политбюро 25 января 1982 года утвердило обоих в должности первого заместителя председателя КГБ. Именно им адресовал свою реплику Андропов: «Я им Цвигуна не прошу». Им, раньше времени затеявшим возню вокруг заболевшего и выбывшего из строя Цвигуна, бросившимся делить его наследство. Хотя, конечно, простил. Политика! Нужно было жить и работать с ними дальше. И уж Андропову ли не знать, как жестока бывает политическая борьба и сильны карьеристские замашки его заместителей.

Решение Политбюро (читай — Брежнева) дать Андропову сразу двух первых заместителей на первый взгляд выглядит компромиссным — никого из претендентов не обижать и погасить их закулисную активность. С другой стороны, в свете последовавших событий это решение

оказалось весьма дальновидным. Ведь если Андропов уже нацелился перейти на работу в ЦК, то председателем станет один из первых замов, и все разрешится к всеобщему удовлетворению и благу. И брежневский Цинев на месте первого зама (по возрасту он в председатели не годится), и андроповский Чебриков в кресле председателя КГБ. В конце концов так и получилось.

А Бобков, как и предполагалось, не зря добивался введения в штат 5-го управления дополнительной должности первого зама. В результате он разгрузился от рутины и множества текущих дел «пятерки» и уже 16 февраля 1982 года занял пост заместителя председателя КГБ, оставаясь по совместительству начальником 5-го управления. Тем самым значимость «пятерки» была поднята на уровень разведывательного и контрразведывательного главков КГБ. Ранее, в ноябре 1978 года, аналогичное совмещение должностей было введено для 1-го (разведка), 2-го (контрразведка) главков КГБ и Управления кадров.

САМОУБИЙСТВО СЕМЕНА ЦВИГУНА

И если помощник Цвигуна рассказал ему в тот трагический день несколько несвязных новостей, даже сам не понимая до конца их значения, то опытный и искушенный в аппаратных интригах Цвигун понял все и сразу. Длющийся восемь месяцев ремонт дачи, который можно было бы сделать втрое быстрее, тоже означал только одно — подсаживают, готовят на пенсию, а дачу предназначили новому выдвиженцу. И плюс к этому общее болезненное состояние: депрессия, повышенная тревожность и, как следствие, вынужденное бездействие. Уйти из жизни на вершине славы и должностного положения. Не ждать, когда вышибут на пенсию, и он будет всеми забыт до такой степени, что и его книги перестанут издавать, и киноэпопеи по его сценариям перестанут снимать.

Но до сих пор в литературе смерть Цвигуна подается с изрядным налетом таинственности и часто в полном противоречии с давно и твердо установленными фактами. Например, совершенно невероятную картину смерти Цвигуна описал один из работников секретариата КГБ. По его рассказу, выходило, что Цвигун прибыл на заседание Коллегии КГБ, его будто видели вошедшим в служебный лифт на Лубянке. А спустя несколько минут застрелился в своем кабинете.

Не выдерживает критики и запущенный в публицистику другой детективный сюжет, будто Цвигун, получивший по линии КГБ множество фактов и свидетельств о злоупотреблениях брежневского семейства — дочери Галины и ее мужа Юрия Чурбанова, готов был встретиться с Сусловым и доложить ему о ходе дела и о том, как спасти авторитет Брежнева.

Галина Брежнева

В изложении Роя Медведева это выглядит так: «Цвигун руководил расследованием одного из крупнейших хищений драгоценностей, и нити этого расследования неожиданно потянулись к ближайшим друзьям дочери Брежнева Галины. Цвигун не мог уже выполнить указание Сулова и остановить набравшую ход машину следствия, за которым наблюдал, конечно, и Андропов».

Ну, во-первых, с ноября 1981 года Цвигун, серьезно заболев, уже по службе ни за чем не наблюдал. А во-вторых, вообще-то факты о Галине Брежневой и Чурбанове были известны не только лю-

дям из КГБ, об этом говорила вся Москва. И ведь было о чем посудачить. Любовник Галины Борис Буряца — молодой певец театра «Ромэн», в одночасье превратившийся в солиста Большого театра, был замешан в темных делах с драгоценностями. Помимо прочего Галина снабжала его «дефицитными товарами, которые тот с большой выгодой перепродавал». Не лучше него и муж Галины — первый заместитель министра внутренних дел Юрий Чурбанов, умудрившийся провалить государственный визит в Народно-Демократическую Республику Йемен, где он ни дня не просыхал. Как рассказывали

Борис Бураяца

Юрий Чурбанов и Галина Брежнева

очевидцы в марте 1982 года, по прилете «он совершенно бухой вывалился из самолета и чуть не рухнул (если б не подхватили) перед «высокими встречавшими», почетным караулом и т.п.». Деловые встречи (из открытых источников) пришлось отменять, потому что «с вечера и до утра он безобразно надирался в своем окружении подхалимов и лизоблюдов, а с утра и до обеда его невозможно было разбудить. А когда однажды это удалось, так того хуже. Потому что он нес такую ахиною, что переводчику нечего было переводить».

Подношения членам семьи генсека были щедрыми и повсеместными. Осенью 1981 года в Баку рассказывали: «Чурбанов и Галина Леонидовна были там в гостях, уехала она с ожерельем, он с запонками и булавкой к галстуку на общую сумму в 1 млн 800 тыс. рублей».

Сын Брежнева Юрий, заместитель министра внешней торговли, под стать Чурбанову. Возвращался из Стокгольма, лететь-то до Москвы всего два с небольшим часа: «Всю дорогу — пьяный дебош. К Москве — едва на ногах. Спускается по трапу. Встречает его соответствующая камарилья. Рука в «ленинском приветствии» и по-пьяному шуткует: «Приветствую и поздравляю вас с моим прибытием в столицу нашей Родины Москву!» Никому не подав руки, вваливается в машину и — таков».

Ну и что нового мог бы Цвигун рассказать Сулову о брежневском семействе и, главное, что Сулов мог бы предпринять? Поговорить с «Лёней» уж точно бы не решился. Не в его правилах. А в аппарате ЦК между тем были убеждены, что «развернутая в последние брежневские годы кампания по компрометации членов семьи генсека явно была учинена Лубянкой». Но именно что компрометация, а не противодействие средствами закона, как это должно было

Щелоков и Чурбанов

быть, если речь идет о таком органе, как КГБ. И ясно почему: «Андропов значительно больше, чем кто-либо другой, знал обо всех слабостях Брежнева, художествах его окружения, а противодействие, насколько известно, оказывалось лишь Щелокову, которого он и удалил после смерти Брежнева быстро и со-

вершенно справедливо. А другие дела? Или не дошли руки, или, чувствуя свою ответственность, он их попросту хотел замять и покрывать». По всему выходило, Андропов предпочитал действовать исподтишка.

Все фото из книги «Время Андропова»

Новогодний рисунок
от Петра Саруханова

Что в следующем номере?

- Почему фактор войны так важен для русского сознания
- Как трансформируется религия в мире и в России
- Как «англосаксонские» квакеры спасали жителей советского Поволжья от голода

ГОРБИ
ГОРБИ